ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 45-й

№ 13 (4455)

27 марта 1974 г. СРЕДА

ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

ПЯТИЛЕТКА. ГОД ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ

ВАХТА МЕТАЛЛУРГОВ

Днепровский металлургический завод имени Дзержинского. Григорий Медяник (вверху) — отличный мастер, он воспитал целую плеяду сталеваров. Труд металлурга отмечен двумя орденами Ленина.

Фото А. ЛОБОВА (АПН)

ЧЕЛОВЕК ТРУДА — ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Конкурс «ЛГ» на лучший очерк

Об одной из передовых работниц «Трехгорки», наставнице молодежи, прядильщице Дарье Павловне Смирновой рассказывается в очерке Людмилы Уваровой

стр. 2

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

ДВЕ СТРАНИЦЫ НА МАШИНКЕ

стр. 5

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

ЧЕРТЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Максим АУЖАНИН

ЧЕЛОВЕК создает эпоху, а эпоха рождает героев. Мы живем в прекрасное время, когда трудом нашего великого народа создается новый мир, укрепляется новая общность людей.

Пятилетки стали привычным явлением нашей жизни, нашей овеянной легендами истории, но каждый следующий год все-таки привносил и привносит что-то свое, неповторимое, вызывал и вызывает новый, дотоле невиданный подъем трудового энтузиазма. Третий, решающий сменился четвертым, определяющим... В самих названиях уже отражена героическая поступь лет.

Я часто задумываюсь над причиной такого явления. Секрет его, по-моему, заключен в том, что духовный мир советского народа обогащается с каждым годом. Вот почему трудовой энтузиазм рабочих, колхозников, народной интеллигенции неисчерпаем и с шагом времени набирает все большую силу. Это удивительно радостное свойство нашего социалистического строя отчетливо видно на примере моего любимого Полесья.

Современное Полесье — край с интенсивно развивающимися промышленностью и сельским хозяйством. Почти в самом центре древнего болотного моря, именуемого Полесской низменностью, стоит городской поселок со скромным названием Микашевичи. Железнодорожный узел, лесозавод, промкомбинат, музыкальная школа... Вот и все достопримечательности. Но не так давно в полукилометре от Микашевичей геологи обнаружили уникальное месторождение гранита, столь нужного строителям. Первый белорусский гранит!

И все неузнаваемо преобразилось. В поселок пришли горнодобытчики. Я пристально наблюдаю за людьми, обживающими молодой город. В какую бы из его квартир я ни постучался — все учатся. В школе, техникуме, вузе. Сила нашей пятилетки еще и в том, что у истоков ее побед стоит образованный человек — рабочий, колхозник, проникнутый высоким сознанием своей ответственности перед Коммунистической партией, перед всем народом.

Интеллектуальный кругозор, прочные знания, высокий уровень общей культуры, беспредельная преданность коммунистическим идеалам — вот характерные черты героев нынешней пятилетки. Им по плечу решать самые сложные, самые трудные задачи. И, конечно, успехи в выполнении намеченных планов зависят от того, как мы сумеем организовать социалистическое соревнование.

Это — большая сила. Она приводит в действие скрытые резервы повышения эффективности производства, создает творческую атмосферу в любом трудовом коллективе. Стало уже замечательной традицией, что целые республики подписывают договора о социалистическом соревновании, как это сделали недавно Белоруссия и соседняя братская Литва.

Договор наш свидетельствует и еще об одной яркой черте современности — о крепнущей год от года дружбе между народами Советского Союза.

Сейчас, в голубые мартовские дни, моя республика принимает гостей из пронизанной янтарным светом Литвы. Начавшиеся Дни культуры Литвы в Белоруссии — прекрасное свидетельство прочности уз, связавших навечно наши два народа.

Но самое главное, что подобные поездки не единичны, не случайны. Сегодня они приобрели постоянный деловой, творческий характер. Они стали нормой наших отношений, одной из характерных примет нашего социалистического уклада жизни. Именно об этом говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев: «...У нас сложилась и расцвела единая по духу и по своему принципиальному содержанию советская социалистическая культура. Эта культура включает в себя наиболее ценные черты и традиции культуры и быта каждого из народов нашей Родины. В то же время любая из советских национальных культур питается не только из собственных родников, но и черпает из духовного богатства других братских народов и, со своей стороны, оказывает на них благотворное влияние, обогащает их».

В сердце Литвы — красивейшем Вильнюсе жили некогда Янка Купала и Максим Танк. Произведения многих белорусских писателей активно пропагандирует центральное литовское издательство «Вага». Известные поэты А. Жукаускас и Э. Матулявичюс переводят на свой звучный язык строки поэтов братской им Белоруссии.

...Да, новое время рождает новые песни, которые поют новые герои. Песни эти раздольны, мелодичны, и эту мелодичность, эту гармонию придают им и чувство дружбы, искренней и горячей, чувство любви к своим братьям, с которыми мы вместе строим будущее для наших детей, новый, замечательный мир. Последнюю свою поэму я так и назвал — «Когда рождался юный мир». В ней я стремился обобщить черты современников, людей труда. Один из ее героев — молодой азербайджанец Али, который помогает своим белорусским товарищам бурить нефтяные скважины. Ласковое его имя Али здесь заменили не менее ласковым — Алесь. И он почувствовал, что, кроме Азербайджана, у него есть и вторая родина — Советская Белоруссия.

Приметы нашего героического времени запечатлены в песнях, повестях, стихах, но впереди у нас, писателей, еще много работы. И мы выполним свой долг перед партией и народом!

МИНСК

МЕДАЛИ ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ФАДЕЕВА

Совет Министров СССР учредил медали имени выдающегося советского писателя А. А. Фадеева, которые будут присуждаться ежегодно авторам за создание произведений художественной литературы, отражающих героические свершения советского народа — защитника своей социалистической Родины, произведений, посвященных истории и современной жизни Вооруженных Сил нашей страны.

Секретариат правления Союза писателей СССР совместно с Главным политическим управлением Советской Армии и Военно-Морского Флота назвал первых советских писателей, награжденных медалью А. А. Фадеева. Золотая медаль присуждена М. А. Шолохову за опубликованные в разные годы главы романа «Они сражались за Родину». Золотой медалью награждается А. А. Сурков за поэтические произведения и публицистические выступления последних лет.

Серебряные медали присуждены А. А. Ананьеву за произведения о Великой Отечественной войне — «Танки идут ромбом» и «Версты любви» и В. А. Кондратенко — за роман «Полюшко-поле».

При присуждении медалей имени А. А. Фадеева учитывается совокупность творческой и общественной деятельности литераторов, пишущих на военно-патриотическую тему. Кандидаты на соискание наград выдвигаются совместным решением союзов писателей республик и политуправлений военных округов и флотов.

В СЕКРЕТАРИАТЕ ПРАВЛЕНИЯ СП СССР

ГОРИЗОНТЫ БРАТСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

ИТОГИ ПРАЖСКОЙ ВСТРЕЧИ

ОЧЕРЕДНОЕ заседание секретариата правления СП СССР, прошедшее под председательством первого секретаря правления Союза писателей СССР Г. Маркова, было посвящено итогам XI встречи руководителей союзов писателей социалистических стран. На повестке дня — отчет советской делегации, выезжавшей в Прагу для участия в совещании.

В течение трех дней представители союзов писателей Болгарии, Венгрии, ГДР, ДРВ, Кубы, Монголии, Польши, Румынии, СССР, ЧССР делились опытом творческой и организационной работы, рассматривали вопросы дальнейшего развития дружеского сотрудничества социалистических литератур в свете решений Всемирного конгресса миролюбивых сил в Москве, обсуждали формы помощи писателям Вьетнама и Чили.

На секретариате правления глава советской делегации Г. Марков рассказал о той атмосфере дружбы и сердечности, в которой проходила работа совещания. Он подчеркнул, что хозяева — Чехословацкий комитет союзов писателей — создали благоприятные условия для проведения этой встречи. Газета «Руде право» и вся чехословацкая пресса широко освещали ход совещания.

Г. Марков отметил, что для докладов и сообщений участников встречи были характерны единство подхода к основным вопросам развития литератур при социализме и подлинный интернационализм. В выступлениях участников совещания была развернута впечатляющая панорама развития социалистических литератур, содержание и пафос которых отражают достижения социалистического строительства. Союзы писателей считают своей важнейшей задачей укрепление связей литераторов с жизнью народа, широкое освоение проблем современности.

Г. Марков сообщил, что писатели социалистических стран выразили благодарность за приглашения на мероприятия Союза писателей СССР, в частности, Дни советской литературы. Участники встречи говорили о том, что материалы этих поездок уже послужили основой для создания новых книг.

Г. Марков констатировал, что пражская встреча явилась еще одним ярким подтверждением крепнущих связей между союзами писателей социалистических стран, творческих, практических контактов, оказывающих благотворное влияние на ход литературного процесса.

Г. Марков рассказал также о поездке по Южной Чехии, где писатели встречались с рабочими, рыбаками государственного хозяйства, членами сельскохозяйственного кооператива «Верхний Радоунь».

— Очень интересной, — отметил Г. Марков, — была встреча руководителей писательских делегаций с членом Президиума, секретарем ЦК КПЧ Василом Биляком и секретарем ЦК КПЧ Яном Фойтиком. Беседа, проходившая в обстановке исключительного доверия и взаимопонимания, была посвящена сотрудничеству писателей социалистических стран, проблемам современного литературного развития.

— Оценивая итоги XI встречи руководителей союзов писателей социалистических стран, надо сказать,— заявил Г. Марков, — что это совещание открыло новые возможности в деле дальнейшего совершенствования братского сотрудничества.

Секретарь правления СП СССР, член советской делегации Ю. Верченко отметил, что на пражской встрече шел серьезный разговор о проблемах повышения профессионального мастерства писателей, о современной теме в литературе, творчески обсуждались важнейшие вопросы литературного процесса.

Выступившие далее председатель Иностранной комиссии СП СССР А. Косорукое, секретарь правления СП СССР Н. Федоренко, секретарь правления СП РСФСР В. Тельпугов говорили о большом политическом резонансе этой встречи, о необходимости более полно и глубоко изучать братские литературы социалистических стран, более оперативно переводить лучшие художественные произведения писателей стран социализма.

Секретариат правления СП СССР одобрил деятельность делегации Союза писателей СССР на XI встрече руководителей союзов писателей социалистических стран в Праге.

***

В связи с предстоящим XVII съездом ВЛКСМ секретариат правления постановил провести встречи поэтов, прозаиков, драматургов, критиков с молодыми передовиками производства, читательские конференции, посвященные лучшим произведениям о Коммунистической партии, комсомоле, трудовых и боевых подвигах советских людей, дружбе народов СССР. На всесоюзные ударные комсомольские стройки, предприятия, в колхозы и совхозы будут направлены писательские бригады.

В конце апреля решено провести пленум Совета по детской и юношеской литературе правления СП СССР, посвященный теме «Писатели — комсомолу».

НА ЛИТЕРАТУРНЫХ МЕРИДИАНАХ

«КНИЖКИНА НЕДЕЛЯ»

По стране идет один из самых любимых праздников нашей детворы — Всесоюзная неделя детской и юношеской книги, отмечающая в этом году свое тридцатилетие. Пожелуй, нет такого города, района, села, где не звучали бы в эти дни стихи любимых поэтов, отрывки из прозаических произведений для детей.

А какое огромное количество книжных базаров открывается в конце марта! А сколько веселых викторин, книжных лотерей, новых кинофильмов, концертов и, конечно же, встреч с писателями ожидает ребят!.. Детям в эти дни отданы самые лучшие концертные залы, театры, дворцы культуры...

Московская «Книжкина неделя» открылась 24 марта в Колонном зале Дома союзов. К школьникам пришли известные писатели, артисты. В фойе развернута выставка книг, выпущенных издательствами «Детская литература», «Молодая гвардия», «Советская Россия», «Малыш». В Октябрьском зале проводится кинофестиваль. Московские школьники встречаются с писателями и во Дворце спорта в Лужниках, и во Дворце культуры ЗИЛа, и в городском Дворце пионеров и школьников, и в Доме детской книги...

Не главные «именинники» в нынешнем году — юные книголюбы Узбекистана. Здесь — открытие всесоюзного литературного праздника юных читателей. Сюда прибыла делегация Совета по детской и юношеской литературе СП СССР, в которую входят писатели, представляющие все наши союзные республики. Приехали также ребята из многих городов страны.

Праздник начался в концертном зале «Бахор», где юные хозяева горячо приветствовали гостей. Волнующие встречи прошли в республиканской детской библиотеке, во Дворце культуры «Тешкабель», во Дворце пионеров и школьников. На площади, у театра Навои, раскинулся большой книжный базар.

Писатели выехали на встречи с юными читателями в Бухару, Самарканд, Андижан, Чирчик...

В. ПОМАЗНЕВА

Фото А. ХРУПОВА

ПИСАТЕЛЬ И ПЯТИЛЕТКА

«История нашей социалистической Родины делалась и делается людьми труда. Она делалась и делается теми, кто строил Днепрогэс и Магнитку, прокладывал Турксиб и Каракумский канал, кто превратил в цветущий оазис Голодную степь в Узбекистане, кто возводит ныне корпуса КамАЗа и добывает тюменскую нефть», — говорил Леонид Ильич Брежнев на торжественном заседании в Алма-Ате, посвященном 20-летию освоения целины.

Человек труда... Его помыслы, дела, свершения — в центре внимания советских писателей. Ему, человеку труда, правофланговому социалистического соревнования за успешное выполнение задач четвертого, определяющего года пятилетки, посвящаются стихи и очерки, репортажи и повести, пьесы и поэмы...

ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ

Захар ДИЧАРОВ

РОЖДЕНО РАБОЧИМ КЛАССОМ

ВЕСНА 1929 года. В ту пору я работал электриком - осветителем на кинофабрике «Совкино». И нередко вместе с группой кинохроники выезжал на ленинградские предприятия. Вот тогда я и оказался впервые на заводе «Красный выборжец», где кинооператор Евгений Богоров снимал членов бригады Михаила Путина.

15 марта 1929 года бригада обрубщиков алюминия — М. Е. Путин, П. П. Мокин, К. Г. Оглоблин и Б. Д. Кругликов — вызвала на соревнование все бригады «Красного выборжца», подписав первый договор.

В те же дни в «Правде» был опубликован вызов на соцсоревнование, посланный коллективом «Красного выборжца» всем промышленным предприятиям Страны Советов. И вскоре газета поместила 99 ответов трудовых коллективов, откликнувшихся на этот вызов. К концу апреля 1929 года соревнование охватило почти все крупные предприятия страны.

И вот сорок пять лет спустя я вновь на заводе по обработке цветных металлов «Красный выборжец». Коллектив отмечает торжественную дату, связанную с широчайшим народным движением, начало которому было положено в здешних цехах. В фойе заводского клуба я увидел большое полотно, в центре которого — группа рабочих, озаренных пламенем раскаленного металла, а рядом с ними — Горький. Он стоит, опершись на трость, лицо его выражает живую заинтересованность людьми, о которых он писал с величайшим уважением и любовью.

Я подумал, что это полотно — нечто вроде символической композиции. Но ошибся. В превосходно устроенном заводском музее мне показали фотокопию письма А. М. Горького красновыборжцам, присланного в июле все того же знаменательного 1929 года.

Письму этому предшествовали важные события.

23 апреля 1929 года в Москве открылась XVI партийная конференция. В преддверии ее десятки тысяч рабочих Москвы, Ленинграда, Баку, Донбасса направляли в Центральный Комитет партии рапорты о трудовых победах. 29 апреля XVI партийная конференция приняла историческое обращение к народу, в котором говорилось: «Соревнование и пятилетка неразрывно связаны между собой».

Вскоре после этих событий на «Красный выборжец» приезжал А. М. Горький. Он ходил по цехам, знакомился с теми, кто трудом своим создавал фундамент социализма в обновленной России, а уехав, прислал рабочим письмо, которое начиналось словами: «Многое на «Красном выборжце» удивило и обрадовало меня».

Великий пролетарский писатель увидел тогда в массовом соревновании рабочих не только средство подъема промышленности, всего народного хозяйства, но и могучий рычаг духовного роста, важнейший элемент «новой культуры, которую строит рабочий класс».

«...Из грязи и сора прошлого, из хаотичного наследства буржуазии рабочий класс должен выделить — и уже выделяет — все то, высокоценное, действительно культурное, что создано веками труда и войдет в новую культуру, которую строит рабочий класс», — писал Горький.

...Минуло 45 лет, а завод переживает вторую молодость.

К первому декабря коллектив обязался выполнить план четвертого, определяющего года пятилетки.

Красновыборжцы одними из первых в Ленинграде начали защиту рабочих диссертаций. Рабочие диссертации — это исследования, обобщающие большой практический опыт.

...Каждый раз, проезжая по Кондратьевскому проспекту, который разделил завод на две части, вижу, как растет из стальных конструкций новый огромный цех крупногабаритных листов, в котором будет установлен двухвалковый стан, единственный на предприятиях цветной металлургии.

Неузнаваемо изменился «Красный выборжец» — «отец» социалистического соревнования, многое радует и удивляет на нем...

ЛЕНИНГРАД

ЧЕЛОВЕК ТРУДА — ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

КОНКУРС «ЛГ» НА ЛУЧШИЙ ОЧЕРК

Людмила УВАРОВА

ДАРЬЯ СМИРНОВА С «ТРЕХГОРКИ»

ЕЩЕ не будучи знакомой лично, я была уже наслышана о Дарье Павловне Смирновой. Впервые рассказала мне о ней Анна Алексеевна Северьянова, бывшая в ту пору директором текстильного комбината «Трехгорная мануфактура», а потом и Владимир Иванович Ворошин, помощник мастера ткацкой фабрики.

Было это в сорок восьмом году. Я впервые пришла на комбинат, который через год собирался праздновать стопятидесятилетие со дня своего основания.

...Сперва я познакомилась с Анной Алексеевной Северьяновой.

Побеседовав с нею (а беседа была долгой — около четырех часов), я убедилась, что она знает своих производственников, как собственную ладонь, знает, как кто живет, что у кого на душе, какие условия дома, каковы семейные отношения, какие у кого планы на будущее.

Признаться, я не могла не подивиться подобной памяти. А Северьянова только улыбнулась в ответ:

— При чем здесь память? Дело совсем в другом.

— В чем же? — спросила я.

Она помедлила, прежде чем ответить:

— Надо просто любить... Людей любить...

Вот тогда я и услышала от нее о Дарье Павловне Смирновой.

— Прежде всего, она прямая, правдивая, искренне преданная своему делу, — сказала Северьянова. — Ну, а что касается работы, то ее по праву считают одной из лучших прядильщиц. И еще за что я ценю Дарью: за то, что она на редкость неравнодушная, ее все живо интересует, не только, например, собственная работа или собственные интересы, а работа и личные интересы всех остальных.

Позднее, когда я встретилась с Ворошиным, он слово в слово повторил то, что сказала о Смирновой Анна Алексеевна...

Я задумала написать очерк о Смирновой, уж очень она, что называется, упала мне на душу. И каждый раз, бывая на «Трехгорке», я вспоминала о ней и шла на прядильную фабрику, чтобы повидаться с Дарьей Павловной, поговорить «за жизнь», расспросить, как сын, которому тогда, в дни нашего первого знакомства, было около восьми лет.

Но удивительное дело! Мне все никак не удавалось повстречаться с Дарьей Павловной — то она была в командировке в Шуе или в Иванове, где передавала свой опыт тамошним текстильщицам, то уехала куда-то за рубеж, то я пришла не в ее смену, то она заседает в Верховном Совете: в 1962 году Дарья Павловна Смирнова была избрана депутатом Верховного Совета СССР.

И только лишь недавно мне довелось побеседовать с ней обстоятельно и долго...

Она жила теперь в новой двухкомнатной квартире на Малой Грузинской. Открыла мне дверь, протянула руку, и я мысленно подивилась и обрадовалась за нее: как все же время сумело пощадить Дарью Павловну!

Квартира ее была обставлена просто и красиво, выходила на солнечную сторону. Цветущие июньским пухом ветви тополей властно врывались на балкон.

— Я иду на работу в дневную,— сказала Дарья Павловна. — Так что времени для беседы у нас предостаточно!..

Небольшое отступление... Незадолго до этой встречи с Дарьей Павловной мне привелось в Будапеште познакомиться с Жужей Декан, работницей текстильного предприятия.

В цехе у Жужи было тепло, даже жарко. Стучали машины, вырабатывая пряжу, металлические части машин отливали смуглым блеском. Я сказала Жуже, что сейчас, глядя на нее, ловко и быстро управляющую своими машинами, вспоминаю нашу московскую «Трехгорку».

— О, «Трехгорка»! — Жужино лицо осветилось улыбкой. — Я была в Москве два года назад и в первый же день попросила, чтобы мне показали «Трехгорку».

— С кем вы там познакомились?

— Со многими. У меня теперь там много друзей, я даже переписываюсь с некоторыми.

— А кто вам понравился больше всех?

Она не задумываясь ответила:

— Дарья Смирнова.

Жужа с трудом произнесла непривычное для нее русское имя — Дарря. Черные глаза ее блеснули.

— Это виртуоз, самый настоящий. Когда смотришь на ее руки, тогда начинаешь понимать, что означают слова «мастер своего дела»...

Долго ли, коротко ли мы беседовали со Смирновой, а неминуемо подоспел час, когда ей выходить из дома на работу.

— Пошли пешком, у нас времени хватит, — предложила она.

Тополиный пух летал над улицами Красной Пресни, знакомой еще с детских лет. Но теперь, идя вместе с Дарьей Павловной, я с невольным удивлением оглядывалась кругом. До чего же изменилась наша старая, рабочая Красная Пресня!

Новые красивые дома, построенные за последние годы, встали на месте деревянных домишек, окруженных чахлыми заборами.

— Многим нашим трехгорцам дали квартиры в этих домах, — сказала Дарья Павловна. — Кто живет в других районах, а иные, вроде меня, поселились неподалеку, так что могут на работу и пешком ходить...

Вспомнились рассказы старой ткачихи тети Они Тавровской, которая, должно быть, лет тридцать, никак не меньше, прожила в «Прохоровской спальне»,—так назывались деревянные бараки, отданные рабочим тогдашним хозяином «Трехгорки» купцом Прохоровым.

В тесных клетушках, отгороженных друг от друга листом фанеры, а то и просто занавеской, ютились семьи рабочих. В одной комнате, случалось, проживало три, порой даже четыре семьи, с ребятишками, со стариками...

— Что было, то сплыло, — сказала Дарья Павловна.— Поверите, теперь даже и представить себе трудно, как немыслимо и тяжко жили в то время рабочие...

Мы с Дарьей Павловной прошли Краснопресненскую заставу, направляясь к «Трехгорке». Любопытная деталь: дорогой она не переставала указывать на проходивших мимо женщин.

— Смотрите, это платье из нашей ткани, «Росинка» называется, а у этой жакет из «Виры», красивая ткань, не правда ли?

«Вира» и в самом деле красивый материал: плотный, с рисунком, похожим на тонкую кружевную вязь.

— Я на «Трехгорке» вот уже сорок лет. Много чего помню. В войну мы выпускали материалы для гимнастерок, для белья, маскировочные ткани. Заказ фронта, сами понимаете... А после войны снова начали выпускать наши знаменитые трехгорские ситцы.

Мы подошли к проходной. Дарья Павловна протянула мне руку.

— Постойте,— сказала я.— Можно, я пройду вместе с вами в цех, погляжу, как вы работаете?

Широко известна фраза: человек полностью раскрывается в труде. Мне пришлось лишний раз убедиться в справедливости этих слов.

Дарья Павловна шла по проходу, оглядывая свои машины. А потом остановилась возле работницы. Это была еще совсем девчонка. У нее оборвалась пряжа, а пальцы, еще непривычные, нетренированные, не слушались, и нить выскальзывала из них.

Дарья Павловна молча положила свою ладонь на ладонь девушки, палец на палец. Должно быть, она стремилась передать ей точные, отработанные движения, свою годами выверенную хватку...

Позднее я спросила Дарью Павловну, кто та молодая работница.

— Наташа Неведомская, она окончила ПТУ, пришла ко мне в бригаду. У нас на «Трехгорке» начато соревнование по передаче передового опыта, то есть, иначе говоря, старшее поколение обязалось делиться своими знаниями с молодежью...

Заведующая прядильной фабрикой Любовь Федоровна Исаева рассказала мне о том, что Смирнова первой откликнулась на призыв — передать опыт молодым и первой начала обучать учениц ПТУ.

— Мы, старые коммунисты, являемся в известном роде наставниками молодежи,— сказала Дарья Павловна. — Нас так и называют на «Трехгорке» — наставники. Работа с молодежью — мое партийное поручение. Я успела выучить шесть выпускниц ПТУ. А недавно нашей бригаде поручили еще 30 учениц...

Дарья Павловна улыбнулась:

— К слову сказать, это — то самое ПТУ, в котором я училась сорок лет назад, только тогда это было ФЗУ...

Мне довелось в тот день провести немало часов в цехе, наблюдая за работой бригадира прядильщиц Смирновой. Если говорить только о технической стороне ее труда, то Дарья Павловна поражала отработанностью каждого своего движения. У нее были высчитаны не только часы, но и минуты, каждая минута поистине дорогого стоила.

Я поняла, что подобная слаженность, взаимосвязанность всех рабочих приемов достигаются большой профессиональной выучкой в сочетании с культурой производства. И еще — привязанностью к своему делу, истовой преданностью ему до конца. Вспомнились слова Северьяновой: «Надо просто любить...»

Я смотрела на Дарью Павловну, обходившую машины, слушала ее, когда она обратилась к молодой прядильщице Любе Сениной.

— Надо учиться работать двумя руками, — поучала ее Дарья Павловна. — С виду вроде бы это несложно, на самом деле — не так уж просто: все время правая рука, главная наша труженица, вылезает, а левая норовит отдохнуть. А ведь у нас, прядильщиц, обе руки должны быть одинаково занятыми, иначе нельзя...

Я после спросила Дарью Павловну, не устает ли она.

— Иногда устаю, а больше радуюсь, честное слово!

— Чему?

— А вот чему. Гляжу на молодых — и словно опять с самой собой повстречалась, словно в свою молодость по обратной дорожке шагнула. Скажем, учу, как следует всю нашу работу на равные операции разделить, и вспоминается мне Анна Ивановна Ильичева, дорогая моя тетя Нюша, первая моя учительница. Она была старшим инструктором производственного обучения и тогда, в тридцать третьем году, взялась обучать меня. До сих пор помню, как она говорила: «Старайся правильно раскладывать ровницы, бери одной рукой катушку и вставляй ее в рамку...» А еще тетя Нюша учила меня планировать рабочее время, правильно соблюдать маршрут. Ведь за четверть часа надо обойти шесть машин — 1920 веретен... — Она, не скрываясь, вздохнула: — Что говорить, нелегко было, зато по сей день помню все наставления тети Нюши.

Многое можно было бы еще рассказать о Дарье Павловне Смирновой. Хотя бы о том, что она одной из первых на прядильной фабрике решила перейти на большее количество веретен. И обслуживала вместо трех — четыре, пять и шесть машин. Многие прядильщицы поддержали почин Смирновой, среди них — депутат Верховного Совета СССР Валентина Папугина и Валентина Погибелева, недавно удостоенная звания Героя Социалистического Труда.

К сожалению, размер этого очерка не позволяет мне рассказать подробно о депутатской деятельности Дарьи Павловны. Ведь в течение девятнадцати лет она была депутатом — сперва Моссовета, потом Верховного Совета СССР, членом Президиума Верховного Совета.

Когда я собралась покидать «Трехгорку», Дарья Павловна вышла проводить меня: у нее как раз был обеденный перерыв. Мы шли с нею по фабричному двору, где возле ткацкой фабрики виднелась мраморная доска с выбитыми золотом фамилиями рабочих, отдавших в 1905 году, в дни декабрьского восстания, свою жизнь за светлое будущее Родины.

...Ныне «Трехгорка» готовится к своему 175-летию, и я, естественно, снова пришла в гости к своей героине... Снова к Дарье Павловне. Разговор шел о жизни, о работе.

— Наша смена выдала «на-гора» две с лишним тонны пряжи сверх плана. В честь предстоящей «красной субботы»... А, каково? Ведь это только одна смена... — сказала Смирнова.

А потом мы сидели у телевизора, слушали речь Леонида Ильича Брежнева в Алма-Ате.

Дарья Павловна на секунду отрывается от телевизора:

— Под каждым его словом мы, рабочие люди, можем подписаться... Под каждым!

...Когда-то, в восемнадцатом году, на «Трехгорке» впервые побывал Ленин. В последующие годы он не раз выступал перед рабочими комбината.

По сей день хранится здесь копия билета номер один депутата Моссовета Владимира Ильича Ленина, который трехгорцы вручили Ильичу.

Я смотрела на Дарью Павловну, и мне казалось, будто тоненькая ниточка протянулась сквозь годы от великого вождя человечества к ней, работнице «Трехгорки», прекрасной русской женщине, подлинной хозяйке своей фабрики, своей судьбы.

ВСТРЕЧА С ГЕРОЕМ

Эркин ВАХИДОВ

ЕСЛИ ПОЗВАЛО СЕРДЦЕ...

НАВЕЧНО впечатались мне в память дни, проведенные на далекой Тюменщине. Об этом удивительном и суровом крае я — житель солнечного Узбекистана — знал лишь с чужих слов. Но когда он воочию предстал передо мною, я был поражен бескрайними таежными просторами и неисчислимыми природными богатствами. Однако еще больше я был восхищен теми, кто способен, как писал прославленный сказочник Петр Ершов в своем «Коньке-Горбунке»:

...Раскрыть покров небес
полночных,
Богатства выспросить
у гор
И чрез кристаллы вод
восточных
На дно морское
кинуть взор...

Подумать только! В 1974 году нефтяники Тюмени добудут более 100 000 000 тонн нефти — в пять раз больше, чем дают бакинские промыслы. А ведь с тех пор, как здесь началась промышленная добыча нефти, прошел всего десяток лет.

Встречался я и с геологами, газовиками, лесорубами, рыбаками... Познакомился и с теми, кто через топкие болота и лесные чащи прокладывает стальную магистраль Тюмень — Сургут — Нижневартовск.

Прекрасные люди трудятся здесь. Вот один из них — молодой путестроитель Борис Санин. Приехал он сюда с Украины по комсомольской путевке. Когда я спросил, что его привело в таежную глухомань, он мне ответил просто:

— Совесть.

А затем пояснил:

— Я не хочу, чтоб меня потом совесть мучила, не хочу быть в стороне от большого дела. В жизни одного поколения был Комсомольск-на-Амуре. Наши отцы и старшие братья прошли сквозь огонь войны, поднимали целинные земли... Ну, и у моего поколения тоже должно что-то быть. Вот я выбрал Тюменщину, глухомань, как вы говорите. Да, пока еще глухомань, но скоро... — И он вдохновенно (я не боюсь этого высокого слова) начал рассказывать о том, что будет здесь в недалеком будущем.

Слушал я его и наяву видел, как приземистые избушки таежного поселка Салыма, на околице которого мы тогда стояли, превращались в многоэтажные белокаменные дома.

С таким же упоением рассказывал мне о своей работе, о чудесном будущем края и мой земляк Эльмурад Таджиев. Приехал он сюда из знойной Бухары. Слушая их, я вспоминал строки из поэмы Гафура Гуляма, в которой он воспел подвиг строителей Туркестано-Сибирской дороги. Поэма так и называется — «На путях Турксиба»:

Очень стар,
незапамятно стар
этот путь...
Но отныне на нем
лишь один властелин —
богатырь,
тот, что слил воедино
Туркестан и Сибирь...

...Так и в наши дни. Сегодня властелины тюменской земли — дети разных народов, дети тех, кто строил Турксиб, Абакан—Тайшет. Самые обыкновенные советские парни и в лютый мороз, и под проливными дождями, среди лесов и болот прокладывают железную дорогу, воздвигают новые города.

И мне подумалось: в каком же еще большом долгу мы, поэты, перед теми, кто героическим трудом преобразует нашу землю! И не знаю, удастся ли мне воссоздать яркий образ первопроходцев сурового края, но я хочу увиденное мною воплотить в поэму — «Сагу о тюменской земле»...

ТАШКЕНТ

С МЕСТА СОБЫТИЯ

Шерхан МУРТАЗАЕВ

РАСКОЛДОВАННЫЙ КЛАД КАРАТАУ

В ПОРУ нашего детства старым людям некогда было радовать малышей сказками. Мы — дети войны. Восьмилетние и восьмидесятилетние занимали рабочие места джигитов, вскочивших в боевые седла. Но и в те суровые годы выпадало короткое время отдыха, когда наконец лошади сбрасывали хомуты, впившиеся в шею, а люди отдирали от ладоней лопаты. Чудные то были вечера, когда аул затихал, как опустевший базар. Напившись холодного кислого шелепа, аксакал Сапы всматривался в темный бешмет Каратау, опоясанный рекой Терс, словно широким поясом из черненого серебра, и начинал рассказывать. О несметных сокровищах, спрятанных в этих горах. Об удальцах, пытавших свое счастья... О кладе Каратау...

...С тех пор прошло много лет. Нет уже в живых сказочника Сапы и многих его товарищей. А что до меня, так я стою сейчас поблизости от Каратау и своими глазами вижу несметные сокровища, о которых тогда шла речь...

Лентой вытянулся карьер. Мощные экскаваторы черпают руду, на одном из них работает Яков Капфенштейн.

Договорились мы встретиться с Яковом и его другом Демеуханом Бектлеуовым вечером в гостинице. Признаться, не сразу и узнал их. Неужели это те самые рабочие? Нет, не безукоризненный внешний вид их привел меня в удивление, а то, насколько образованными, глубоко мыслящими людьми оказались горняки.

Впрочем, за свое удивление я до сих пор испытываю стыд. Пора бы, давно пора привыкнуть к изменениям в нашей жизни. Но стыд этот радостный, хоть мои слова звучат и парадоксально. В каком же долгу перед рабочими мы, литераторы! Нам еще писать и писать о казахском рабочем классе, о людях — многие из них еще вчера были кочевниками,— которые стоят у пультов современных предприятий, управляют сложнейшими машинами. Есть над чем поразмыслить. Какая благодатная тема!

Ни Яков, ни Демеухан не делают тайны из того, почему их екипаж — первый на комбинате. Они верят друг другу, знают цену времени, чувствуют высокую ответственность за свое дело.

Горняки с увлечением рассказывают о своем комбинате, который добывает «витамины» для полей — фосфориты. Куда проще, если бы можно было только взорвать породу да загрузить ее! Но в руде содержится лишь двадцать два процента фосфоритов, остальное — синий камень, пустая порода. Нужно уменьшить количество бесполезного камня и, наоборот, увеличить процент фосфорита. Значит — на фабрику, где и занимаются этим чудесным превращением.

Обогатительная фабрика переживала трудный период становления. Таким уж неудачным оказался проект... Тогда на комбинате построили опытную установку, уменьшенную в десятки раз «копию» фабрики, и начали упорные поиски. К обиде на проектировщиков примешивались неверно скептиков, нехватка «миниатюрных» приборов... Это, на первый взгляд, безнадежное предприятие и поручили молодому инженеру Жаппару Досымову.

Начал он с создания лаборатории. Увы, не все считали, что новенький занимается серьезным делом, говорили: детская забава. А «забава» стоила ему многих бессонных ночей. И установка заработала. Да еще как! Теперь, опираясь на этот опыт, сумели отладить и фабрику. Жаппар впоследствии стал ее главным инженером, а недавно он утвержден в должности главного инженера всего комбината.

— То, что мы делаем сейчас, только начало большого пути, — говорит главный. — Рудное тело значительно расширяется за счет Жанатасских залежей. В ближайшие годы вступят в строй новые рудники, карьеры. В эти весенние дни все наше внимание было приковано к Алма-Ате. Леонид Ильич Брежнев глубоко и всесторонне раскрыл основные итоги освоения целинных земель и главные направления аграрной политики партии. Мы все сделаем, чтобы помочь селу в повышении урожайности. Партия ставит задачу увеличения производства зерна, а отсюда и усиленное внимание к выпуску минеральных удобрений. В Каратау на смену 27-тонным «БелАЗам» в недалеком будущем придут 70-тонные громадины. Вместо экскаваторов с четырехкубовыми ковшами в карьеры спустятся машины, ковши которых будут вмещать восемь кубометров руды. А управлять ими должны люди. Люди нам нужны! Машинисты экскаваторов, водители тяжелых грузовых автомобилей, слесари. Дел-то — непочатый край!

...В светлый вечер в прозрачном голубом мареве видна гора Келиншек, манящая, недоступная. Снова вспыхнули облака, подожженные заходящим солнцем, пробудив во мне далекие детские воспоминания. Зажглись вершины Каратау. В сказке говорилось, что это отсветы сокровищ, скрытых в недрах гор, что это горит, отражаясь в небе, клад... И был такой же вечер, был такой же закат...

Многие столетия мечтал народ добыть сокровища. Мои современники добыли их!

Записал Ю. ШАПОРЕВ

АЛМА-АТА

СТЕНОГРАММА «ЛГ»

ПРОБЛЕМЫ СТАВИТ ЖИЗНЬ

«Литература и человек труда». Этой теме был посвящен состоявшийся в Вильнюсе пленум правления Союза писателей Литвы. В работе пленума приняли участие секретарь ЦК КП Литвы А. Баркаускас, заместитель председателя Совета Министров республики Л. Диржинскайте, заведующий Отделом культуры ЦК КП Литвы С. Шимкус, заведующий Отделом агитации и пропаганды ЦК КП Литвы Ю. Куолялис. С докладом выступил председатель правления Союза писателей Литовской ССР А. Беляускас. О рабочей теме в литературе, романтике трудовых профессий говорили писатели М. Слуцкис, А. Йонинас, Ю. Палецкис, В. Бубнис, В. Мартинкус и другие. На пленуме выступили и представители рабочих коллективов — слесарь Вильнюсского завода электросчетчиков С. Пуоджюнас, инженер Алитусского комбината хлопчатобумажных тканей Я. Казлаускас.

— Как человек, тесно связанный с производством, хотел бы остановиться на проблемах, которые, по-моему, еще недостаточно разработаны, — сказал К. Казлаускас. — Развитие промышленности способствует «оттоку» населения из сел. На наш комбинат тоже пришли «люди из деревни». Приобщение их к промышленному производству — процесс очень интересный, длительный и сложный. У человека, сформировавшегося в деревне, а теперь работающего за станком, психология уже не крестьянская, но еще и не рабочая. Писателю, исследующему психологические и социальные изменения в жизни рабочего класса и крестьянства, есть над чем поразмышлять.

Много говорят о романтике труда. Но как часто в книгах придают романтический ореол только героическим профессиям — геолога, летчика, моряка.

...Короче, жизнь рабочего коллектива — это неисчерпаемый источник тем для художника.

ВИЛЬНЮС

РОДНОГО НАРОДА СУДЬБА

ДНИ ТАДЖИКСКОЙ ПОЭЗИИ

В Колонном зале Дома союзов под председательством секретаря правления СП СССР М. Луконина состоялся торжественный вечер, которым открылись Дни таджикской поэзии, посвященные 50-летию образования Таджикской Советской Социалистической Республики и ее Компартии.

Вступительное слово произнес секретарь ЦК КП Таджикистана И. Р. Рахимова.

Свои стихи читали М. Турсун-заде, М. Миршакар, Б. Рахим-заде, Л. Шерали, О. Аминова, М. Каноат, Г. Сафиева, Г. Мирзоева, М. Хакимова. С переводами выступили Ю. Гордиенко, Ст. Куняев, Я. Козловский, С. Липкин.

На вечере присутствовали заведующий Отделом культуры ЦК КПСС В. Ф. Шауро, председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по телевидению и радиовещанию С. Г. Лапин, председатель Президиума Верховного Совета Таджикистана М. Х. Холов.

* *

Сегодня мы публикуем новые стихи таджикских поэтов — участников Дней поэзии.

Мавджуда ХАКИМОВА

Ленин

Я не художник, но его лица
Вовеки мне не позабыть уже.
Как образ незабвенного отца,
Рисую образ Ленина в душе.

— Отец, ученье Ваше помогло
Нам сбросить цепи рабства навсегда.
И в сердце, и на родине светло.
Цветут сады, сияют города.

Моих сестер в минувшие века
Никто не мог от злой судьбы спасти.
Они зовут меня издалека
Всей болью строк Махфи и Мехасти*.

А надо мной — счастливый небосвод.
Со мною — жизни лучшая пора.
И радостно звучат стихи Озод,
И радость дарит людям Гульчехра**.

Таджичка долей доброю горда.
Прекрасно все, что рядом и вдали...
И этому свидетель — Мавджуда,
Росток под солнцем, — тем, что Вы зажгли.

И потому не кисть, не карандаш,
А все, чем Вам верна я до конца,
В душе рисует светлый образ Ваш,
Как образ незабвенного отца.

Перевела Римма КАЗАКОВА

* Махфи и Мехасти — таджикские поэтессы XVII и XII вв.
** Озод Аминова, Гульчехра Сулейманова — современные таджикские поэтессы.

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ

Не будь у женщины огня...

Не будь у женщины огня, не возмужали бы мужчины, —
Невыдержанное вино тогда б наполнило кувшины.

Не будь у женщины огня, что озарил наш путь духовный,
Без почвы бы остались мы, без имени, без родословной.

Не будь от века на земле горячей материнской ласки,
Не знали б мы, что есть любовь, и голоса ее, и краски.

О, если б молоком грудным, — у нас в народе есть примета, —
Глаза нам не омыла мать, мы не увидели бы света!

О, если б не внимали мы урокам женщин благородных,
Мы превратились бы в невеж, в невежд презренных и негодных.

Не будь у женщины огня, как потускнела б жизни прелесть, —
В домах погасли б очаги и светочи б не загорелись.

О, если б речь из женских уст мы не услышали впервые, —
Безгласные, как твердый знак, всегда б молчали мы, немые.

На то у женщины огонь, чтоб мы не стыли, как могильник,
А пламенели бы везде, как вдохновляющий светильник!

Перевел С. ЛИПКИН.

Гафар МИРЗОЕВ

Как жизнь, как пламя...

Флаг родной мой, твоя освежительна сень,
Не тобой ли вся жизнь моя осенена?
На колени я встану в твой праздничный день
И губами коснусь твоего полотна.

Алый цвет... Разве знал его раньше таджик!
На лице его смуглом румянец поблек.
Море желтое жизни он видеть привык,
И тонула в ней гордость—смешной островок.

Белизна... Только—проблеск надежды слепой,
Но лицо ей боязни окутала мгла,
От рожденья надежда была сиротой,
У отчаянья в доме батрачкой была.

Ну, а зелень... Ее выжигала дотла,
Загоняла в ущелья барханов волна.
Разве подлинной зеленью зелень была!
Выцветала и гасла, желтела она...

Вспоминаю о том, кто все эти года
Шел с тобою дорогой отважных сердец,
Кто нашел и тебе подарил навсегда
Красный цвет революции — алый багрец,

И о том, кто помог белизною омыть
Серый холст полотна и поднять паруса,
Научить тебя выткать белейшую нить,
Чтоб цвела чистотою твоя полоса.

Кетменя и лопаты был жестким язык,
И пески отступили, немного споря,
Но пробился в их полчищах синий родник,
И шагнули вперед, и пошли дерева.

И коварное войско захватчиц-пустынь
Отошло, откатилось, очистив страну.
И таджикская зелень и русская синь
Победили и стерли песков желтизну.

О республики флаг, ты белей белизны,
Нежно-зелен, как жизнь, и, как пламя, багрян!
Хороши и естественны краски весны,
Озаряющей радостный Таджикистан.

Перевел М. СИНЕЛЬНИКОВ

Лоик ШЕРАЛИ

Айни

За гранью лет в таинственном тумане
И в книжной вязи, близкой филиграни,
В словах, что узник начертал на стенке
Кровавым ногтем в каменном застенке,
Ты нас открыл, ликуя и скорбя,
И осознали, мастер, мы себя.

Где темных башен высились бойницы,
Ты нас собрал по золотой крупице,
Как Рудаки разрозненные строки
Пытливо собирали на Востоке.

Вникал ты в древний стих и в древний сказ
Затем, чтоб с нами познакомить нас.

Печаль светла ли, радость ли печальна,
Суть в истине, она первоначальна,
Ее истоки видел ты в бунтарстве,
Не потому ли смог в подлунном царстве
Фирдоуси над временем взять верх,
А не султан, что «Шахнаме» отверг.

Ты понял революции духовность,
Являя беззаветную готовность,
Наперекор перипетиям века,
Простого возвеличить человека.
И смерть саму презрев в лихие дни,
Таджиков имя ты вознес, Айни.

И вместе с революцией возвысясь,
Достойно, как пророк и летописец,
Презрением не зря карал предвзятых
Истории писцов витиеватых,
И верною в отеческом колчане
Стрелою остаешься ты, как ране.

Перевел Яков КОЗЛОВСКИЙ

Боки РАХИМ-ЗАДЕ

Осень

О время зрелости! О время возмужанья!
Пора плодов и мыслей созреванья.
Пора веселья и пора прощанья.
Под пенье свадебное—с домом расставанье.

Весною почки лопались недаром.
Ведь нынче ветвь горит осенним жаром.

Мой друг, пойдем притихшими садами
Туда, где листьев полыхает пламя.
Увидишь ночь, рожденную трудами —
Дехканина пресветлыми руками.

И ты поймешь, что надо жить, как осень —
Она дарит и ничего не просит.

Пусть жизнь твоя, поэт, преобразится,
Строкам — осенней щедростью налиться!
Делами станет твой народ гордиться.
И песнь твоя поднимется, как птица.

Трудись, поэт, над книжной целиною,
И будет щедрость осени с тобою!

Перевел Д. ПЕТРОВ

Убайд РАДЖАБ

Зеравшан

Устремляются к морю потоки,
Реки делают море большим...
Зеравшан, полноводный, глубокий,
Разливается, неудержим.

Но и все же не слишком ли краток
Быстротечный отрезок пути?..
Зеравшан! Ручеек — твой остаток,
И до моря тебе не дойти.

Словно лев, разрывающий цепи,
Вырываешься ты на простор,
И вступаешь в широкие степи,
И прощаешься с высями гор.

Раскрывает объятья долина,
Расстилается перед тобой,
Чтоб на склоне хребта-исполина
Ты стремниной взыграл голубой.

Чтоб в пустыне воспрянувшим нивам
Было поровну влаги дано,
Чтоб в земле под приливом бурливым
Пробудилось любое зерно.

Ждут тебя и сады, и поляны,
Разнотравья зеленая вязь,
Дряхлый старец и мальчик румяный —
Вся долина тебя заждалась.

То налево свернешь, то направо,
Все раздашь и пройдешь по стране...
Не вода, а высокая слава
Остается в наследство волне.

Реки к морю бегут сквозь пороги...
Я хотел бы, родная река,
Жить, как ты, в непрерывной дороге,
Хоть она у тебя коротка.

Перевел М. СИНЕЛЬНИКОВ

Кутби КИРОМ

У памятника Ермаку

Сегодня, просторов лесных властелин,
Приказы тайге отдаю на рассвете.
Из всех рудников, из сибирских глубин
Шлю весть о заре и привет всей планете.

Услышьте, о люди, привет от лесов,
Что стали домами, плывут кораблями,
Что гордо мостами легли меж мирами,
Что встали стенами высоких дворцов.

Стою, повелителя власть обнаружив, —
Амнистия громко объявлена мной:
«Отныне живите на воле, Бестужев,
Вильгельм Кюхельбекер, вернитесь домой!»

А сам я к знакомым своим налегке
Помчусь на ершовском коньке-горбунке.

Простите, друзья, мои дерзкие речи,
Но я на таежной земле Ермака
Почувствовал: сила моя велика,
И стал я сородичем сибиряка,
Хотя я приехал сюда издалече.

Увидел в Сибири таджикский поэт
Взволнованный мир, чудодейственный свет.
На поле высокие встали хлеба,
Они — как родного народа судьба.

Перевел С. ЛИПКИН

ЗАСЕДАНИЯ

ПЕРЕД ПЛЕНУМОМ

В конце мая состоится пленум правления Союза писателей РСФСР, на котором будет рассмотрено состояние российской прозы последнего десятилетия. Готовясь к этому событию, 19 марта на расширенное заседание собрался Совет по русской прозе правления СП РСФСР. В нем приняли участие известные литераторы Ленинграда, Ярославля, Краснодара, Пензы, Красноярска, Костромы, Обнинска и других городов.

Председатель совета Н. Евдокимов, характеризуя задачи совета, его участие в литературной жизни республики, привлек внимание собравшихся к произведениям, где наиболее остро и художественно ярко исследуются проблемы современности, характер советского человека-созидателя.

Выступавшие говорили о важных проблемах развития нашей литературы, о повышении идейно-художественного уровня произведений, о литературной смене, об ответственности перед читателем.

На заседании выступили Н. Почивалин (Пенза), С. Шуртаков (Москва), В. Логинов (Краснодар), Р. Солнцев (Красноярск), С. Воронин (Ленинград), А. Витов (Ленинград), Д. Холендро (Москва), Ф. Таурин (Москва), Л. Обухова (Москва), В. Переведенцев (Москва), О. Кожухова (Москва), В. Московкин (Ярославль), Н. Воронов (Москва).

В работе совещания приняли участие работники издательств и редакций литературных газет и журналов.

Н. МАРИНИНА

МАЛЕНЬКОЕ ИНТЕРВЬЮ

ВСЕСОЮЗНЫЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ В БАКУ

12 апреля в Баку открывается VII Всесоюзный кинофестиваль. По просьбе «ЛГ» об этом творческом смотре многонациональной советской кинематографии рассказывает заместитель председателя Совета Министров Азербайджана К. А. Гусейнов, возглавляющий оргкомитет фестиваля.

Мы рады, что столица нашей республики станет на неделю и «столицей» отечественного киноискусства. Фестиваль — это не только подведение итогов киногода, но и праздник тысяч и тысяч друзей экрана. Насыщенная программа смотра. Многочисленные встречи кинематографистов со зрителями — творческие делегации побывают на промышленных предприятиях, у нефтяников Каспия, у тружеников села, — безусловно, помогут пропаганде советского киноискусства.

На конкурс представлено около семидесяти художественных, документальных и научно-популярных фильмов. А сколько еще картин пройдет вне конкурса! Немало лент — например, «Истоки» (Студия имени Горького), «Здесь наш дом» и «Старые стены» («Ленфильм»), «Повесть о женщине» (Студия имени Довженко), «Открытие» (Свердловская студия) и другие — посвящено славному рабочему классу, людям науки. Фильмы эти поднимают глубокие нравственные проблемы. Нацеленность на кардинальные темы современности, пожалуй, особенно примечательна для нашего киноискусства в минувшем году.

Киностудия «Мосфильм» представила на конкурс ленту В. Шукшина «Калина красная».

На фестивале будут показаны фильмы, посвященные славному прошлому нашей многонациональной страны: «Насими» (студия «Азербайджанфильм»), «Дмитрий Кантемир» («Молдова-фильм») и другие. Последними работами режиссеров Л. Гайдая и А. Жебрюнаса представлен жанр комедии. Достаточно разнообразен и раздел документального кино — уже завоевавшая признание украинская лента «Большой хлеб», интересные работы документалистов Прибалтики, Закавказья, Средней Азии.

Постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию советской кинематографии», приветствие Л. И. Брежнева коллективу «Мосфильма» в связи с 50-летием определили перспективную программу творчества наших мастеров кино. Нынешний VII Всесоюзный фестиваль должен подвести первые итоги перестройки творческой работы киностудий.

Э. АГАЕВ,
собственный корреспондент «ЛГ»

БАКУ

ИЗ БЛОКНОТА НАШЕГО КОРРЕСПОНДЕНТА

...НА РЫЖИХ КАМЕНЬЯХ МАГНИТНОЙ ГОРЫ

Фото В. ШАГОВА

Так уж случилось, что из всех журналистов мне последним довелось побывать у поэта Бориса Ручьева... День выдался холодный, хотя в небе блистало солнце. Все портил ветер. Он пронизывал буквально насквозь. Прозаик Марк Гроссман — он тоже шел в гости к Ручьеву, — отворачиваясь от ветра, в такт шагам бормотал стихи:

Синей осенью,
в двадцать девятом,
о руду навострив топоры,
обнесли мы забором
дощатым
первый склад
у Магнитной горы.

И еще:

В этот — зримый глазами
героев,
нареченный Решающим —
год,
выше
нашего
Магнитостроя
в мире не было
горных высот.
Будто с поля
великого боя,
не сводя
настороженных глаз,
с первой, самой
пристрастной любовью
вся Россия глядела
на нас.

— У ручьевских стихов всегда есть точный адресат. Или, прибегая к казенному языку, географическая привязка. Это Магнитка, Магнитка, Магнитка... Ручьев — однолюб. Он посвятил Магнитке почти все, что написал.

...Дверь открыл сам Борис Александрович. Ходил он медленно, постоянно прикладывая руку к груди, — порою часами его не отпускала боль; выглядел очень бледным — по предписанию врачей избегал появляться на солнце.

Юность его пришлась на время нелегкое и увлекательное. Молодые ребята, строившие Магнитогорск, верили, что их город будет самым прекрасным городом на земле. Помню, я разговорил Гроссмана (он тоже, как и Ручьев, — старый строитель Магнитогорска) [illegible] один из эпизодов, «[illegible] шесто» серой с [illegible] лет назад. Ко было тогда еще ни домен, ни мартенов, ни прокатных станов, и города самого не было — стояло лишь несколько палаток да «бараков для семейных». Строили еще только первую домну и к концу каждого дня уставали так, что даже руки невозможно было поднять. В январский вечер сошлись у котлована, двинулись к палатке.

— Пуржит, — сказал Ручьев, — даже жилы зябнуть. Знаешь, почему ветер неистов? И мороз надрывается? Конец свой чуют. В городе ни морозу, ни ветру большего ходу нет...

— Города-то еще нет, город-то пока в земле. Не слишком ли далеко ты заглядываешь вперед?

— Не слишком. Если я не вижу того, что будет сделано завтра, — я слеп. Человек должен уметь видеть не только глазами, но и душой. Человеку никак нельзя без мечты.

— Я не раз замечал в Ручьеве этот удивительный и прочный сплав мечты и трезвости, — говорит Гроссман, — сплав романтики и точной оценки всего, что вокруг. И, может быть, именно это качество помогло ему выстоять в годы испытаний.

А испытания Борису Ручьеву жизнь подготовила нелегкие. Одно из них — инсульт...

Едва Ручьев встал с постели и начал передвигаться по комнате, — первой мыслью было: стихи! Перо выпадало из рук, но он водил и водил им по бумаге... Он будто заново учился писать стихи — в день по две, по три строчки. Больше не одолевал. Это был очень тяжелый труд. А в конце каждого дня по качеству написанного, как по барометру, определял, насколько болен...

Так, над четырьмя страницами поэмы «Канун» он проработал более трех лет...

— Вот какова скорость у нынешней моей писанины... Может, это все старость? Говорят, старость плоха тем, что неминуемо приходит, и хороша тем, что обязательно уходит... — с горькой улыбкой проговорил Ручьев.

Потом он начал рассказывать, чем занят, чем обеспокоен, что думает написать.

Среди магнитогорских металлургов — немало друзей Бориса Ручьева. Многие из них разлетелись по белому свету — всюду нужны их помощь, их советы. Вот магнитогорец Константин Хабаров. Работает на металлургическом комбинате в Индии...

— Приехал он летом в отпуск, не успел и недели дома провести, на рыбалку сходить, с друзьями повстречаться, как пришла тревожная весть — «закозлили» домну. Хабаров — на самолет... Вместе с группой советских специалистов прилетел, а домна уже чуть жива — чугун не шел из летки, остыл на дне. Около двух недель не отходили от домны, пока не оживили. Чем не герой? — спрашивает Ручьев. — Но писать о нем надо не документальную прозу или поэзию. Нет... Надо искать образы обобщающие, к его чертам характера приплюсовать черты других людей...

Работал Борис Ручьев до последних дней жизни, до последних часов, что были отведены ему. Пока не появилось горькое газетное сообщение...

В. ПОВОЛЯЕВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»
МАГНИТОГОРСК

ОТ СРЕДЫ ДО СРЕДЫ

Присуждена...

...премия имени Максима Рыльского поэту Димитру Методиеву (Болгария) за художественный перевод «Кобзаря» Т. Г. Шевченко на болгарский язык.

Эта премия, учрежденная Советом Министров Украины, присуждается за лучший художественный перевод на украинский язык произведений писателей народов СССР и зарубежных стран, а также за переводы на языки народов мира произведений украинской литературы.

Избран...

...членом - корреспондентом Академии наук и литературы в Майнце (ФРГ) известный советский писатель Валентин Катаев.

Состоялся...

...торжественный вечер в Баку, посвященный 75-летию со дня рождения выдающегося драматурга Джафара Джабарлы.

Пьесы Д. Джабарлы — «Севиль», «Алмас», «В 1905 году» и другие — составили одну из ярких страниц в истории азербайджанского советского театра.

Слово о Джафаре Джабарлы произнес вице-президент Академии наук Азербайджана М. А. Дадашзаде.

■

...в ЦДЛ имени А. А. Фадеева авторский вечер лауреата Государственных премий СССР Михаила Луконина.

Стихи поэта читали заслуженный артист РСФСР В. Моргунов, артистка Государственного академического театра имени Моссовета Е. Кайранская, артистка Московской филармонии И. Романова.

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

23 марта в Концертном зале Ленинградского Дворца культуры имени И. Газа состоялась встреча актива производственного объединения «Кировский завод» с работниками редакции «Литературной газеты».

Вечер вел Герой Социалистического Труда токарь Б. М. Воробьев.

Кировцы — инженер-конструктор С. Костюченко, заведующая технической библиотекой Э. Андроенко, начальник цеха крупночугунного литья Ю. Васильев, разметчик Б. Черняков, заведующая библиотекой Дворца культуры имени И. Газа А. Удалова, инструктор Т. Устинова, начальник бюро социологических исследований Б. Максимов, слесарь А. Рубешкин — анализировали работу газеты, предлагали новые интересные темы.

Перед участниками конференции выступили поэты Майя Борисова, Глеб Горбовский, Лев Гаврилов.

ПИСАТЕЛЬСКИЕ КОНТАКТЫ

В Москву для обсуждения дальнейших перспектив сотрудничества между советскими и болгарскими писателями прибыла делегация руководителей СБП во главе с председателем союза академиком П. Зарезым. В составе делегации: заместители председателя СБП А. Гуляшки и К. Калчев, главный секретарь СБП Слав Хр. Караславов, секретарь СБП Г. Струмский, секретарь парторганизации СБП Н. Аржентинский, зав. отделом международных связей СБП В. Божков.

На аэродроме делегацию встречали первый секретарь правления СП СССР Г. Марков, секретари правления СП СССР Ю. Верченко, Н. Федоренко, сотрудники Иностранной комиссии СП СССР, представители посольства НРБ.

■

Недавно в СФРЮ побывала делегация советских писателей. В ее составе секретарь правления Союза писателей Украины И. Солдатенко, секретарь правления Ленинградской писательской организации Вл. Орлов, зам. секретаря правления Иркутской писательской организации А. Шастин, зав. отделом литератур социалистических стран Иностранной комиссии СП СССР В. Борисов.

— В течение двух недель мы были гостями писателей Социалистической Федеративной Республики Югославии, — сказал корреспонденту «ЛГ» руководитель делегации И. Солдатенко. — Кроме Белграда, мы побывали в Загребе, Любляне, Сплите, Дубровнике и Титограде. Мы встречались и беседовали с многими видными писателями Югославии, в частности с Д. Еремичем, М. Клопчичем, Э. Кошем, В. Попе, М. Краньцем, Т. Павченом, П. Матвеевичем, С. Верешем, Ю. Франичевичем-Плочаром, Я. Джуновичем, Д. Джурнишичем и др.

В беседах с югославскими коллегами члены советской делегации поделились опытом работы СП СССР, республиканских и областных писательских организаций, рассказали о развитии советской многонациональной литературы.

Такие контакты полезны, и мы уверены, что наша поездка будет способствовать дальнейшему упрочению дружеских связей между советскими и югославскими писателями.

КИЕВ. (По телефону)

■

Заведующий Отделом культуры ЦК СЕПГ П. Хельдт и заведующий сектором отдела Ф. Хеншель, находящиеся в нашей стране, посетили Союз писателей СССР. Их тепло приняли первый секретарь правления СП СССР Г. Марков, секретари правления Ю. Верченко, М. Луконин, В. Озеров и Н. Федоренко. Беседа, в которой были затронуты актуальные вопросы развития братских социалистических литератур, прошла в сердечной, дружеской атмосфере.

В беседе принял участие заместитель заведующего Отделом культуры ЦК КПСС А. Беляев.

ВЕЧЕРА

НЕГАСНУЩИЕ СТРОКИ

Весь вечер в Колонном зале звучали стихи Галактиона Табидзе...

— Собравшись здесь, в Москве, в Доме союзов, мы приветствуем не только вечно живую поэзию самого Галактиона Табидзе, вместе с нею мы приветствуем всю грузинскую поэзию, ее прошлое, ее настоящее, ее будущее, — сказал, открывая вечер, посвященный 80-летию со дня рождения великого сына Грузии, секретарь правления СП СССР К. Симонов. — Сегодня один из самых праздничных для нас дней поэтического общения между братскими литературами. Галактион Табидзе был среди тех, кто стоял у самых истоков этого великого братства. Ему принадлежат строки:

Были записаны в книгах
великих
Неслыханные слова.
Соединившие разноязыких:
Вникнув — братья —
братишки—братва...

Слово о поэте произнес первый секретарь правления СП Грузии Т. Буачидзе.

— Галактион Табидзе с честью продолжил традиции своих великих предшественников — Руставели и Бараташвили, Гурамишвили и Важа Пшавела. Табидзе придал грузинскому стиху новое звучание, обогатил его новыми образами, новым видением мира. Это был великий волшебник слова, истинный артист, кому были подвластны тайны и тончайших лирических мелодий, и могучих космических оркестров времени.

На вечере выступили И. Абашидзе, Б. Ахмадулина, К. Каладзе, Ст. Куняев, В. Леонович, М. Луконин, Г. Маргвелашвили, А. Межиров, Ю. Ряшенцев, М. Синельников, Л. Стуруа, И. Тарба.

В юбилейном торжестве приняли участие секретарь ЦК КП Грузии В. М. Сирадзе, заведующий Отделом культуры ЦК КПСС В. Ф. Шауро.

В. РЯЗАНЦЕВ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЕРИДИАНЫ

СВИДЕТЕЛЬСТВО ЗРЕЛОСТИ

В Кызыле состоялся V съезд писателей Тувинской АССР. С отчетным докладом выступил председатель правления Союза писателей республики О. Суванпит, с содокладами по прозе и поэзии — критик А. Назлан и поэт Ю. Кюнзегеш. Итоги организационно-творческой деятельности Союза писателей подвел Л. Чадамба.

В докладе по прозе отмечалось, что тувинские писатели обращаются к жанру романа, повести. Темы современности, и главным образом тема рабочего класса, — в центре внимания литераторов. Такие произведения, как «Родные люди» О. Саган-Оола, «Детище железа» А. Даржаа, «Сын народа» и повесть «Хайыраканцы» Салчака Тока, «Первый год» В. Ондара, «Клятва перед матерью» С. Сюрюн-Оола, отражают глубинные явления народной жизни.

О гражданской позиции художника, его ответственности и долга перед народом и партией говорил секретарь правления СП РСФСР В. Тельпугов. В прениях выступили писатели М. Хадахане, С. Пюрбю, А. Даржаа, С. Козлова, В. Серен-Оол, Е. Танова, С. Молдурга, представители общественности республики.

В работе съезда приняли участие секретарь областного комитета партии Д. Ооржак, заместитель председателя Совета Министров республики К. Шойгур, министр культуры М. Хомушку.

Съезд избрал новое правление. Председателем правления избран О. Суванпит.

В. САНКОВ

СТУДИЯ ГРАФИКИ

Леонид Владимирский — талантливый художник детской книги. «Золотой ключик», «Приключения Петрушки», «Волшебник Изумрудного города» — лишь небольшая часть проиллюстрированных Владимирским книг. Его рисунки органически сливаются с текстом сказок, становятся неотъемлемой их частью.

Могу признаться, что мне повезло: сказочные персонажи, нарисованные Л. Владимирским для моих книжек, стали близки миллионам юных читателей. Соломенного человека Страшилу, Железного Дровосека, Элли и других героев моих сказок я теперь представляю себе именно такими, как создал их художник. А ведь я их видел в изображении доброго десятка советских и зарубежных иллюстраторов.

Сейчас идет Неделя детской книги. К ней приурочена выставка иллюстраций Леонида Владимирского в московском Дворце пионеров на Ленинских горах.

Александр ВОЛКОВ

НА СОИСКАНИЕ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ

ПРАВДИВО, СУРОВО, МУЖЕСТВЕННО...

Олег СМИРНОВ

КОГДА лет пятнадцать назад читатели знакомились с начальными главами романа «Живые и мертвые», вряд ли они, читатели, предугадывали всю огромность авторского замысла, вряд ли предполагали, что за этим романом появится второй, за ним третий — и сложится эпопея о Великой Отечественной войне 1941—1945 годов. Не знаю, был ли тогда такой замысел у самого Константина Симонова или он созрел в процессе работы. Могу сказать одно: на наших глазах рождалась — и родилась! — значительная книга, достоверная художественная летопись минувшей войны. Ибо, сведенные воедино, симоновские романы «Живые и мертвые», «Солдатами не рождаются» и «Последнее лето» вдруг обрели качество, каким не обладает каждый роман в отдельности. Это — возникающее у читателей ощущение масштабности событий и протяженности войны во времени и пространстве. Иначе говоря, то качество, которое является непременным для эпопеи.

Итак, трилогия завершена. Теперь можно оценить смелость и даже дерзость творческого замысла писателя, взявшегося за столь большое художественное полотно. Окинем его взглядом, стараясь охватить все разом, и увидим временные границы — начало войны, июнь сорок первого года, и лето сорок четвертого, преддверие полной победы; событийные узлы — Московская битва, Сталинград, Белорусская операция, одни из крупнейших, решающих сражений на советско-германском фронте; географию происходящего — от Москвы до безвестной прифронтовой деревушки, от передовых позиций до глубокого тыла. И еще увидим множество людей, как бы стоящих за действующими лицами, которых не так-то уж и мало, — то есть увидим сражающийся народ.

Некогда Константин Симонов выступил с рассуждениями о том, что, дескать, есть роман-судьба и есть роман-событие. Его можно было истолковать так: в романе-судьбе предполагается глубинное исследование характеров, а в романе-событии это вроде бы и не обязательно, так как в нем преобладает событийное, хроникальное начало. Я не без умысла несколько упрощаю рассуждения Константина Симонова, чтобы обнажить их смысл, на мой взгляд, неверный. Как же можно в психологической, серьезной, аналитической прозе оторвать исследование характеров от исследования событий? Правильней, наверное, считать, что и людские судьбы, и события тесно переплетаются, влияют друг на друга самым непосредственным образом.

К счастью, на практике писатель не следовал своим былым теоретическим построениям. Работая над трилогией, он шел испытанным, плодотворным путем. Отсюда — и яркие, своеобычные характеры, судьбы героев, и врезающиеся в память события страны. Отсюда — впечатление: в трилогии воспроизведена живая, доподлинная действительность во всей ее сложности и многообразии.

В «Последнем лете», заключительном романе трилогии, мы встречаемся с основными героями — Серпилиным, Синцовым, Таней Овсянниковой, Артемьевым и другими, знакомыми нам по предшествующим двум романам — «Живые и мертвые» и «Солдатами не рождаются». Мы уже хорошо знаем этих людей, хлебнувших военного лиха, закаленных, знаем их сильные и слабые стороны. Многое они пережили, многое потеряли, многое приобрели. Но жизнь продолжается, будут новые приобретения и новые потери. И мы, читатели, испытаем горькое чувство утери — погибнет генерал Серпилин, незаурядная, обаятельная личность. Жестокость художника? Нет, правдивость. А жестока — война.

Федор Федорович Серпилин постепенно становился центральной фигурой повествования. И это происходило не из-за авторской прихоти, а потому, что образ набирал силу и размах, делался крупным. Я считаю большой заслугой Симонова создание такого образа. Мне кажется, писатели подчас увлекаются литературными героями, кои мелки, заурядны. Никто не спорит: и они имеют право на существование в современной литературе. Но когда их некоторый переизбыток, то испытываешь естественную тягу к герою крупному. И дело тут, разумеется, не в должности, а в человеческих качествах, в личности как таковой.

По сути, перед читателями проходят наиболее насыщенные событиями годы в биографии Серпилина, к которым он — профессиональный военный — готовился едва ли не всю жизнь. Он готовился к войне, и когда она пришла — стал воевать. Но не так началась война, как предполагалось, и надо было пройти нелегкий путь от Белоруссии до Подмосковья, а затем повторить его в обратном порядке.

В «Последнем лете» есть такой эпизод. В танковую бригаду приезжает командарм Серпилин. Поставив боевую задачу, он спрашивает офицеров: «Кто из вас с первых дней войны воюет?» Оказывается, треть офицеров воюет с самого начала войны. И Серпилин говорит: «Это хорошо. И хорошо, что живы остались: немцы на другое рассчитывали. От вас и ваших товарищей завтра требуется только одно: сделать здесь, под Могилевом, немцам сорок первый год наоборот! И не просто наоборот, а еще покруче! Вы через сорок первый год прошли — и живы и не в плену, и я тоже, как и вы. А немцы чтоб завтра от вас такой сорок первый год получили, чтоб, кто не мертв, тот в плену, а кто не в плену — тот мертв!»

В трилогии явственно звучит мотив возмездия. Что ж, гитлеровцы пожинали то, что посеяли своим подлым, вероломным нападением на Советский Союз. Мы помним, с какой обнаженной, беспощадной правдивостью описал Константин Симонов начальные месяцы войны в «Живых и мертвых». Едва ли не первый среди советских писателей он всерьез взялся за эту нелегкую тему. Писатель не старался уйти от анализа причин наших временных неудач, связанных [illegible] ударом гитлеровской армии, и с нашими просчетами и ошибками. Но главной художнической задачей для него было — показать беспредельную преданность советских людей своей социалистической Родине, их мужество, стойкость, готовность преодолеть любые испытания во имя конечной победы над врагом. И вот тогда-то зазвучал мотив неминуемой исторической кары фашистам. В «Живых и мертвых» он звучал приглушенно, а подтексте, в романе «Солдатами не рождаются» (Сталинградская битва) — громче, увереннней, а в «Последнем лете» — в полную силу.

И вот ведь что значит подлинное произведение искусства: этот мотив трилогии обращен и в современности, он звучит как урок, как предостережение тем, кто захочет прощупать прочность Советского государства.

В последнее лето войны ратная доля привела командующего армией генерала Серпилина в места, где он когда-то держал оборону со своим полком, — в район Могилева. Он едет на машине по проселочной дороге и узнает местность. Ставший крупным военачальником, Серпилин добром поминает тех, кто дрался рядом с ним, командиром полка, в июне сорок первого, кто навсегда остался в этой земле. Истинная человечность Серпилина проявляется и в неумирающей памяти о павших. А потом Серпилин думает о тех, кто сейчас с ним и с кем он пойдет вперед, до Берлина, ибо война продолжается и, следовательно, надо воевать.

Константин Симонов пишет войну, во-первых, как повседневный труд и, во-вторых, как высокую трагедию.

Одно время в нашей критике рассуждали о том, как следует показывать войну, что предпочтительнее — война, так сказать, окопная, солдатская, или штабная, или же синтез обеих. Мне эти рассуждения представляются и наивными, и схоластичными. Важно не то, откуда смотрят на поле боя действующие лица — с генеральского ли НП, из солдатского ли окопа, — важно, как смотрит на события автор. Он, и только он, сможет (либо не сможет) дать объемную, перспективную картину.

Война в романах Симонова увидена большей частью глазами строевых и штабных командиров разных степеней. Это чрезвычайно интересный угол зрения, если учесть, что Константин Симонов знает специфику того, что делали на фронте генералы и офицеры, — вероятно, сказывается личный, преимущественно журналистский, опыт автора. Пусть поймут меня правильно: «журналистский» отнюдь не обозначает «поверхностный». В данном случае профессия военного корреспондента центральной газеты помогла писателю по-настоящему, «изнутри» познать работу штабов и политорганов всех армий — корпус — дивизия. Мы наглядно, в достоверных подробностях представляем, как денно и нощно трудятся командиры и их штабы, готовя и проводя операция. Догадываемся: то, что сегодня «разыгрывается» на картах и ящиках с песком, завтра произойдет на полях сражения. Понимаем: от того, насколько талантливо, дальновидно была разработана и обеспечена операция, зависят успех, цена победы.

Константин Симонов как бы поворачивает перед нами Серпилина — как военачальника — разными гранями. В том числе и такой — в отношениях с подчиненными. Их у командарма многие тысячи. И генерал стремится их сберечь, осознавая: каждая человеческая жизнь бесценна. Нет, Серпилин не добрячок, он знает, что на войне без жертв не обходится. Но он понимает также: победу надо завоевывать минимальными потерями. И он воюет воистину по-суворовски: не числом, а умением. Пожалуй, Симонов первым поставил в нашей литературе проблему ответственности военачальника и перед высшим командованием, и перед своей совестью за жизнь вверенных ему людей.

Стремясь расширить, разнообразить картину войны, писатель подчас выводит действие за пределы штабов, сопрягает армейские «верхи» и «низы». И тогда, допустим, в заключительном романе описывается бой разведгруппы, удерживающей плацдарм на западном берегу Друти. Наверное, такие перебивки в размеренном, привычном течении повествования нужны. Но по глубине изображения, по достоверности, по «прописанности» персонажей они, увы, уступают описаниям того, чем живут штабы.

Я уже говорил, что Симонов рисует войну как повседневный труд. Каждый трудится на своем месте — от командарма до рядового бойца. Писатель не страшится описывать тяготы, страдания и смерти, неизбежные на войне. Но трагедия эта высока, потому что человек идет на смерть ради высоких идеалов, утверждая своей смертью бессмертие своего народа, своей страны.

На войне погибали не только солдаты, но и генералы. Сурово и выразительно рассказывает Константин Симонов, как погиб командир дивизии генерал-майор Талызин, человек исключительного бесстрашия. Выслушав доклад об обстоятельствах смерти Талызина (на марше, при преследовании отступающих немцев, походная колонна была обстреляна из засады «фердинандами». Двигавшийся с колонной Талызин сам бросился к пушке, но не успел открыть ответный огонь, снаряд «фердинанда» упредил его), Серпилин говорит Синцову:

«— Жаль потерять командира дивизии. Но если взять его самого, такая смерть для военного человека, можно считать, хорошая! Думал в последнюю секунду, как бы немцу в бортовую броню снаряд влепить! А то, что видели с тобой, что в могилу кладем, сам человек этого уже не знает. Хуже, когда война человеку время оставляет подумать, что он умирает...»

Не подозревал Федор Федорович Серпилин, что и его смерть — неожиданная, посреди дела, как у Талызина, — не за горами. В тех же боях за Могилев он был смертельно ранен и скончался, не приходя в сознание. И эту смерть, смерть любимого героя, Симонов описывает строго, сдержанно, по-солдатски. Наверное, потому она так впечатляет.

Сцена гибели Серпилина — кульминационная в трилогии. Это и понятно, если иметь в виду, что из жизни уходит талантливая личность, цельный и сильный человек. Он уходит, унося с собой целый мир мыслей, чувств, незавершенных дел. Смерть такого героя трагична для читателей. Но она не угнетает, а просветляет. Происходит то, что называется очищением трагедией.

После гибели Серпилина операцию, начатую им, заканчивает его преемник, начальник штаба армии молодой генерал Бойко. А потом он уже готовится в к своей, самостоятельной операции. И все, с кем так или иначе соприкасался Серпилин, уже идут в наступление, ведомые новым командармом. Бойко, член Военного совета армии Захаров, комкор Кирпичников, комдивы Артемьев и Туманян, командир полка Ильин, адъютант Серпилина майор Синцов и другие генералы и офицеры — его соратники и те, кого он воспитал, вырастил, — продолжают его дело. Каждому из них он отдал при жизни частицу самого себя и потому незримо присутствует в их ратных трудах.

Отдав дань уважения и любви погибшему Серпилину, люди обращаются к будням. Жизнь идет своим чередом. Надо жить дальше, воевать до Победы.

Правдивую, суровую и мужественную трилогию создал Константин Симонов. Подкупает строгий, «мужской» тон повествования. Правда, местами сдержанность переходит в суховатость. Но, право же, эта суховатость более извинительна, чем те сантименты и «красивости», что щедро разбросаны в иных романах о войне. Подчеркну: война — вещь суровая, и писать о ней нужно с суровостью, со строгостью.

Как-то коллега по перу сказал мне: «Вот вы, фронтовики, всё воюете в книгах...» Сказано это было с неодобрением, в том смысле, что, мол, пора бы браться и за другие темы. А почему, простите, за другие? Отечественная война — тема благороднейшая и неисчерпаемая, она будет волновать многие писательские поколения. Но ближе всех она, по-видимому, поколению, которое прошло горнило войны.

Великая Отечественная породила отличную военную прозу. Достойное место среди этих произведений занимает трилогия Константина Симонова «Живые и мертвые», по справедливости выдвинутая ныне на соискание Ленинской премии.

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

ДВАЖДЫ ДВА — ЧЕТЫРЕ

Светлана СОЛОЖЕНКИНА

СРЕДИ афористических высказываний Михаила Светлова есть такое: не надо повторять в стихах таблицу умножения человеческих отношений. Как жаль, что подчас иные поэты забывают об этом мудром совете.

Иные. Я это подчеркиваю. Потому что хочу, чтобы меня правильно поняли. Речь не о некоем всеобщем явлении, а об огрехах, пусть и частных, но тем не менее огорчительных.

Представьте себе: у вас в квартире раздается телефонный звонок. Вы снимаете трубку — и слышите взволнованно - трагический голос: «Мойте руки перед едой!» Или: «Умоляю вас: переходя улицу, поглядите сперва — налево, а затем — направо!» Вы удивитесь и, наверное, рассердитесь: чего ради неведомый шутник отнимает у вас время? Но в том-то и дело, что это не шутка! Человек всерьез намерен во что бы то ни стало спасти вас, неразумного, от холерных бацилл и от печальной смерти под колесами автобуса. Он звонит вам снова и снова, пока вы, наконец, не сбегаете из собственного дома. А звонки продолжаются... уже в пустую квартиру.

Вы скажете: так не бывает, автор все придумал! Вы полагаете? Хорошо. Вот вам первый звонок. Звонит Сергей Алпханов:

> На лицах ваших
> стыдно мне читать
> злорадства
> непотребную печать...

Конечно, это не элементарно-житейское предупреждение. Это — нравственный разговор. Но ведет его поэт с читателем на уровне того самого телефонного шутника.

А вот не кто-то неизвестный, а даже такой опытный, давно работающий на литературной ниве поэт — Яков Хелемский поднимает нас звонком с постели, чтобы сообщить:

> Самовлюбленность —
> мелкий грех...

Вот Людмила Мухина назидательно поднимает указательный палец:

> В мире [illegible]
> И [illegible]
> Наслаждаться трудом...

А пока она занята этим, Тамара Жирмунская пространно объясняет нам, почему она считает нужным, отложив в сторону стихи, ухаживать за любимым человеком, когда тот болен. Кажется, чего тут объяснять: дело естественное! Но нет: находятся, представьте, у поэтессы «друзья», которые этого не понимают: «Ворчат друзья мои: свой дар, мол, принесла я на алтарь семьи. Пусть не могучий дар — пронзительный зато. «А он тебе что дал?» И в самом деле, что?»

Неловко, право, читать «самоаттестации» о «не могучем, зато пронзительном даре», даваемые перед... постелью больного. Неловко участвовать в этих взвешиваниях и счетах: кто и что кому дал... Человек болен, ему надо помочь, — это же элементарно! Но... с жаром миссионера поэтесса втолковывает нам (или себе?), что «...милосердья жар дороже всех даров».

А вот и еще пример милосердия: Павел Панченко объясняется в любви прохожим:

> Всем встречным
> я протягиваю руку
> Моей души...

Не будем говорить о том, что оборот «рука моей души» несколько странен и витиеват. Важен душевный порыв, — допустим! «Да вот беда: домой, в театр, куда-то несутся, не заметив друга, брата... И все-таки товарищ я им всем!»

Невольно вспоминается «Искатель» Саши Черного:

> В переулке я поймал
> Человека с нежным
> взглядом...
> «Здравствуй, Ближний!..»
> — «Вы пьяны!»
> — «Извините».

Как видим, тогдашний мечтатель был обескуражен, натолкнувшись на холодность ближнего, а наш поэт — нисколько.

Но и это — не предел кротости сердца. Образцом такой кротости стал для меня Иван Лысцов. Едва вообразив, что далекий потомок будет печалиться о нем (из этого явствует, впрочем, что от чего-чего, а от скромности поэт не умрет!), Лысцов бросился его утешать, убеждать, что потеря-то, в сущности, невелика:

> Не грусти, потомки,
> обо мне,
> Живым мою мечтой своей
> продлевая!

> Яблоко на яблоне [illegible]
> В саду [illegible]
> [illegible]

В самом деле, о чем грустить? Яблоко похоже на яблоко, помидор — на помидор. И, наконец, «внучка — в деда, ну, а дочь — в отца», как объясняет нам поэт. Обиднее всего, что пишутся такие строки с некоей «есенинской» интонацией. Обидно за Есенина. Обидно за сегодняшнего читателя — до потомков все же, мне кажется, дело не дойдет.

А вот и еще «откровения». Иван Пиняев заметил вдруг, что «человек — не птица в зоопарке, что лишь опереньем хороша». Не мешало бы при этом уточнить, какая именно птица имеется в виду, да уж ладно. Поэту не до орнитологических тонкостей: он спешит поделиться с читателем заповедной, выношенной мыслью о человеке: «Главное в нем — это без помарки звонкая, поющая душа». И предостерегает этого наивного ротозея, этого дикаря, способного залюбоваться красочными переливами оперения и забыть о спасении души:

> Человеку надо быть
> красивым.
> Но не только роскошью
> бровей.
> Надо, чтоб сверкали
> переливы
> Самоцветов и в душе твоей.

Не менее содержательные «Уроки» (так называется стихотворение) преподает читателю и Александр Романов:

> Жену обидеть —
> выхолодить дом
> И самому обогревать потом.
> Обидеть друга —
> друга потерять,
> Умножив без того
> число утрат.

> Обидеть мать, которая любя
> Тебя вскормила, —
> потерять себя.

Очевидно, ценность поэтической и житейской информации, заключенной в этих строках, представляется Александру Романову столь значительной, что во имя ее он позволяет себе более чем сомнительную рифму «потерять — утрат» и странный оборот «умножив без того». Без чего — встает резонный вопрос, но поэт оставляет его без ответа: он спешит наставить читателя на путь истинный.

Замечу, кстати, — последние годы мы то и дело слышим и читаем о якобы «непомерно возросшей» технической оснащенности стихов, что-де ныне любой десятиклассник «такой эпитет завернет, что только ахнешь», и что-де вообще стихи писать — это нехитро, это «все умеют».

Слушая такое, невольно поражаешься: откуда берутся легенды о «непомерно высоком» уровне нынешнего стихотворчества?! Вряд ли об этом свидетельствуют рифмы, подобные «потерять — утрат».

Дело, конечно, не в слабых рифмах как таковых, хотя, повторяю, и это важно. При высокой поэтической культуре поэты не решились бы обращаться к читателю с бесконечными наставлениями и нравоучениями, не изобретали бы велосипедов и не несли в издательства плохо или хорошо рифмованные прописи (и там, кстати сказать, их бы не спешили размножать двадцатитысячными и более тиражами!).

Скажете: ну, что там, все эти вещи — откровенная риторика, слабые, проходные стихи. Но вот перед нами случай «сложного», замаскированного штампа. Сергей Макаров, издавший в Ленинграде вторую книгу стихов, по уверению издателей, «всегда находит живое и яркое слово».

> Я иду по земле,
> Молодой волчицею,
> Оставляющий ямки
> грузных следов...
> Всторошивши густогривье
> размашистых трав.
> [illegible] ветры
> Мне бьются в грудь.
> Здравствуй, явь
> [illegible]!
> Я верю, что прав,
> Избирая себе
> венскожевенный путь.
> Я иду, разорвав
> белобрысый туман,
> Я не встречениых греб
> Головой не помню, —
> На [illegible] без [illegible],
> Не голь-гулевая,
> А пытливым умельцам
> стиха
> Ученик.

На первый взгляд, поэт впрямь ищет незатасканное, свое слово: «голь-гулевая», «густогривье» и т. д. Но вглядитесь: ведь это внешнее, чисто поверхностное расцвечивание банальной мысли, это тот же штамп, но только в павлиньих перьях! Что сообщает нам поэт? Чему он у «пытливых умельцев стиха» учится? Он верит, что прав, избирая венскожевенный путь. Во [illegible] нам, [illegible] солнце [illegible] в грудь, и «разорванный белобрысый туман», становятся все скучнее и скучнее? Да потому, что «густогривье-то» [illegible], условное, небрежно прошел поэт по уже исхоженному многократно полю, да и выдал привычный псевдоромантический реквизит за новинку! И опять — поучения: «Я иду по неровной, нелегкой земле, — мне на выбор простор даль дорог распростер. Знаю цену ковриге ржаной на столе и ценю на коротком привале костер. Я на дружбу не скуп» и т. д. и т. п.

Не лирический герой, а прямо херувим вырастает из этих строк...

Может быть, хватит таких вот поучений и проповедей?

Разумеется, мы не ставим под сомнение сами истины, истины как таковые, на которых ныне с непомерным усердием настаивают иные поэты. Да, и злорадство, и самовлюбленность есть зло, а любовь к труду, умение наслаждаться им — добро, — все так! Поэты, конечно, искренне считают, что бороться с самовлюбленностью и прочими людскими пороками — их прямой долг. И столь же искренне они — за труд. А мы — разве против?.. Мы, разумеется, всей душой за эти темы. Мы только против того конкретного их воплощения в стихах, о которых идет речь. Современник наш вырос, его духовный мир стал богаче, чем когда-либо прежде. Рифмованная проповедь, по существу, обращена в пустой зал. (Звонок в пустую квартиру.) Она уже не проповедь, а пропись, безликая, безадресная. Не то что добрых — вообще никаких чувств не выражают подобные стихи, которые лишь, как заклинание, твердят достаточно бесспорное: «дважды два — четыре»!

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

М. Б. КОЛОСОВУ — 70 лет

Секретариат правления СП СССР, Комиссия по военно-художественной литературе правления СП СССР направили Марку Борисовичу Колосову приветствие:

«Горячо, от всего сердца поздравляем Вас с боевым 70-летием. Комсомолец [illegible] двадцатых годов, Вы и сегодня ведете активную партийную и общественную работу. Участник двух войн, гражданской и Великой Отечественной, Вы были на передних [illegible] сражений. Родина отметила Ваш фронтовой и творческий путь орденом Трудового Красного Знамени, [illegible] Отечественной войны I и II степени, боевыми медалями.

Свыше 50 лет своей жизни Вы посвятили литературе. Еще будучи молодым автором, Вы принимали самое горячее участие в становлении советской культуры. Находясь ли на посту заместителя [illegible] редактора журнала «Молодая гвардия», работая ли с начинающими писателями, Вы всего себя отдавали заботам о подрастающем творческом поколении. Ваша плодотворная дружба с Николаем Островским помогла ему стать выдающимся певцом комсомолии.

Ваши книги «Жизнь начинается», «Люди и подвиги», «Сложная жизнь», кинофильм «Товарищ генерал», созданный по Вашей одноименной повести, принесли Вам широкую известность. Ваши очерки, публицистика всегда остры и достоверны.

Желаем Вам, офицеру в отставке, нашему собрату по перу и оружию, новых отличных книг и фильмов, крепкого здоровья и счастья».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

■

Помню, с какой радостью писатели моего поколения восприняли высокую оценку первых произведений нашего товарища, данную А. В. Луначарским в статье «Марк Колосов». В рассказах начинающего автора критик отмечал соединение коммунистической наполненности, «программной выдержанности» с жизненностью и художественностью.

Прошли десятилетия, и [illegible] именно эти черты определили стиль писателя. Думается, именно благодаря им [illegible] М. Колосова, а [illegible] оцененные [illegible] Фадеевым, его пьесы о молодежи, другие художественные и публицистические произведения выдержали испытание временем.

В тридцатые годы вместе с Марком Колосовым я редактировала журнал «Молодая гвардия», на страницах которого впервые был опубликован роман Николая Островского «Как закалялась сталь».

Марк Колосов, чуткий редактор, по-большевистски помог молодому писателю — дал положительную оценку рукописи и рассказал мне об этом замечательном человеке. Там началась наша совместная работа с Николаем Островским по подготовке рукописи к печати.

В октябрьском номере журнала «Красная новь» за 1938 год, посвященном двадцатилетию ВЛКСМ, была опубликована первая часть очерковой повести М. Колосова «Письма с фабрики». После войны М. Колосов опубликовал еще три части этого художественного исследования жизни томстильной фабрики имени Ленина Собинского района Владимирской области.

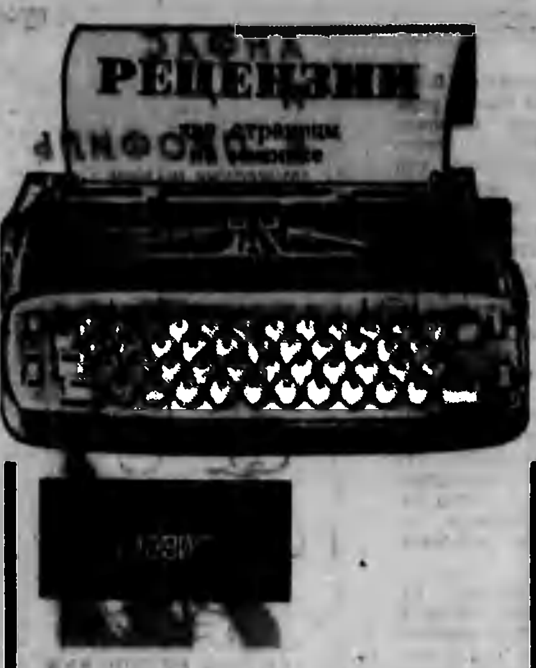
В годы Великой Отечественной войны Марк Колосов — военный корреспондент в действующей армии. Творческим отчетом этого времени стала книга фронтовых рассказов Марка Колосова «Люди и подвиги». А после войны Воениздат выпустил выдержавшую несколько изданий повесть «Товарищ генерал», по которой в нынешнем году вышел на экраны одноименный фильм, хорошо принятый зрителем.

В шестидесятых годах Марк Колосов опубликовал в журналах серию литературных портретов, из которых особенно выделяются портреты Александра Фадеева, Эдуарда Багрицкого, Алексея Толстого. Своеобразна по содержанию, лаконична по форме опубликованная не так давно повесть М. Колосова «Записки лейтенанта» — о молодом офицере современной Советской Армии.

А на рабочем столе писателя — новые главы «Писем с фабрики» и автобиографической повести о виденном и пережитом. Пожелаем же юбиляру успешного завершения этих произведений и еще долгих лет такой же творческой энергии!

Анна КАРАВАЕВА

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.



Мы слышим тебя, П[illegible] Неруда

«Чили — в наших сердцах». Стихи, очерки, стат[illegible]. Издательство «Современник[illegible]авитель И. Ляпин. Иллюс[illegible]унова.

Издательство «Современник» выпустило в свет сборник «Чили — в наших сердцах». Сейчас, когда советские люди гневно протестуют против кровавых злодеяний, чинимых фашиствующей хунтой на чилийской земле, писательское слово приобретает особое значение. Оно зазвучит как призыв к народам мира поддержать чилийских патриотов в эти суровые дни. Большинство произведений, вошедших в книгу, было написано по следам трагических событий. Многие советские писатели в разные годы побывали в этой латиноамериканской стране. Мы снова и снова перечитываем стихи [illegible]руда», очерк Анатолия Софронова «Встреча с Луисом Корваланом», [illegible]риты Алигер «Аме[illegible], рассказывающие [illegible]илийскую землю [illegible]рги, а правительст[illegible]единило трудовой [illegible] порыве, сегодня [illegible]поминания — они [illegible] и демократия не[illegible]

«Ночь не бывает вечной, — говорится в обращении писателей России к прогрессивным литераторам мира. — Мы уверены: свободолюбивый чилийский народ не отступит перед разгулом фашиствующей реакции».

С осени 1973 года, когда радио принесло первую тяжелую весть о фашистском перевороте, сердца советских писателей бились в унисон с сердцами героев, ставших жертвами черной реакции. Пульс братской солидарности слышится в каждой строке сборника, вобравшего в себя поэзию, прозу, публицистику. Николай Грибачев, Борис Полевой, Евгений Долматовский, Михаил Дудин, Андрей Вознесенский и другие клеймят позором военную хунту, залившую кровью чилийскую землю. В контекст книги органически вписываются рисунки Ильи Глазунова. Перед читателем предстает яркий образ героического чилийского народа.

«Имя Сальвадора Альенде, имена других героев этой страны, отдавших жизнь во имя свободы и мира, навсегда сохранятся в нашей памяти... Дело независимости, демократии и социального прогресса непобедимо, неистребимо», — говорил Л. И. Брежнев на Всемирном конгрессе миролюбивых сил.

Писатели России, передавшие гонорар за эту книгу в Фонд Мира, внесли свой творческий вклад в революционную, братскую солидарность с борьбой народа Чили.

А. ИВАНОВА

Проза поэта, стихи прозаика

Сергей Баруздин. «Стихи». Издательство «Молодая гвардия». М. 1973.
Сергей Баруздин. «Просто Саша». Рассказы и повесть. Издательство «Современник». М. 1973.

Восемь лет тому назад я прочитал книгу Сергея Баруздина, изданную «Советским писателем». Это был роман «Повторение пройденного». И тогда же написал на нее рецензию. Есть в той рецензии, напечатанной «Литературной газетой», такие строки: «Роман С. Баруздина емок, без «излишних» описательств. Нет в нем ненужных деталей. Ведь многословие никогда не было признаком — даже отдаленным — таланта»... Особое внимание обращало на себя обилие стихов, органически вошедших в прозу. Было ясно, что пишет роман не только прозаик, но и поэт. И что, кроме имени автора, есть у них нечто общее, более важное. Я сказал бы так: и у прозаика, и у поэта — одна душа: нежная, человеколюбивая...

У меня сейчас в руках две книги Сергея Баруздина: книга стихов и книга прозы. Первая издана «Молодой гвардией», вторая — «Современником». Внешне они не похожи друг на друга. Однако, прочитав и одну, и другую, хочется написать о них как об одной книге. Как и в том романе — «Повторение пройденного», в этих двух книгах будто соединились и проза, и поэзия, и их уже не оторвать друг от друга.

Недаром Сергей Баруздин назвал книгу прозы «Просто Саша». За словом «просто» я вижу перо писателя, которое чурается выспренности и различных «красивостей». И простота эта идет от щедрости душевной, от мужества и понимания места человека под солнцем. Вот мы читаем: «...коль в мире покуда сложно все и хитро, не причуда, а чудо — делать людям добро!»

Стихи предельно лиричны по сути своей. То же самое можно сказать и о прозе, которую составили рассказы и заглавная повесть. Но за каждым стихотворением, за каждым рассказом, даже тогда, когда автор, казалось бы, грустно вздыхает, стоит человек мужественный, прошедший трудный жизненный путь, который берет начало еще в предвоенные и суровые военные годы. Это лирика человека, знающего цену каждому ломтику хлеба и цену каждой капли крови, пролитой ради победы и счастья народа.

Читаешь стихи — и чувствуешь, как доброе закалялось в горниле войны, ибо шла война за будущее нашей Родины, за будущее советского человека. «Мы были вместе на войне, а это — тяжелей вдвойне». Эти слова обращены к жене-другу... Война обострила чувства и неожиданно наделила сердце огромной нежностью, опять же проистекающей от суровости тех дней и от великой победы. «Мы и после войны рождались, заново мы взрослели»... «Годы, годы прошли за тою войной, но я вечно молюсь тем людям, что сведи нас с тобою в роте одной, где мы рядом были и будем»... И снова — нежность, неизбывная нежность к человеку...

Проза Сергея Баруздина прозрачна, образы точны, слова тщательно взвешены. И могу снова повторить то, что писал восемь лет назад: без «излишних» описательств, без ненужных деталей. Это, несомненно, проза поэта. Она проза поэта еще и потому, что автор ее, как и в стихах, словно за руку, ведет читателя за собой и ты ощущаешь тепло этой дружеской руки. И что бы ни случилось в рассказе или повести, все время — рядом автор.

Книга стихов, посвященная фронтовому другу — жене поэта, и книга прозы написаны одним пером и, как говорится, из одной чернильницы. И принадлежат они в равной степени и поэту, и прозаику: мужественному и нежному сердцем.

Георгий ГУЛИА

«Все и тишину вплетает точный звук...»

Евгений Храмов. «Осеннее равноденствие». Стихи. Издательство «Советский писатель». М. 1973.

Третья книга поэта «Осеннее равноденствие» — этим ее заглавием Евгений Храмов подчеркнул пришедшее к нему чувство зрелости: «И лишь теперь явилась тишина. Покой, в котором движется работа...»

При чтении стихов Храмова останавливает внимание настойчивый мотив: постоянная озабоченность поэта таким явлением, как время, этим неощутимым, трудноопостижимым и вместе с тем реально существующим условием, формой бытия. Его привлекают смены эпох — в жизни народа, города или отдельного человека. При этом время рассматривается как пространство, где прошлое, настоящее и будущее — рядом, бок о бок.

В таком представлении сказывается прежде всего своеобразное, именно поэтическое осознание неделимости истории Родины. Вот поэт листает довоенный журнал:

Над волею Варшавы
черный ватар трубит...
Но начальник заставы —
он еще не убит!

И с журнальной страницы,
улыбаясь, глядят
молодецкие лица
с ним пропавших ребят.

Ни единой воронки
на родимой земле.
Ни одной похоронки
на дощатом столе.

Храмов не может расстаться ни с одним из моментов времени: в каждом — жизнь, в каждом — родные люди, и потому везде он — поэт.

Стихотворение «Четырнадцатое декабря» заключают строки: «Слышатся вольные речи, счет неизвестен годам, и лишь через миг картечью свистнет по их рядам». Автор словно бы хотел задержать этот миг. Он берет события на сломе времен и едва не готов вмешаться в минувшее, изменив законы времени. Он не может смириться с исчезновением жизни: «А Кюхельбекер слепнул за Уралом. Вот-вот господь, боялись, приберет. Но стих его все жил, не умирал он,— так голова казненного живет» («Поэты»). В мимолетном рисунке воскрешается былое:

Там тяжелые шандалы,
Там веселые скандалы,
Карты, танцы, чубуки,
Вольтерьянцы-чудаки.
Там не страшен понедельник,
Там зовут барона — Дельвиг.
«Ты куда, куда летишь,
где всю ночку пропоешь?..»

И вот уже «вечная песня» несется «над историей российской», вплоть до наших дней, к нам. История у поэта приходит к нам, и сам он в буквальном смысле идет в историю, чуть ли не встречаясь с историческими лицами («В Ялуторовске, городке сибирском...», «Домик в Калуге»). Такова лирическая позиция Храмова во всем цикле его исторических стихотворений.

С другой стороны, одно из самых острых чувств поэта — чувство постоянной, ежеминутной утраты, исчезновения настоящего, его превращения в прошлое и в будущее одновременно. Но именно это чувство является основой жизнелюбия поэта.

Память — всепроникающее начало в стихах Евгения Храмова. Но поэт сторонится кичливого романтизма, бегущего от современности в старину или в природу. Он обращается к другу: «Давай относиться спокойней к тому, как меняют Москву, что нет на углу колокольни, трамвай не гремит на мосту». И делает смелую попытку воспеть самые обыкновенные стандартные жилые дома: «...нельзя нам от них откреститься, они — современники нам». Он понимает, что, собственно, эти дома уже опоэтизированы жизнью: «Вошли они частью пейзажа в прогулки мои и твои, вломились к нам в спутники, даже в участники нашей любви». Автор думает о грядущих людях, которые, глядя на эти дома, постараются представить себе людей прошлого, то есть нас, чьими свершениями они станут гордиться, как мы гордимся своей историей.

И любовь к природе («В сто крат важной признания молвы признание деревьев и травы...») никоим образом не означает для Храмова отвержения современности, того, что создано людьми, служит людям. Об этом он говорит в коротком стихотворении:

Все в тишину вплетает точный звук:
певучая пчела, и жестяной жук,
и дятел дарит дробный добрый стук,
и трудятся не покладая рук
кузнечиков невидимое братство.
И если вдруг тяжелый самолет
над миром с долгим грохотом пройдет,
то все не зазвучит как святотатство.

Храмову свойственны благожелательность и мера: и во взгляде на вещи, и в слове, и в интонации. Но поэт способен и возмутиться, например, пошлостью («Городок»). Внутренне, скрыто, притушенно в нем живет готовность и на резкую речь.

Жаль, что образный строй цельного сборника отчасти нарушен в самом начале книги включением более ранних произведений. Впрочем, это, думается, не помешает любителям поэзии оценить искреннюю и выношенную книгу стихотворений Евгения Храмова.

Ст. ЛЕСНЕВСКИЙ

Песни янтарного края

Дайна Авотыня. «Цветение камня». Перевод с латышского В. Елизаровой. Издательство «Советский писатель». М. 1973.

Латышская поэтесса Дайна Авотыня дебютирует на русском языке книжкой избранного «Цветение камня».

Она относится к поэтам поколения, детство которого совпало с Великой Отечественной войной. Суровые испытания, выпавшие на долю ее народа, Д. Авотыня передает как глубокий лирик, придавая своим воспоминаниям впечатление жгучей реальности. Особую роль выполняет в ее стихах природа. Так, море у нее, будто таинственное существо, выбрасывает на берег, «вынося с собой кость немую, патрон пустой», напоминая человеку о грозных исторических событиях («Ищу янтарь»); бродит по дюнам, разделяя думы и переживания лирического героя («Морю, наверное, больно», «Море, я не привыкла просить» и др.).

В лирике Д. Авотыни сражаются любовь и ненависть, жизнь и смерть, решимость и отчаяние, радость и печаль. Художественному воплощению этих понятий служат и образные средства. Янтарь в ее творчестве символизирует веру, надежду, устремленность; солнце — силу, оптимизм, радость. Отталкиваясь от латышской народной песни, Д. Авотыня создает культ солнца: «Вот оно, солнца, почти моя: солнце добыть, солнышко пить!»

Д. Авотыня — прирожденный лирик. Эпическое начало ей почти не присуще, оттого более длинные стихи, такие, как, скажем, «Убитый хлеб», страдают описательностью.

Афористичность стиля, живость, метафоричность Д. Авотыня, несомненно, переняла у народных песен и поэтических традиций родного края. Ее творчество во многом близко поэзии соседних народов, особенно литовской. Немало общих мотивов мы найдем у нее с лирикой Янины Дегутите. Хорошо зная язык своих соседей, Д. Авотыня активно интересуется искусством (особенно Чюрленисом) и поэзией Литвы (назову хотя бы ее переводы на латышский язык Юстинаса Марцинкявичюса).

Д. Авотыня создает интимный и всеобъемлющий поэтический мир. Даже в миниатюрной зарисовке о трепещущих пчелиных крыльях она стремится уловить гул большой земли:

Пчелка в волосах колдует.
Кажется мне, я взлетаю,
Но земля не отпускает,
Держит крепко, как родную.

Однако порой стихи звучат весьма камерно. Когда мельчает мысль, не помогает даже искренность. Не способствуют свежести поэтического восприятия и постоянно повторяющиеся мотивы солнца и тьмы, радости и печали, надежды и безысходности («Полынное вино», «Только тогда...», «Когда на дороге», «Снеговой», «Мои автобусы»). Импульсивный, чувствительный лирик, несмотря на свою внутреннюю силу, часто попадает в водоворот мимолетных эмоций, не достигая глубины.

Избранные стихи Д. Авотыни на русский язык перевела В. Елизарова. Благодаря ей латышская поэтесса своими лучшими стихами обратилась к широкому кругу читателей. Однако переводчица повинна в некоторых художественных огрехах сборника. Язык таких, к примеру, стихотворений, как «Не знала я, что дыхание пахнет...», «Я верю в человека и верю земле», весьма прозаичен, не передает присущей поэтессе метафоричности. Я убежден, что при более тщательной работе переводчика некоторых потерь, ощутимых сейчас в сборнике «Цветение камня», можно было бы избежать.

Р. ПАКАЛЬНИШКИС

ВИЛЬНЮС

ПРОЗА

Бесконечный долг

Алексей Каплер. «Долги наши». Издательство «Советская Россия». М. 1973.

Вся наша жизнь — это совокупность бесконечного долга: перед Родиной, перед друзьями, перед родителями и, не в самую последнюю очередь — перед самим собой.

Алексей Каплер начинает свою книгу с рассуждений о чувстве неоплаченного долга перед людьми, которых он знал и намеревался что-то о них сказать. Книга о писательском расчете с долгами. И вполне естественно, открывая ее, читатель подумает, что это воспоминания, рассказы о былых встречах писателя со знаменитостями своего времени (а таких встреч у автора было немало!). Но нет! О знаменитостях вы уже многое знаете, будто говорит автор, я же вас познакомлю с людьми, известными только мне, и если я не расскажу о них, то никто другой не расскажет.

И мы оказываемся в семье Филимоновых, потомственных рабочих «Трехгорки». Оживают картины огненных лет первой русской революции, становятся зримыми образы тех, кто зажег негасящие костры пролетарской Пресни. В небольшой по объему киноповести (всего 90 книжных страниц) с незаурядным мастерством дана суть жизни трех поколений Филимоновых, пронесших свою верность революции и делу рабочего класса через годы «генеральной репетиции» Октября, сквозь Октябрьскую революцию и Великую Отечественную войну. Высокое умение мыслить кинематографически еще со времени непревзойденных фильмов о Владимире Ильиче сопутствует Каплеру и здесь — он лаконично, емко, на небольшой площади создает незабываемые картины. Повесть распадается на три части — Вера, Надежда, Любовь. Это три героини, женщины «Трехгорки». Замечу здесь, что снятый два или три года назад телефильм под этим же названием — только бледное и потому незапомнившееся отражение литературной первоосновы.

Внимательный читатель заметит, как автор чувствует время, о котором пишет, знает каждый шаг своих героев, сливается с ними. Передача главных черт эпохи, неодолимого пафоса революции и ее наследников, дерущихся за утверждение своей власти, защищающих эту власть,— одна из характернейших черт киноповести «Вера. Надежда. Любовь».

Интересно написана и другая повесть — «В русском Париже». Здесь Каплер знакомит нас с необычной судьбой дочери русского эмигранта, попавшей на чужбину ребенком. Одна из 300 тысяч русских, оказавшихся во Франции после Октябрьской революции. Среди них, справедливо отмечает Каплер, многие были врагами Советского государства, но у многих билось русское сердце. К ним принадлежала и героиня этой повести Софья. О том, как она воевала в рядах Сопротивления, говорят ее героическая смерть и символическая могила на кладбище Сен-Женевьев под Парижем — фашисты отрубили ей голову в тюрьме Плетцензее, а тело исчезло...

В книге нашли место публицистические работы А. Каплера — специального корреспондента «Литературной газеты».

Отрадно, что издательство «Советская Россия» выпустило собранные воедино произведения такого своеобразного писателя, и хорошо, что со всеми этими произведениями ознакомится широкий читатель.

Феодосий ВИДРАШКУ

Щедрая земля Хан-Тахты

Максуд Кариев. «Серебристые листья». Повесть. Рассказы. Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма. Ташкент. 1973.

Небольшая по объему книга Максуда Кариева «Серебристые листья» вводит читателя в мир, полный внутренней теплоты. Теплота эта ощущается в том, как рисует характеры героев автор, что он видит прежде всего в людях. Отсюда — спокойная, неторопливая интонация автора. Чувствуется, что жизненный материал книги не случаен. Он результат многих живых наблюдений, он художественно освоен. Сюжеты книги просты, они как бы вырастают из самой жизни, из повседневности, но вдруг обнажают какой-то ее глубокий срез. Герой повести «Серебристые листья» молодой агроном Анвар Каримов, только что закончивший институт, приезжает в родное село и волею обстоятельств вступает в конфликт с председателем колхоза Ахмадали Турдыевым. Дело в том, что Турдыев связывает успехи колхоза только с собственными заслугами, которые раздуваются подхалимами. Он всячески препятствует требованию Анвара засеять пустующие земли Хан-Тахты, хотя понимает, что они могут дать хороший урожай хлопка. Но самолюбие не позволяет ему поддержать чужой проект.

Казалось бы, уже известная в литературе ситуация. Суть, однако, в том, что этот «производственный конфликт» не становится в повести ключевым, ибо исход его ясен: молодого агронома поддерживают парторг колхоза Маликов и его фронтовой друг Садыков, направленный на работу в райком партии, да и комсомольцы колхоза сами решили распахать Хан-Тахту ночью на сэкономленном горючем. Главное для автора — раскрыть сложный характер председателя Турдыева. Председатель и сочувствует Анвару, и старается скрыть это, и борется с самим собой. Этот конфликт — тот «внутренний» толчок, который заставляет Турдыева многое пересмотреть в себе.

Есть в повести и другая линия. Это любовь Анвара и Мактубы. Она подвергается суровому испытанию: неудачливый поклонник Мактубы распускает сплетни об отношениях девушки с Анваром, клевещет на Анвара в ее глазах. Но их любовь преодолевает эти испытания, и читатель вместе с автором любуется чистотой их чувств. Их нравственная победа над ложью и клеветой, на мой взгляд, и есть основной мотив повести.

А тем временем завершился и производственный конфликт. В душе Турдыева произошел перелом, который автор наметил в первых главах. Председатель снова стал тем прежним «железным раисом», который поднимал колхоз в самые трудные дни.

Повесть «Серебристые листья» проникнута любовью и гордостью за родную землю, за ее людей. И этому ощущению не мешают ни узнаваемость ситуаций (можно привести немало повестей с аналогичным сюжетом), ни некоторый схематизм в построении сюжета. Автор искренне сопереживает судьбам своих героев. Это отчетливо наблюдается и в рассказах. В них причудливо переплетаются легенды и современность. И надо сказать, что в жанре рассказа Кариев чувствует себя уверенней. Сложнее в них характеры героев, интереснее ситуации.

Рассказ «Эй, ветер, донеси мой привет...» состоит всего из двух писем. Одно написал солдат перед боем своей жене, а второе — ее ответ, но этого письма солдат уже не получил. Всего три страницы, два письма и маленькое послесловие автора, а вместили эти страницы целую жизнь.

На такой же звенящей ноте написаны и другие маленькие рассказы. В них, как и в повести «Серебристые листья»,— неподдельная любовь к родной земле.

С. СМОЛЕВ

Роман о Достоевском

Михаил Никитин. «Здесь жил Достоевский». Издательство «Современник». М. 1973.

Ранний петербургский период жизни Достоевского, закончившийся приговором суда по делу Петрашевского: «Подвергнуть смертной казни расстрелянием», хорошо известен биографам Достоевского.

Возвращение писателя на литературное поприще знаменует начало другого изученного этапа его биографии. Между ними — «белое пятно». Мы знаем внешнюю канву событий тех тягостных лет, но как мало известно о внутренней, духовной жизни писателя! Что могут сказать о ней немногочисленные письма, рассчитанные на перлюстрацию, и скудные воспоминания свидетелей?

«Здесь жил Достоевский» — подчеркнуто нейтральное название книги Никитина вызывает ассоциации с многочисленными произведениями переживающего в последнее время подъем жанра литературного краеведения. Однако это — произведение художественное. В основу романа положены события зимы 1854/55 года, периода, когда только что вышедший из Омского острога Достоевский сменил страшную жизнь каторжника на немногим более легкую участь рядового штрафного батальона. Из обширного «белого пятна», расцвеченного все же кое-где яркими крапинками подлинных документов, писатель выбирает, быть может, самый неизученный и внешне наименее драматический период, обрывая нить повествования как раз накануне бурных событий романа Достоевского с Исаевой, казалось бы, столь «выигрышных» для беллетриста. Но предметом преимущественного внимания Никитина стала внутренняя жизнь Достоевского, а она, как известно, мало была связана с внешними ее проявлениями.

Годы каторги и ссылки явились для Достоевского годами духовного перелома.

«Никогда еще таких обильных и здоровых запасов духовной жизни не кипело во мне, как теперь», — пишет Достоевский брату в день инсценировки казни 22 декабря 1849 года, ожидая пути по этапу в Сибирь. «Духовных сил» хватило и на время каторги. И именно запас их вместе с сознанием своего высокого предназначения избавили его от отчаяния.

Таким и предстает Федор Достоевский в романе Никитина: сложный, измученный каторгой, униженный, истерзанный и вместе с тем не сломленный, открытый для сострадания, с огромными запасами духовной и жизненной силы. Застегнутый по уставу на все крючки солдат штрафного батальона Федор Достоевский, каким он появляется на страницах романа Никитина,— это в то же время гениальный художник, знающий, что придет час, когда он расскажет о своих и чужих страданиях.

Пытаясь реконструировать недостающее звено биографии Достоевского, Никитин, естественно, не может обойтись скудными документами. Он вынужден доверять своей интуиции художника, он вынужден, наконец, обратиться к самому главному документу, свидетельствующему о Достоевском,— его собственному творчеству. И не только для воссоздания мыслей и чувств каторжника, заключенного в «Мертвом доме». Литературоведы установили зависимость ряда персонажей великого писателя от реальных прототипов. Никитин пытается проделать обратное, реконструировать характеры реальных окружавших Достоевского людей, воспользовавшись чертами литературных его героев. Путь опасный, во многом сомнительный, требующий исключительного такта. Здесь возможны удачи, но не менее вероятны срывы. Никитина есть за что упрекнуть. Почему в разговоре Достоевского с поручиком Обухом, объясняющимся языком Кирилова, сам Достоевский, говоря о Наполеоне, повторяет мысли Раскольникова, зачем исповедь Исаева едва ли не текстуально повторяет отдельные моменты трактирной исповеди Мармеладова?

Еще более спорны отдельные фактические стороны романа. Как мог поверить Никитин нелепой выдумке Любови Федоровны Достоевской о происхождении М. Исаевой от наполеоновского мамелюка и построить на этой шаткой детали целый эпизод романа? Почему предпочел сомнительные воспоминания А. Пальма, единственного освобожденного от наказания петрашевца, куда более достоверному свидетельству Львова для воссоздания поведения Достоевского на эшафоте?

Но мне не хотелось бы перечислять промахи покойного писателя или то, что может считаться промахом с точки зрения литературоведения. Задача писателя, взявшегося за такое невероятно сложное дело, как изображение Достоевского, заключается все же не в том, чтобы собрать воедино все известные факты, но в том, чтобы создать достоверный образ гениального художника. Следует напомнить еще об одном обстоятельстве. Никитин работал над книгой в 40-х годах, когда слишком распространено было упрощенное представление о Достоевском. Образ же Достоевского, созданный Никитиным, напротив, близок и современному пониманию великого писателя.

А. ЛАТЫНИНА

Витринные страсти

Юлия Шифрина. «За витриной магазина». Центрально-Черноземное книжное издательство. Воронеж. 1973.

Повесть Юлии Шифриной рассказывает о жизни работников торговли. Писательница попыталась увидеть «закулисную», скрытую от посторонних глаз сторону их быта. Какие же радости и горести прячутся за рекламной витриной магазинов?

В центре повествования судьба двух людей — матери и дочери Киселевых. Мать, Надежда Ивановна, — заведующая маленьким магазинчиком, который в народе ласково прозвали «киселевский»; дочь Люда только закончила торговый техникум и начала работать в универмаге. Мать и дочь выступают поборницами честности и вежливости в отношениях продавца с клиентами. При одной мысли о равнодушии к покупателям мягкая и отзывчивая Надежда Ивановна чувствует «приступ злости, ярости».

Но, увы, как ни пытается убедить нас писательница в том, что героини честны и принципиальны, повесть говорит об обратном...

С легкостью необычайной уходят персонажи от всех серьезных вопросов, которые ставит перед ними жизнь. Полное безразличие и пренебрежение к тем высоким принципам, о которых эти люди так красиво говорят, сквозят в каждом их поступке. Их декларативная положительность, заявленная писательницей с первых же страниц, на деле не получает подтверждения.

Так, например, Киселевы, с одной стороны, борются с продажей товаров из-под прилавка, а с другой, узнав, что некто Полина, «правая рука» директора универмага, — спекулянтка, пальцем не пошевельнули, чтобы вывести ее на чистую воду. «Надо добиться, чтоб в торговле никогда не было таких продавщиц, которые торгуют нечестно!» — думает Люда. Но вот подруга предлагает ей «по блату» красивое платье. Нет, платья Люда не купила, но и с подругой портить отношения не стала.

Речь в повести идет о вещах, в общем-то, обыденных, и у героев нет особых причин для волнений и переживаний. Стремясь придать повествованию драматизм, писательница искусственно обостряет ситуации, и тогда возникают «витринные», показные страсти, которым не веришь.

Люду обвинили в том, что она обмерила покупателя на два сантиметра, когда отпускала ему материал. Обиженные клиенты требуют наказания виновной и, злорадствуя, ведут Люду в ателье, где обнаружили обмер.

«...Не было в Людиной жизни пути более длинного. Не было еще в жизни пути более трудного. Никогда не требовалось столько мужества». Какой накал страстей! А заканчивается все благополучно: это в ателье погорячились, не измерили отрез как следует.

Эпизодов, когда ожидаешь, что разоблачат жулика или выгонят с работы плохого начальника, немало. Но очень быстро понимаешь — это лишь приготовление, накапливание «пороха» для финального фейерверка, когда зло понесет заслуженную кару.

Как и следовало ожидать, нашлись люди, вступившиеся за справедливость, поддержавшие почин Киселевых уважать покупателя и работать на совесть. И счастливая Люда констатирует: «Соколов уходит из универмага. О суде столько разговоров, что теперь никто не сомневается, что Ирина больше в магазине не работать». И т. д.

Конфликт снят искусственно. Читатель так и не дождался непосредственного столкновения добра и зла. Под занавес, наконец, происходит и объяснение в любви Люды и Олега, который «был коренастый, широкоплечий, с чуточку узкими глазами».

Перефразируя известное изречение, приходится заметить — не всегда хороши произведения, в которых все хорошо кончается.

А. НИКОЛАЕВ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

КАКИМ БЫТЬ КОММЕНТАРИЮ?

В «ЛГ» (№ 8, 1974) были опубликованы статьи литературоведов Я. Билинкиса и Г. Бялого, посвященные проблемам комментирования художественного текста. Сегодня разговор продолжает доктор филологических наук С. Рейсер.

ПРИСТРАСТНОЕ БЕСПРИСТРАСТИЕ

С. РЕЙСЕР

ДЛЯ современного советского читателя комментарий к произведениям художественной литературы стал привычной и обязательной нормой. И это естественно. Потребность в примечаниях основана на простом факте — в произведении не все понятно. Ведь человеческая память очень коротка, даже в наше время многочисленных графических и механических приемов фиксации. Мы очень быстро забываем выходящие из употребления вещи, обычные некогда термины, характерные слова той или другой эпохи и т. д.

Современники Пушкина прекрасно понимали, что слова «Служив отлично благородно» — формула служебного аттестата, а сегодняшний читатель их накрепко забыл. Читатель Гаршина в 1885 году не нуждался в разъяснении слов «дипломат» и «пальмерстон» (эти предметы женского туалета фигурируют в рассказе «Надежда Николаевна»), а нынешний читатель вряд ли знает их значение. До 1917 года было бы нелепо напоминать, что значит «товарищ министра», а студент 1973 года (сужу по опыту преподавания) уверен, что это «друг министра». Тот же студент недоуменно останавливается перед словами «Возмездия» Блока: «И «князь» орет: «Халат, халат!», ибо о торговцах татарах в Петербурге он понятия не имеет. Строка Маяковского: «Мы диалектику учили не по Гегелю» отстоит от нас всего лишь на сорок с небольшим лет, а ее полемическое звучание забылось и требует разысканий — это сделано в статье А. Гладкова в 1965 году.

Бывает и иначе. Даже современники не улавливали тончайшей иронии слов Пушкина: «Решил Фиглярин, сидя дома»,— потому что не знали, что двумя последними словами поэт цитировал безымянный донос на него (руку Булгарина узнать было нетрудно), который Пушкину довелось читать: до 1972 года эта деталь оставалась неоткрытой. Надо ли объяснять, как заиграли эти слова «Моей родословной»?

Может ли современный читатель без помощи комментатора понять, кого Чернышевский называет «Непорочностью» в романе «Что делать?»? Разве он не нуждается в разъяснении слов о «невесте» (революции) или в раскрытии тонкого хода автора, заставляющего Веру Павловну якобы цитировать песню французской революции «Ça ira» и приводить в ней формулу разумного эгоизма?

В этой связи позволю себе напомнить глубоко справедливые слова Салтыкова-Щедрина. В письме к А. Жемчужникову от 25 января 1882 года он писал: «...лет через двадцать меня или забудут, или будут читать с комментариями, как уже теперь читают «Губернские очерки» (я сам почти так их читал недавно, выпуская новое издание)». Впрочем, еще на два года раньше проницательный критик П. Анненков в письме к сатирику замечал: «...Одни комментарии к Вашим рассказам могли бы составить порядочную репутацию человеку, который бы за них умело взялся».

Итак, **комментарий совершенно необходим; без него понимание многих произведений существенно обедняется.** Это ясно ощущалось почти сто лет назад и тем более очевидно в наши дни.

К СКАЗАННОМУ, однако, необходимо кое-что добавить.

Комментатор прочно связан с текстом, но этот текст **при своей графической неизменности отнюдь не неизменен.** Каждая эпоха читает текст по-своему, нередко по-иному, чем раньше, и находит в нем нечто новое, воспринимает его (в целом или в частях) иначе. Шекспир XVII века не очень похож на Шекспира в толковании Гёте, на Шекспира, по-новому прочитанного советскими исследователями и режиссерами. В одной из работ Ю. Лотмана правильно указано, что «Гамлет содержит для нас большую информацию, чем для современников Шекспира, он соотносится со всем последующим развитием человечества... «вдвигаясь» во все усложняющиеся внетекстовые структуры, получает новую смысловую нагрузку».

Только в этом смысле можно (да и то с оговорками!) принять формулировку Я. Билинкиса, что «в пьесах Шекспира мы сейчас уже не воспринимаем непосредственно многих исторических конкретностей, пьесы эти... перешли, так сказать, в иное измерение: всемирно-исторические обобщения вышли на первый план».

Дальнейшая жизнь произведения открывает новые факты, меняет акценты, но это никак не значит, что мы можем отвергать (как полагает Я. Билинкис) надобность в комментарии: просто в иное время и комментарий будет иной. Нигилистическое отношение к комментарию всегда отомстит за себя непониманием тех или иных сторон произведения.

Вывод из сказанного очевиден: **комментарий не есть нечто неподвижное.** Неверна, например, мысль, что можно написать раз и на всегда комментарий к «Преступлению и наказанию». Он будет изменчив в зависимости от: а) времени, отделяющего нас от произведения, б) эпохи, по-новому осмыслившей его, в) читательского назначения издания. «Устойчивость» комментария, о которой мечтает Г. Бялый, более или менее мнимая.

ПОСЛЕДНИЙ вопрос — самый трудный, один из «проклятых» вопросов текстологии, ибо он определяет степень детальности комментария. Разрешить его можно больше теоретически, а на практике комментатор и издательский редактор не всегда приходят к общему выводу. Мы не знаем (за редкими исключениями), к кому попадет книга, как бы мы ни стремились четко определить читательский адрес. Выражения вроде: «Книга рассчитана на читателя, окончившег десятилетку» — ничего не значащая фраза. Может встретиться врач, без словаря знающий, кто такой Саксон Грамматик, и столько же шансов, что найдется инженер, который не знает, что такое Троя.

Но издательства ревниво относятся к вопросу о «непонятности», и в итоге комментарий приобретает гибридный характер: часть его — необходимые справки и разыскания, часть — элементарные справки в расчете на гипотетического недоучку или лентяя. Комментатор же уподобляется путешественнику между Сциллой и Харибдой — в одном случае читатель будет обижен (как верно отметил Г. Бялый) излишней детализацией (за кого меня считают!), в другом — непонятность его отпугнет. Г. Бялый совершенно справедливо указывает, что только чувство такта может подсказать правильное решение о мере комментирования. Прав, однако, и Я. Билинкис, отмечающий систематический рост уровня культуры населения. Нельзя не учитывать и расширение сети библиотек, в которых можно навести справку. Огромные тиражи всякого рода справочников находятся главным образом в личных библиотеках — все это позволяет сегодняшнему комментатору писать иначе и меньше, чем, скажем, 20—25 лет назад, и не опускаться ниже определенного уровня. А еще лет через 20 уровень этот станет наверняка выше и, конечно же, определит более высокий и сжатый тип комментария.

С ЭТИМ вопросом тесно связан и другой. У нас прочно установился тип комментария, расположенного в конце книги и постранично разъясняющего текст. Между тем зарубежная практика смело идет на комментарий, расположенный в непосредственной близости к тексту (например, в сносках) и избавляющий читателя от многократного путешествия в конец книги.

В последние годы приобрел законную популярность (вышло уже более 10 книг) осуществляемый издательством «Просвещение» углубленный комментарий к значительнейшим памятникам нашей литературы в виде отдельной книги. Наиболее известны комментарии Н. Бродского к «Евгению Онегину», вышедшие уже пятью изданиями. В ряде стран книги такого рода давно приобрели широкое распространение. Очень популярен, например, тип путеводителей (энциклопедий), рассматривающих жизнь и творчество того или иного писателя. У нас в таком жанре подготовляется сейчас «Лермонтовская энциклопедия». Но все-таки, надо признаться, наши комментаторские искания все еще недостаточно смелы.

КОНЕЧНО, «открыть читателю художественное создание как неповторимый целостный организм» — на этом настаивает Я. Билинкис — совсем не дело комментария.

Г. Бялый впадает, однако, в противоположную крайность, начисто отрицая у комментатора такое право: «Комментатор — не сторона», — полагает он.

На самом деле, как это часто бывает в таких случаях, истина находится посередине.

Разумеется, есть категория формальных справок, не имеющая никакого отношения к концепции данного произведения. Сообщая, например, когда и между кем была битва при Нови и чьей победой она окончилась или кто такая Флоренс Найтингейл, комментатор бесстрастно, не ведая «ни злобы, ни любви», обслуживает все категории читателей.

Но если за комментирование произведения берется человек, не имеющий определенного отношения к позиции автора, его комментарий едва ли будет удачен. В этом строго подчиненном тексту жанре комментатор, в зависимости от своей позиции, всегда будет выбирать — что и как комментировать. Советский комментатор наших дней выделит, подчеркнет историческую правоту Чернышевского в его борьбе с либералами, расшифрует скрытые намеки о близости и победе революции, отметит черты нового стиля и т. д. Выбор материала для комментирования до известной степени неизбежно субъективен.

Одним словом, самим выбором и подбором разъясняемых мест, акцентом на тех или других сторонах, характером их разъяснения идейная позиция комментатора неизбежно определится.

В этом и состоит смысл утверждений о воспитательной роли комментария к художественному произведению.

ЧИТАТЕЛЬ ПРЕДЛАГАЕТ

А НЕ РАСШИРИТЬ ЛИ ПРОБЛЕМУ?

Обсуждение в «Литературной газете» вопроса о том, каким быть комментарию, представляется мне интересным и важным. Но, с другой стороны, хотелось бы поставить проблему шире. Ведь вопрос о комментарии — это часть большой и серьезной проблемы: культуры наших изданий вообще. И здесь мне хотелось бы высказать некоторые свои суждения.

За последние годы несколько раз издавались и переиздавались сочинения русских классиков. Это хорошо! Но огорчает следующее: непонятное для меня стремление издателей придать некую сухость этим книгам. Почему-то издания классиков очень редко снабжаются биографиями писателей. Например, нет биографии Лермонтова в четырехтомнике его сочинений (издательство «Художественная литература», 1957), нет биографии Пушкина в десятитомнике, изданном АН СССР в 1956—1957 гг. В лермонтовском четырехтомнике в конце помещена некая хроника жизни и творчества поэта, но разве характеризует она его личность? Сравниваю этот четырехтомник с однотомным собранием сочинений Лермонтова издания Павленкова 1892 года. Открывает однотомник интересно читающаяся биография поэта, написанная Скабичевским. Перед стихотворениями — указания, кому они посвящены. Почему этого зачастую нет в современных изданиях? Избегать же после прочтения стихов за справочником или искать биографические издания из серии ЖЗЛ?

И еще одно. Как облегчили бы чтение книги указатели имен, названий, встречающихся в тексте! К сожалению, такие своеобразные «путеводители по книге» — пока большая редкость в наших изданиях.

П. ЧЕБУРКИН, врач
гор. ЩЕКИНО Тульской области

ОТ РЕДАКЦИИ

Не только тов. Чебуркина, но и многих читателей нашей газеты — об этом свидетельствует редакционная почта — волнуют проблемы, связанные с культурой современных изданий. Интерес широкой читательской аудитории к, казалось бы, сугубо профессиональным вопросам издательской практики понятен. Ведь речь идет о таком важном деле, каким стало у нас издание сочинений классиков русской и мировой литературы. Общеизвестен его широкий размах, богат накопленный опыт, велики достижения. Но, как и всякое живое, творческое дело эта работа не терпит шаблона, нуждается в постоянном совершенствовании, в настойчивом устранении промахов и недостатков, которых, увы, еще немало.

О некоторых аспектах проблемы повышения культуры наших изданий размышляет сегодня доцент Литературного института имени А. М. Горького Союза писателей СССР Вл. Безъязычный.

ЕЩЕ РАЗ О КУЛЬТУРЕ ИЗДАНИЙ

Вл. БЕЗЪЯЗЫЧНЫЙ

КОНЕЧНО, те вопросы, которые затрагивает в своем письме врач П. Чебуркин, да и другие читатели «Литературной газеты», заслуживают внимания, к ним необходимо прислушаться. Но иногда эти вопросы ставятся не совсем точно. Вот и П. Чебуркин сетует по поводу того, что в четырехтомном издании сочинений Лермонтова, выпущенном Гослитиздатом в 1957—1958 гг., «нет биографии поэта», сожалеет, что «нет биографии Пушкина в десятитомнике, изданном АН СССР в 1956—1957 гг.» (точнее, в 1956—1958 гг., так называемое «малое академическое издание»), считая это серьезным недостатком. «Сравниваю четырехтомник с однотомным собранием сочинений Лермонтова издания Павленкова 1892 года...» — пишет П. Чебуркин. Сравнение это, по его мнению, не в пользу нынешнего издания, поскольку в павленковском есть, в частности, «интересно читающаяся биография Лермонтова, написанная Скабичевским...»

Да, статья критика-народника А. Скабичевского (вышедшая одновременно в известной биографической серии Ф. Павленкова «Жизнь замечательных людей») действительно обогатила издание. Могу даже сказать и больше: несомненно, украсили книгу портрет Лермонтова и другие иллюстрации, а опубликованные в приложении документы судебных «дел» о стихах на смерть Пушкина и о дуэли Лермонтова с Барантом были для читателей той поры настоящим откровением...

Но все-таки тем, кто хочет по-настоящему познакомиться с поэзией Лермонтова, рекомендую предпочесть этому изданию любое советское. Объясню почему. Каждое издание мы должны оценивать, руководствуясь главным критерием. А это прежде всего — состав (то есть полнота) и качество текста.

Скромное, напечатанное на бумаге не самого первого сорта однотомное «Полное собрание сочинений Лермонтова», вышедшее в 1926 году, как и столь же скромный однотомник Пушкина, изданный в 1935 году, давали подлинные тексты, такие, каких не знал еще прежний читатель. Огромная работа советских литературоведов (К. Халабаева и Б. Эйхенбаума, готовивших издание Лермонтова, Б. Томашевского — издание Пушкина) предшествовала выходу этих однотомников. Работа, которую, пожалуй, можно сравнить лишь с удивительным трудом художника-реставратора, когда в умелых его руках некая «черная доска», промытая и расчищенная, вдруг засияет первозданной красотой, до того закрытой плотными наслоениями последующих «подправок» и «улучшений» (все помнят, как великолепно писал об этом В. Солоухин в «Письмах из Русского музея» и «Черных досках»).

ОДНАКО вернемся к «проблеме биографии». Да, П. Чебуркин прав: ни в четырехтомнике Лермонтова 1957—1958 гг., ни в «малом академическом издании» Пушкина 1956—1958 гг. действительно «нет биографий поэтов» (точнее же очерков их жизни и творчества).

Но ведь это и не недостаток вовсе. Потому что научное издание (а таковым как раз и является лермонтовский четырехтомник и — в еще большей степени — академическое, хотя и «малое» собрание сочинений Пушкина) и не должно иметь популярной вступительной статьи. Иное дело — «Основные даты жизни и творчества М. Ю. Лермонтова» в четырехтомнике. Конечно, это не «характеристика личности поэта», которую хотел бы видеть наш читатель, это всего лишь систематизированный перечень фактов его биографии и творчества, расположенных в строгой хронологической последовательности и точно документированных, но как обогащает он издание, как необходим ему!

Что же до желания П. Чебуркина видеть в издании хорошую биографию поэта, то оно понятно и легко объяснимо. Ведь все еще трудно приобрести в книжных магазинах биографические книги о Лермонтове, да, кстати, и нет до сих пор у нас добротной научной его биографии, как нет, впрочем, подобного труда и о Пушкине. Тиражи же тех книг, которые появляются, явно отстают от запросов многомиллионного советского читателя.

Поэтому можно было бы предложить нашим издателям вспомнить примеры опыта таких типов издания сочинений писателей-классиков, какие были в известной «Академической библиотеке русских писателей», выходившей в 1909—1916 гг. (полные собрания сочинений А. В. Кольцова, А. С. Грибоедова, Е. А. Баратынского, М. Ю. Лермонтова).

Каждое из этих изданий, помимо того, что оно содержало тексты художественных произведений и писем, было снабжено биографическими очерками и тщательно продуманной разветвленной сетью «Приложений» — целой системой научно-справочного аппарата. Например, в собрании сочинений Кольцова (выдержавшем в короткое время три издания!) были и обзор рукописей и изданий, и общая (очень полная и квалифицированная) характеристика литературы о писателе, и материалы о переводах, переложениях на музыку стихотворных текстов и т. д. В результате читатель получал своего рода «энциклопедию» данного писателя. Нечто напоминающее «Академическую библиотеку русских писателей» было в ряде книг, выпускавшихся в тридцатые годы известным советским издательством «Academia», но, к сожалению, с тех пор подобные издания почти не повторялись.

И ЕЩЕ один, пожалуй, самый «больной» вопрос, затронутый в письме П. Чебуркина. Это научный аппарат современных изданий сочинений писателей-классиков. Добавлю — и монографических исследований, выпускаемых главным образом издательством «Наука».

«Das Buch ohne Index ist kein Buch» («Книга без указателя — не книга») — эти золотые слова известного историка Моммзена любил повторять замечательный русский библиограф, первый директор Всесоюзной книжной палаты Богдан Степанович Боднарский. Слова эти говорят сами за себя, за ними — прочная традиция научных изданий.

Между тем у нас явно недооценивается значение указателей как в собраниях сочинений писателей-классиков, так и в научной литературе. Вот вам пример. В 1956—1958 гг. Гослитиздатом было выпущено очень хорошее одиннадцатитомное издание сочинений Лескова. Последний его том включает значительную часть эпистолярного наследия писателя. В письмах упоминаются десятки и сотни имен. Но как найти имя, вас интересующее, если указателя в книге нет?

Пример не только далеко не единственный, но, к сожалению, весьма распространенный — как, скажем, остро чувствуется отсутствие указателя имен, встречающихся в письмах Пушкина («малое академическое издание», где есть лишь указатель адресатов писем)!

Еще больше «глухих и слепых» научных литературоведческих книг. Вот вы берете в руки четыре тома капитального труда В. Нечаевой о жизни и творчестве Белинского, выпущенных академическим издательством (1949—1967 гг.). В них — громадное число имен, названий периодических изданий и произведений литературы, но попробуйте-ка сориентироваться в них без специальных указателей!..

Справедливости ради стоит сказать — за последние годы указатели иногда стали появляться в изданиях научной литературы (чаще всего — именной, другие же — топографический, указатель названий, — увы, существуют пока только в учебных пособиях по редактированию). Стоит ли доказывать, что отсутствие хороших указателей резко снижает эффективность научной книги как источника информации? Тем более остро встает этот вопрос сейчас, когда к профессиональной работе с научной книгой приобщаются миллионы читателей.

Пока что наличие или отсутствие указателей в научной книге зависит только от ее автора: парадоксально, но издательства охотнее всего сокращают объем выпускаемых книг именно за счет научного аппарата и, особенно, указателей. Кстати сказать, труд по составлению этой части книги оплачивается довольно низко. Вот все это и приводит к тому, что недооценка указателей становится привычным делом, в издательствах утрачиваются вкус и навык к этому важному элементу культуры научного издания...

Между тем, можно привести примеры того, как тщательно составленные указатели не только по-настоящему украшают книгу, но и дополняют ее, придавая ей важные достоинства систематизированного источника информации, организованной в удобной для читателя форме. Так, в «Истории моего современника» В. Г. Короленко, которую выпустило издательство «Художественная литература» (подготовка текста и примечания А. Храбровицкого), наряду с образцово составленным, экономным и емким комментарием, есть прекрасный «Указатель имен», причем не «глухой», то есть содержащий лишь фамилии с инициалами и отсылками к страницам текста, а раскрывающий имена и отчества, а также даты жизни лиц, упоминаемых в книге. Такой указатель имен, требующий громадного труда,— своеобразный «биографический словарь» в миниатюре, подлинно исследовательская работа, за которую составителю глубоко признателен каждый, кто обращается к этому изданию!

Особенно хочется отметить книги, вышедшие не в Москве и не в Ленинграде, а в одном из тех городов, которые в просторечии именуются «периферией» (что в иную пору называлось «провинцией»). Вот труды талантливого исследователя истории культурной жизни Сибири и Вятского края, ученого и писателя Е. Петряева, живущего и работающего в городе Кирове. Волго-Вятское издательство (точнее, его Кировское отделение) выпустило в 1966 году книгу Е. Петряева «Литературные находки. Очерки культурного прошлого Вятской земли», а в 1970 году — другую его работу под названием «Люди, рукописи, книги». Оба эти издания отличает высокий — настоящий столичный научный уровень, чему в немалой степени способствует то обстоятельство, что и та и другая работы снабжены толково составленными аннотированными именными указателями. Разве это не убедительное доказательство того, что «провинциализм» — понятие отнюдь не географическое: ведь не диво в столичном издательстве увидеть книгу, коей не присущ тот научный уровень, к которому обязывает место издания?..

ДА, МНОГО давно назревших, но и по сей день не решенных вопросов повышения культуры наших изданий, что называется, властно просится «в повестку дня». Я остановился лишь на некоторых из них. А ведь их куда больше!

АНФАС И В ПРОФИЛЬ

ДРУЖЕСКИЕ ШАРЖИ Н. ЛИСОГОРСКОГО, А. АРУТЮНЯНЦА, Л. КОНТРИМАВИЧЮСА

Григорий МЕДЫНСКИЙ

Степан ОЛЕЙНИК

Альфонсас БЕЛЯУСКАС

ЗАМЕТКИ КРОХОБОРА

* * *

Один московский журнал задает читателям вопрос: «Почему ПУСТУЮТ ВАКАНСИИ?» Но что же им, бедным, делать, как не пустовать? Ведь на то они и вакансии.

М. АНДРЕЕВ
МОСКВА

* * *

Как вы считаете: с каким пространством имеет дело геометрия Эвклида? Только не думайте, пожалуйста, что с трехмерным. Любой школьник укажет вам фразу, опровергающую такое нелепое утверждение: «Он знает каждый квадратный фут Манхэттена, знает не только вдоль и поперек, но — вопреки эвклидовой геометрии — в трехмерном измерении» («Неделя», № 6, 1974).

* * *

«Молодые люди носят пиджаки с набитыми, правда, уже не ватой, а поролоном плечами». Если уж мы начнем параллакс на портняжное дело переводить, то нам придется вводить в астрономию новый термин: поролон.

Е. ИВАНОВА
МОСКВА

* * *

В рецензии, напечатанной в ленинградской газете, прочел:

«На сцене, затянутой материей, мерцающе-серой тканью... стоит квадратной формы куб»...

Попробовал, следуя логике автора, представить треугольный куб. Не получилось. Читаю дальше: к центру куба «подвешивается хрустальная люстра».

Изнутри его освещать, что ли?

Ю. ДЬЯКОНОВ
ЛЕНИНГРАД

* * *

Все-таки живы еще традиции того провинциально-мурлузного языка, на котором изъяснялись гоголевские дамы «приятные во всех отношениях»! Вот передо мной недавно такой, например, фразе: «...из окон вагона открывался ПРЕКРАСНЫЙ ПЕЙЗАЖ НА РЕКУ». Не грозят ли нам «натюрморты под фрукты»?

Ю. ФИДЛЕР
БАКУ

* * *

Герой... «отбивает от скалы не гранит, не шпат, не несторит, а просто камень...» — выражает неудовольствие критик («ЛГ», № 43, 1973). Что это за «несторит»? Быть может, автор имел в виду «касситерит»? И в самом деле — лучше писать просто «камень».

Н. САВЕЛЬЕВА

* * *

«СПОТЫКАЛАСЬ и путалась пшеница!» — сообщает «ЛГ» (№ 7, 1974). Это как?

Л. БАБАШОВ
МОСКВА

* * *

В магазине увидел трафаретную вывеску: «Фарш приготовляется из МЯСА ГОВЯДИНЫ первой категории».

Видимая говядина первой категории — и ее на убой!

А. ШИВАЕВ
ЛЕНИНГРАД

* * *

В корреспонденции из Нью-Йорка прочел: «хотя полуофициозная американская пресса и пыталась создать впечатление...» Словарь русского языка объясняет: «официозный — полуофициальный, связанный с правительством, но формально от него не зависящий». А полуофициозный это что — официальный на одну четверть?

А. ВОЯЖИН
гор. ГРОЗНЫЙ

* * *

В информационной заметке в еженедельнике «Ринг» сообщается: «Высокую собственность его одержимости в работе окружающие люди ценят, когда Исаев начнет расследование трудного и запутанного преступления». Не называется ли такая похвала «медвежьей» услугой? Не говоря уже о слоге...

Р. ЖАВОРОНКОВ
Рязанская область

Владимир ТЕНДРЯКОВ

В УЧИТЕЛЬСКОЙ

Писатель Владимир Тендряков работает над новой повестью «Ночь после выпуска». Произведения В. Тендрякова, как правило, полемично заострены, не оставляют читателя равнодушным. Наверное, и «Ночь после выпуска» не станет исключением в этом смысле, вызовет споры. Об этом можно судить хотя бы по отрывку, публикуемому нами сегодня. В нем мы застаем директора школы Ивана Игнатьевича, завуча Ольгу Олеговну, преподавателя физики Павла Павловича и преподавателя математики Иннокентия Сергеевича сразу же после выпускного вечера, когда новая группа их воспитанников получила путевки в жизнь.

Только что вышла из учительской преподавательница литературы Зоя Владимировна, обидевшись на Ольгу Олеговну, высказавшую в пылу спора недоверие к ее педагогической практике.

ЗА ЗОЕЙ ВЛАДИМИРОВНОЙ закрылась дверь. С минуту никто не шевелился.

Скрипнул стул под Иваном Игнатьевичем, директор решительно поднялся, грудью повернулся к Ольге Олеговне, насупленно строгий и замкнутый.

— Не кажется ли вам, что вы сейчас обидели человека? Сильно обидели и незаслуженно!

У Ольги Олеговны немигающие, широко открытые глаза, но неподвижное лицо все равно кажется каким-то слепым. Тяжелая копна вознесенных волос и расправленные плечи.

— Мне очень жаль, что так получилось. — Голос сухой, без выражения.

— Не сочтите за труд извиниться перед ней.

Иван Игнатьевич редко сердился, но, когда сердился, всегда становился церемонно вежливым: «Не сочтите за труд...» «Смею надеяться... Позвольте рассчитывать...»

— Извиниться? За что?

Неподвижное лицо Ольги Олеговны ожило, взгляд вновь стал подозрительно настороженным.

— Вы только что, любезная Ольга Олеговна, сказали — позвольте напомнить: вам очень жаль, что так получилось. Значит, есть повод для извинений.

— Мне жаль... Наверное, как и каждому из нас. Жаль, что у Зои Владимировны долгая жизнь оканчивается разбитым корытом.

— Разрешу себе заметить: разбитое корыто — довольно рискованное выражение.

— А разве она сейчас сама не призналась в этом?

— Надеюсь, не станете нас уверять, уважаемая Ольга Олеговна, что долгая жизнь Зои Владимировны не принесла никакой пользы?

— Пользы?.. Сорок лет она преподает: Гоголь родился в таком-то году, Евгений Онегин — представитель лишних людей, Катерина из «Грозы» — луч света в темном царстве. Сорок лет одни и те же готовые формулы. Вся литература — набор сухих формул, которые нельзя ни любить, ни ненавидеть. Неволнующая литература — вдумайтесь! Это такая же бессмыслица, как, скажем, негреющая печь, несветящий фонарь. Получается: сорок лет Зоя Владимировна обессмысливала литературу. Пушкин, Достоевский, Толстой, Чехов глаголом жгли сердца людей! По всему миру люди горят их пламенем — любят, ненавидят, страдают, восторгаются. И вот зажигающие глаголы попали в добросовестные, но, право же, холодные руки Зои Владимировны... Сорок лет! У скольких тысяч учеников за это время она отняла драгоценный огонь? Украла способность волноваться! Вы в этом видите пользу, Иван Игнатьевич?!

Иван Игнатьевич сердито засопел, спрятал глаза за кустистыми пшеничными бровями.

— Но она еще была преподавателем и русского языка, научила тысячи детей грамотно писать. Хоть тут-то признайте, что это немалая заслуга.

— Научить правильно писать слово и разучить его любить — это все равно, что внушить понятия высокой морали и вызвать к ним чувство безразличия.

— Странный вы человек, Ольга Олеговна, — огорченно произнес Иван Игнатьевич. — Вдруг взорвались — готовы рушить, ломать головы...

— А вы считали, что у нас в школе все идеально, не нужно освобождаться от старых навыков?

— Положим, не все идеально и от каких-то привычек нам придется освобождаться.

— Ну тогда придется освободиться и от тех, кто безнадежно увяз в этих старых привычках.

— Освободиться от Зои Владимировны?.. Немедленно? Или можно подождать немного, хотя бы того не столь далекого дня, когда она сама решит оставить школу?

— Недалекого дня? А когда он наступит? Через год, через два, а может, через пять лет?.. За это время сотни учеников пройдут через ее руки. Я преклоняюсь перед вашей добротой, Иван Игнатьевич, но тут она, похоже, дорого обойдется людям.

Иван Игнатьевич, опустив борцовские плечи, недовольно разглядывал Ольгу Олеговну.

— Мне кажется, вы собираетесь выправить накренившуюся лодку, черпая решетом воду, — сказал он с досадой.

— То есть?

— То есть мы освободимся от Зои Владимировны, а на ее место придет молодой учитель, только что окончивший наш областной пединститут. И вы рассчитываете, что он-то непременно будет горящим. Вам ли не известно, что в областной пединститут, увы, идет тот, кто не сумел попасть в другие институты. Десять против одного, что на смену Зое Владимировне придет неспособный раздувать святой огонь Пушкина и Толстого. Не рассчитывайте на Прометеев, дорогая Ольга Олеговна.

Ольга Олеговна не успела ответить, как по учительской прокатился глуховатый басок:

— Зоя Владимировна опасна больше других? Сомневаюсь.

Директор шумно повернулся, Ольга Олеговна подобралась: подал голос учитель физики Решников.

— Что ты хочешь этим сказать, Павел? — спросила Ольга Олеговна.

— Хочу сказать: врачу — исцелися сам.

— Ты считаешь, что я опаснее Зои Владимировны?..

— Да.

— Зои Владимировны?..

— В какой-то степени.

— Объясни.

И Решников поднялся, нескладно высокий, крепко костистый, с апостольским пушком над сияющим черепом, лицо темное, плоское, азиатски скуластое, как глиняная чаша.

Двадцать с лишним лет назад они пришли в школу — трое со студенческой скамьи, два парня с колодками орденов и медалей на лацканах поношенных пиджаков и девица с копной волос, с изумленно распахнутыми глазами. Школа встретила их по-разному...

Иннокентия Сергеевича — уважительно. Раненный под Белгородом, он слишком наглядно носил на себе след войны — пугающий лиловый шрам на лице — и в то же время не кичился фронтовым прошлым, не требовал привилегий, держался скромно, преподавал толково. О нем сразу же установилось прочное мнение — надежный работник, образец для подражания.

Павел Павлович Решников, тоже фронтовик, трижды раненный, награжденный орденами, с ходу вошел в конфликт со школой. Он считал, что школьные программы по физике устарели — нельзя преподавать лишь законы Ньютона, когда современная наука живет открытиями Эйнштейна. Остальных преподавателей тогда вполне устраивали привычные программы, все они были старше Решникова, а потому резонно замечали, что яйца курицу не учат, на экзаменах с пристрастием спрашивали с учеников не то, чему их учил Павел Павлович. До полного разрыва со школой у него не дошло, он по-прежнему преподавал физику не строго по программам и учебникам, но делал это уже осторожно — инспекторские проверки никогда не заставали его врасплох, его ученики достаточно хорошо знали программный материал. Сам же Павел Павлович являлся в школу, чтоб дать уроки и исчезнуть. Ни с кем из учителей он не сходился, не вступал в споры, не навязывал своих взглядов. Его кто-то назвал однажды «вечный гастролер». На это он спокойно возразил: «Смотря для кого. Ученики меня так не назовут». У Павла Павловича среди учеников всегда были избранники, которых он приглашал даже к себе на дом, снабжал книгами.

Ольгу Олеговну школа сначала встретила равнодушно — молодой преподаватель истории, ничем, собственно, не выделяющийся. Она выделилась не преподаванием, не педагогическим мастерством, а неукротимым правдолюбием. Ольга Олеговна могла во всеуслышание произнести то, о чем все осмеливались лишь шептаться по углам, заклеймить подхалимов, обличить зарвавшихся, не считаясь ни с их властью, ни с их авторитетом. Она всегда шла напролом — пан или пропал — и почти всегда выходила победителем. В школе менялись директора, Ольга Олеговна оставалась бессменным завучем вот уже пятнадцать лет.

Она часто упрекала Решникова «за отшельничество», но уважала его за преданность своей науке. Она сама давно уже не скрывала недовольства существующими учебными программами. Решников и Ольга Олеговна скорей были единомышленниками, врагами же — никогда! И вот сейчас Решников поднялся, чтобы выступить против нее.

— Объясни.

Из-под сияющего лба Решников внимательно и долго вглядывался в Ольгу Олеговну, сидящую с вызывающе вскинутой головой.

— Тут ты вся: зовешь — делай, и не замечаешь, что уже делается. Кричишь — вперед! — и хватаешь за полу — стой, не смей шевелиться!

— Не говори шарадами, Павел.

— Хочу сказать, что я много лет стараюсь развивать увлечения своих учеников, а ты меня постоянно одергивала: пестуешь любимчиков!

— Я и сейчас против, чтоб кто-либо из педагогов выделял любимчиков. И какая тут связь с увлечением?

— Прямая.

— Не вижу.

— Я люблю свою науку, мечтаю подарить ей талантливых ученых. Надеюсь, что ты не собираешься тут меня осуждать?

— Нет.

— Но тогда можно ли меня судить, что я прохладен к тем, кто, мягко выражаясь, от природы не даровит к физике, не любит ее?

— Наверное, нельзя.

— Вот именно, как нельзя упрекать меня и за то, что я пристрастен к тем ученикам, в которых природа вложила способность увлекаться физикой. И чем больше ученик увлечен, тем сильней он должен мне нравиться. Естественно это или нет, Ольга Олеговна?

Ольга Олеговна помолчала секунду, тряхнула волосами:

— Естественно!

— Но нужно ли скрывать мне это естественное чувство, делать вид, что для меня все ученики одинаковы, ничем друг от друга не отличаются?

На этот раз Ольга Олеговна не ответила.

— Делать вид — не отличаются и стараться не отличать неспособных от способных, равнодушных от увлекающихся. Да как же мне после этого развивать увлечение, за которое ты так горячо ратуешь? Но если я начну отличать, а значит, и выделять одних перед другими, ты же первая меня попрекнешь — любимчиков пестуешь? И ты, право, недалека от истины: да, я кого-то люблю больше, кого-то меньше. Люблю потому, что они надежда той науки, преподаванию которой я посвятил жизнь, люблю потому, что рассчитываю — с моей помощью они могут стать чрезвычайно ценными членами общества.

— Ну, а как быть с остальными?.. — спросила Ольга Олеговна. — С теми, Павел, кто не оказался достойным твоей любви?

— Я им стараюсь дать общее понятие о физике. Не больше того.

— Они для тебя второй сорт людей, парни. Не так ли?

— Э-э, нет! Я никак не исключаю, что среди них могут быть не менее, а еще более талантливые натуры. Но уже не в моей области. Лицеист Пушкин, увы, был зауряден в математике, наверное, и в физике тоже, если б ее преподавали в Царскосельском лицее. Представь, что я стану развивать природные способности нового Пушкина, я, не сведущий в поэзии, не чувствующий ее. Нет, пусть им занимаются другие, иначе загублю драгоценный талант.

Ольга Олеговна склонила к столу отягощенную волосами голову:

— Хорошо, Павел, согласимся, что тут ты прав. Но разве эта моя вина столь велика, что дает тебе право говорить — я опаснее Зои Владимировны?

Решников досадливо крякнул:

— Зоя Владимировна своего огня не раздует, но и моего не потушит. А ты можешь потушить.

— Что ты хотел от меня?

— Одного — не мешай мне возделывать свой сад.

— Каждый должен возделывать свой сад? И только?..

— Да. Без помех!

— В одиночку?

— Если я в своем труде рассчитываю на кого-то, я или плохой работник, или просто-напросто лодырь.

Сидевший рядом с Решниковым Иннокентий Сергеевич повернул к нему свое асимметричное, суровое лицо.

— Ты так сердито разругал сейчас Ольгу и так жалко посоветовал, — произнес он.

— Это все, что я знаю.

— Теперь все делается коллективно, все — от канцелярских скрепок до космических ракет. А ты нам предлагаешь убого единоличное — пусть каждый возделывает свой сад.

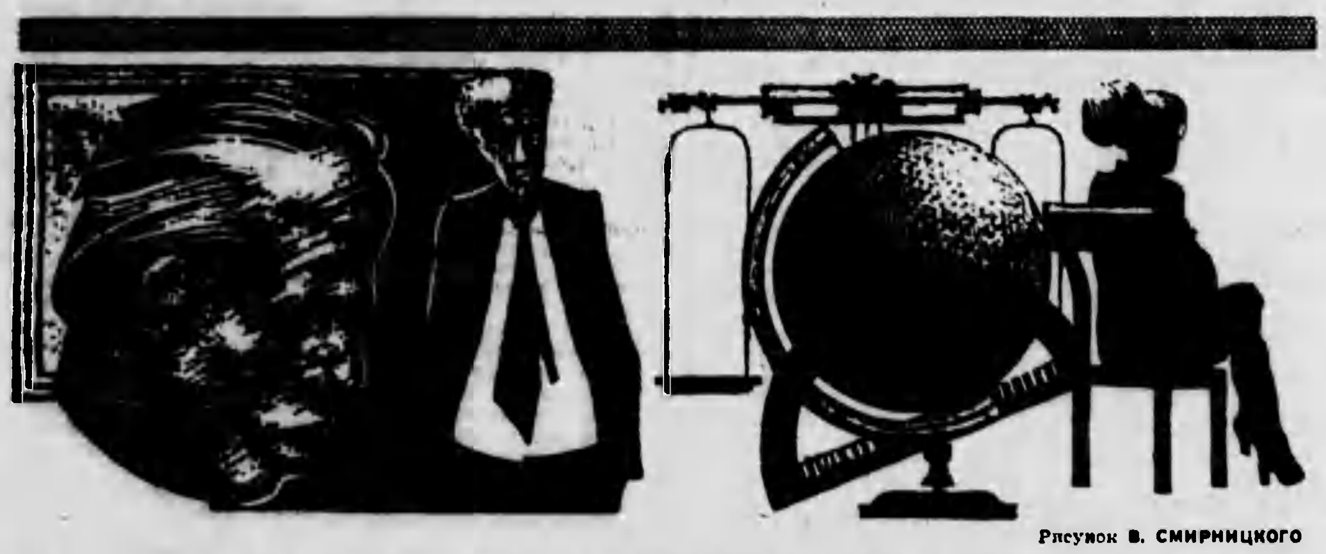


Рисунок В. СМИРНИЦКОГО

— Всю жизнь я единолично справлялся со своими обязанностями. Всю жизнь мне лезли помогать и большей частью только мешали.

— Ремесленник-одиночка, оглянись кругом — ты последний из своего племени! Все твои собратья остались где-то в позднем средневековье. Прикажешь миру вернуться вспять? Не выйдет, Павел.

У Иннокентия Сергеевича под глазом, выше рваной скулы подергивался живчик.

— Ты-то должен знать, что ремесленники повымерли не случайно, — говорил он неторопливым, глуховатым голосом. — Люди бродили бы по миру нагие и голодные, если б сейчас каждый ковырял в одиночку свой сад дедовской мотыгой.

— Почему обязательно — мотыгой? — невозмутимо возразил Решников. — Я лично пользуюсь всем тем, что предлагает современная педагогика. И смею думать, что сверх того кое-что сам изобретаю.

— Может, ты изобрел паровую машину и тайком ею пользуешься в своем единоличном садике?

— Не нуждаюсь ни в какой машине.

— То-то и оно, все нуждаются в машинах, все — от доярки до ученого-экспериментатора, а вот нам с тобой хватает классной доски, куска мела и тряпки. Мы с тобой вооружены, как был вооружен дедушка педагогики Ян Амос Коменский триста лет тому назад. И с дедовской мотыгой мы пытаемся поспеть за двадцатым веком. Удивительно ли, что нам приходится надрываться? Все работают по восьми часов в сутки, мы — по двенадцати, по шестнадцати, а результаты?.. Плачем!

Решников снисходительно усмехнулся:

— Увы, еще не изобретены машины для производства духовных ценностей, скажем, произведений живописи, литературы, музыки, равно как и для передачи знаний.

Иннокентий Сергеевич дернул искалеченной щекой:

— А разреши спросить тебя, глашатай физики: открытие Галилеем спутников Юпитера — духовная ценность для человечества или нет?

Решников нахмурился и ничего не ответил.

— Молчишь? Знаешь, что эту духовную ценность Галилей добыл с помощью механизма под названием телескоп. А синхрофазотроны, которыми пользуются ныне твои собратья-физики, — разве не специально созданные машины? Эге! Еще какие сложные и дорогостоящие. Ими ведь не картошку копают, не чугун выплавляют. Знания давно уже добываются с помощью машин, а вот передаются они почему-то до сих пор, так сказать, вручную.

— Может, ты даже представляешь, как выглядит та паровая машина, на которую собираешься посадить педагогов? — спросил Решников.

— Предполагаю.

— А ну-ка, ну-ка.

— Будем исходить из существующего ремесленничества — миллионы учителей по стране преподают одни и те же знания по математике, по физике, по прочим наукам. Одни и те же, но каждый своими силами, на свой лад. Как в старину от умения отдельного кустаря-сапожника зависело качество сапог, так теперь от учителя зависит качество знаний, получаемых учеником. Попадет ученик к толковому преподавателю — повезло, попадет к бестолковому — выскочит из школы недоучкой. Вдуматься — лотерея. А не лучше ли из этих миллионов отобрать самых умных, самых талантливых и зафиксировать их преподавание хотя бы на киноленте? Тогда исчезнет для ученика опасность попасть к плохому учителю, все получат знания по одному высокому стандарту...

— Стоп! — перебил Решников. — По стандарту!.. Бездушная кинолента, выдающая всем одинаковую порцию знаний... Да ведь мы с тобой только тем и занимаемся, что стараемся приноровиться к каждому в отдельности ученику — один усваивает быстрей, другой медленней, третий совсем не тянет. Да что там говорить, обучать живых, нестандартных людей может только живой, нестандартный человек.

И снова Иннокентий Сергеевич дернул щекой.

— Заменить тебя кинолентой?.. Да боже упаси! Хочу лишь снять часть твоего труда. Однообразного труда, Павел. Тебе уже не придется по нескольку раз в каждом классе втолковывать то, что ты втолковывал в прошлом году, в позапрошлом, три и четыре года назад. Стандартная кинолента даст тебе время... Вре-мя, Павел! Чтоб ты мог нестандартно, творчески заниматься учениками — способным преподавал сверх стандартной нормы, неспособных подтягивал до стандарта. Тебе остается лишь тонкая работа — доводка и шлифовка каждого человека в отдельности. Каждого!

— Все-таки топчи дорогу своими ногами. Может, ты предлагаешь не локомотив, а просто посошок для облегчения моих натруженных ног?

— А ты хотел бы такой локомотив, который бы полностью устранил тебя?

— Зачем мне тогда и жить на свете? — отмахнулся Решников.

— То-то и оно, нет еще машины, которая исключала бы человека. И будет ли?

— О чем вы спорите?! — выкрикнула забытая Ольга Олеговна. — Как преподнести знания — механизированным или немеханизированным путем! В локомотиве спасение — да смешно! Машиной передавать человеческие качества!..

Решников удовлетворенно хмыкнул:

— Вот и вернулись на круги своя: я человек, что-то любящий, что-то презирающий в мире сём, я передаю свое ученикам, вы — свое, пусть каждый мотыжит свой сад... Если мне вместо мотыги предложат сподручный трактор, я, пожалуй, не откажусь, но детей трактору не доверю.

Иннокентий Сергеевич с минуту молчал — странное, неподвижное лицо, одна его половина разительно не походит на другую, — затем обронил холодно и спокойно:

— Не доверю?.. А самим себе мы доверяем?..

— Дадим себе отчет: о чем мы сейчас мечтаем? Только о том, чтоб лучше готовить учеников? Нет! Готовить лучших людей! Мечтаем усовершенствовать человеческую сущность. А об этом мечтали с незапамятных времен. Можно сказать, мечта рода людского.

Решников вздохнул:

— Гм!.. Не по Сеньке шапка. Задачка не школьного масштаба.

— Не школьного?.. А разве школа как общественное учреждение — не масштабное явление? Укажите такое место на карте, где бы не было школы. Назовите хоть одного человека, который бы сейчас прошел мимо школы. Кому и заниматься масштабными задачами, как не вездесущей школе с ее миллионной армией учителей.

— Но ты начал с того, что мы не верим сами себе, — напомнила Ольга Олеговна.

— Не верим потому, что порою не чувствуем себя бойцами великой армии, каждый воюет в одиночку. Вот ты, Ольга, завуч школы, много мне можешь помочь?.. Тем более что ты по образованию историк, тогда как я преподаю математику. А много ли помогает мне гороно с его методическим кабинетом? Я — боец великой просветительной армии, нас миллионы, но я, как и каждый из этих миллионов, один в поле воин. Один!.. Школа — масштабное явление, но я-то этого не чувствую.

— И кинолентой рассчитываешь объединить нас, одиночек? — спросил с усмешкой Решников.

— Хотя бы! Если кинолента несет в себе знания и опыт лучших учителей...

— Если лучших!.. На практике-то мы часто сталкиваемся с иным. Разве не выпускаются сейчас плохие учебники, почему же не быть плохим учебным кинолентам? У этой песенки два конца.

— Первый паровоз, первый многоверетенный прядильный станок тоже попервоначалу были крайне несовершенными, но вытеснили же они в конце концов ломового извозчика и пряху-надомницу, — спокойно возразил Иннокентий Сергеевич.

— Эге! Ты, вижу, мечтаешь совершить в педагогике промышленную революцию!

— Разумеется. А зачем нужна тогда паровая машина, если она не совершит переворота?

Наступило неловкое молчание.

Иннокентий Сергеевич сидел, расправив плечи, высоко подняв асимметричное лицо — над измятой, стянутой рубцами скулой жил, настороженно поблескивал светлый глаз.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

В. П. БАРКОВУ — 75 лет

Ваши пьесы с 1919 года ставились на сценах [illegible]

В связи с [illegible]

Л. Н. ВЫШЕСЛАВСКОМУ — 60 лет

[illegible]

Д. С. ДАНИНУ — 60 лет

«Горячо поздравляем Вас, [illegible]

[illegible]

П. А. МИКАЕЛЯНУ — 50 лет

[illegible] тариат правления Союза писателей СССР и Совет по армянской литературе направили юбиляру приветствие, в котором, в частности, говорится:

«Первые Ваши стихотворения, собранные в сборнике «Следы на сердце», обратили на себя внимание читателей и литературной критики. Позднее свой незаурядный талант Вы посвятили переводам. Значительным вкладом в развитие этого важного дела являются Ваши переводы на армянский язык таких вы-

дающихся произведений русской классической литературы, как «Евгений Онегин», «Руслан и Людмила», «Маленькие трагедии», «Борис Годунов» Пушкина, стихи и поэмы Лермонтова, Маяковского.

Вы пользуетесь заслуженным уважением у писателей Армении за свою деловитость, принципиальность и скромность. Являясь одним из секретарей правления Союза писателей республики, Вы отдаете много сил и энергии организационно-творческой и общественной работе.

Желаем Вам новых больших творческих успехов, крепкого здоровья и счастья».

Л. М. МИЩЕНКО — 50 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по молдавской литературе направили Лидии Моисеевне Мищенко приветствие:

«Примите наши сердечные поздравления в день Вашего счастливого юбилея. Ваши рассказы, повести «Проездом» и «Дочери человеческие», роман «Полынь — вдовья трава», вышедший несколькими изданиями, находят живой отклик в сердцах многочисленных читателей.

Как участница Великой Отечественной войны, Вы многое

пережили, прочувствовали, это нашло отражение в Вашем творчестве, проникнутом непоколебимой верой в стойкость и мужество советских людей.

Желаем Вам много радостей и счастья, долгих лет плодотворной работы».

Т. ЭЛЬЧИНУ — 50 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по азербайджанской литературе направили Теймуру Эльчину (Алиеву Теймуру Сулейманович) приветствие, в котором говорится:

«Сердечно поздравляем Вас, известного азербайджанского поэта и переводчика, с пятидесятилетием со дня рождения.

Ваши сборники стихов «В синем море — белый дом», «Детям», «Послушайте, расскажу...», «Снегурочке», «Песня бип-бипа» и многие другие пользуются заслуженной любовью и популярностью у молодого читателя.

Нам особенно приятно отметить в день Вашего пятидесятилетия, что Вы успешно совмещаете свою активную литературную работу с большой партийной и общественной деятельностью.

Желаем Вам доброго здоровья, новых творческих свершений».

* *

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Сердечно благодарю партийные, советские, литературные организации, редакции газет и журналов, добрых товарищей, добрых друзей, знакомых и незнакомых, читателей, поздравивших меня с восьмидесятилетием.

Г. РЫКЛИН

* *

Сердечно благодарю организации, всех читателей, друзей, поздравивших меня по случаю 70-летия.

Эрнст ГЕНРИ

МУЗЫКА

Накануне V съезда композиторов СССР

Тихон ХРЕННИКОВ,

народный артист СССР, первый секретарь правления Союза композиторов СССР

ОТЧЕТ МИЛЛИОНАМ СЛУШАТЕЛЕЙ

МЫ — НАКАНУНЕ важного события в культурной жизни страны. 2 апреля в Большом Кремлевском дворце открывается V съезд композиторов Советского Союза. Неделя работы съезда будет посвящена назревшим проблемам нашего искусства, демонстрации лучших достижений современной советской музыки.

Совершенно естественно, что в программу съезда войдут творческие отчеты композиторских организаций, обсуждение вопросов музыкального творчества. Но нам хотелось бы, чтобы съезд привлек внимание не только профессиональных композиторов и музыкантов, но и широких кругов общественности. Поэтому мы решили всесторонне обсудить проблемы, интересующие миллионы друзей нашего искусства. Разговор пойдет о музыке в быту советских людей, об окружающей нас «музыкальной атмосфере». Мы надеемся, что в докладах и выступлениях делегатов будет проанализирована та громаднейшая культурно-просветительная работа, которая проводится профсоюзами, концертными организациями, хоровыми обществами и университетами культуры. Нам предстоит также обсудить задачи пропаганды советской музыкальной культуры по всем каналам — в печати, по радио и телевидению.

Сейчас определены программы съездовских концертов — прозвучит самое лучшее, что создано за последние годы в различных музыкальных жанрах. Спектакли оперные и балетные, симфонические и камерные концерты, оратории и кантаты, музыка для духовых оркестров и оркестров народных инструментов, хоровая музыка — вот сколь обширен наш творческий отчет. Кроме концертов, которые состоятся в крупнейших залах столицы, в эти дни пройдут авторские вечера на предприятиях, в клубах и дворцах культуры. Любители музыки встретятся с композиторами — создателями широко известных произведений.

В работе съезда примут участие 700 делегатов и около 500 гостей. Мы надеемся, что зарубежные коллеги из братских социалистических стран, из многих государств Европы, Азии, Америки, приезжающие к нам на съезд, смогут по-настоящему почувствовать широкий размах музыкальной жизни в СССР.

В нашей стране музыкальному искусству, его роли в формировании духовного облика советского человека придается большое значение. Мы постоянно ощущаем заботу партии и правительства, пристальное внимание народа к нашему творчеству.

Надеемся, что V съезд композиторов СССР будет способствовать еще большему расцвету талантов, дальнейшему совершенствованию музыкальной пропаганды, духовному и эстетическому воспитанию советских людей.

Андрей ПЕТРОВ,

заслуженный деятель искусств РСФСР

ВЫБИРАЮ ОПЕРУ!

ЕСЛИ БЫ некоторое время назад мне сказали, что вскоре я с увлечением буду работать над оперой, я бы этому не поверил. Написав ряд симфонических сочинений, балетов, вокальных циклов, песен, много музыки к фильмам и спектаклям — в общем, испробовав свои силы в самых различных музыкальных жанрах, — я тем не менее до сих пор не задумывался над проблемой создания оперы, относясь к ней, мягко говоря, несколько скептически. И вовсе не потому, что не люблю оперную музыку. Просто мне казалось, что опера как жанр (со своими устоявшимися традициями, формами и условностями) уже вся в прошлом, что замечательные оперные партитуры нашего столетия — Прокофьева, Гершвина, Шостаковича — это кульминация жанра, но одновременно и начало его конца. Мне казалось, что наш «космический» век принес новую эстетику, в которой «старушке-опере» будет неуютно, что новые идеи и образы требуют выражения в иных, более современных и динамичных жанрах искусства.

Увы, даже самые верные рыцари оперного искусства соглашаются, что есть немало причин такого скептического отношения к старому доброму жанру. Может быть, из всех областей искусств великие перемены нашего века менее всего отразились на опере.

Проделал огромную эволюцию драматический театр, создав богатейшую современную драматургию, новую режиссуру, во многом — новую школу актерской игры. От наивных легенд и сказок к глубокому и убедительному воплощению Шекспира и Толстого пришел балет. На литературу, театр, музыку оказал неотвратимое влияние кинематограф. И лишь в опере в подавляющем большинстве случаев оберегались каноны классического построения либретто, традиционные принципы музыкальной драматургии. Время от времени рождались поистине выдающиеся оперные партитуры («Катерина Измайлова», «Нос» Шостаковича, «Война и мир», «Дуэнья» Прокофьева и некоторые другие), иногда появлялись замечательные режиссерские работы (например, Б. Покровского, К. Ирда), но это — словно одиночные яркие звезды.

И все же теперь я уверен, что именно опере в самом ближайшем будущем суждено занять положение «авангардного» жанра в музыкально-театральном искусстве, стать в центре живого интереса и пристального внимания музыкантов, литераторов, многочисленных слушателей и зрителей. И объясняю я это следующим. Сейчас композиторы все чаще и чаще обращаются к слову — к поэзии, прозе, драматургии. Наверное, это произошло потому, что наше время — время острых идеологических схваток, эстетических споров — побуждает музыканта с помощью слова четче определить свою позицию, точнее выразить свою идею. Поэты же тянутся к музыке, чтобы с ее помощью придать строкам своих стихов особую эмоциональность, дать им «крылья».

Особенно часто обращается сейчас к поэзии Шостакович... Создают свой «Концерт для поэта, певца, хора и оркестра» («Поэторию») А. Вознесенский и Р. Щедрин... На смену так называемым «поэтам-песенникам» приходят в песенный жанр большие поэты. Литература и музыка делают шаги навстречу друг другу. А это должно привести их к опере как высшей форме синтеза слова и музыки, к опере, способной по-настоящему увлечь современного слушателя глубоким и выразительным воплощением самых волнующих тем нашего времени. И эти темы, идеи, образы не будут искусственно втискиваться в прокрустово ложе канонических форм оперного либретто — они сами станут «диктовать» свою, каждый раз неповторимую музыкальную и театральную драматургию.

Я надеюсь, что содружество с большими писателями и режиссерами, общение с новой, «раскрепощенной» современной драматургией заставили бы и нас, композиторов, пересмотреть многие свои представления, избавиться от статики, бытовизма, иллюстративности. Наша музыка зазвучала бы по-иному — ярче и выразительнее, ее воздействие стало бы сильнее.

Словом, новый оперный спектакль, по-настоящему волнующий сегодняшнего слушателя, зрителя, по-моему, может родиться лишь в полном гармоничном слиянии современных прогрессивных тенденций литературы, музыки и режиссуры. Именно такой синтез станет решающим. Поэтому я не говорю сейчас об исполнителях — певцах, дирижерах. Среди них немало высокоталантливых и остро мыслящих музыкантов. Великолепные возможности многих из них — В. Штоколова, И. Богачевой, Е. Образцовой, Е. Нестеренко — в плане создания современных оперных образов пока еще мало использованы. Получив интересный, увлекательный материал, в содружестве с талантливыми дирижерами, режиссерами они способны создавать ярчайшие образы.

Из всех этих раздумий и родилось у меня желание написать оперу, попробовать сделать хоть один шаг к обновлению жанра. Название этой уже почти законченной оперы — «Петр Первый». Русская и советская литература знает немало замечательных романов, повестей, поэм, стихов, посвященных петровской эпохе. Яркая, сильная и в то же время противоречивая фигура Петра занимала умы философов и художников, политиков и поэтов. Известны и оперы о Петре. Их авторы — немецкие, французские, итальянские композиторы; среди них — популярные в свое время Доницетти, Гретри, автор знаменитой «Жизели» Адан. Между тем в русской и советской музыке к этой теме почти никто еще не обращался.

Либретто оперы (авторы Н. Касаткина и В. Василёв) сделано на материале самой истории, с использованием подлинных петровских указов, писем, текстов, старинных песен. Привлечение документов в либретто определило во многом и характер музыки: здесь тоже есть «музыкальная документальность», но только более условная, более свободно трактуемая. Отталкиваясь от древних «знаменных» распевов, старинных крестьянских и солдатских песен, торжественных петровских кантов, я сочинял свою музыку, стараясь передать в ней особый колорит тех времен. Я старался воскресить в своей партитуре «музыку жизни» эпохи — гудение церковных колоколов и стон народных плачей, звуки военных оркестров и грохот победных «виватов». Главное же, к чему я стремился, — естественно соединить старинные напевы и звучания с современными музыкальными формами и приемами художественного воплощения. Н. Касаткина и В. Василёв не только авторы либретто оперы, но будущие постановщики спектакля.

Меня все время спрашивают: «Чем объясняется этот выбор? Почему одни из самых талантливых наших хореографов будут ставить оперный спектакль?» Просто Касаткина и Василёв, так же как и я, верят в то, что опера станет одним из самых остросовременных и широко популярных жанров. И что работать в нем будут наши крупнейшие композиторы, писатели, режиссеры. Верят в то, что скоро у театров перед началом представления новых современных опер будут спрашивать: «Нет ли лишнего билетика?» Наверное, это произойдет не с нашей оперой и вообще не так скоро, как нам хочется. Но создавать сегодня оперный спектакль без веры в прекрасное будущее жанра — невозможно.

Первые шаги в мир мелодий

Эти снимки сделаны в Магнитогорском «доме музыки». Десятки ребятишек — дети металлургов знаменитой Магнитки — учатся в созданной здесь на общественных началах Музыкальной школе.

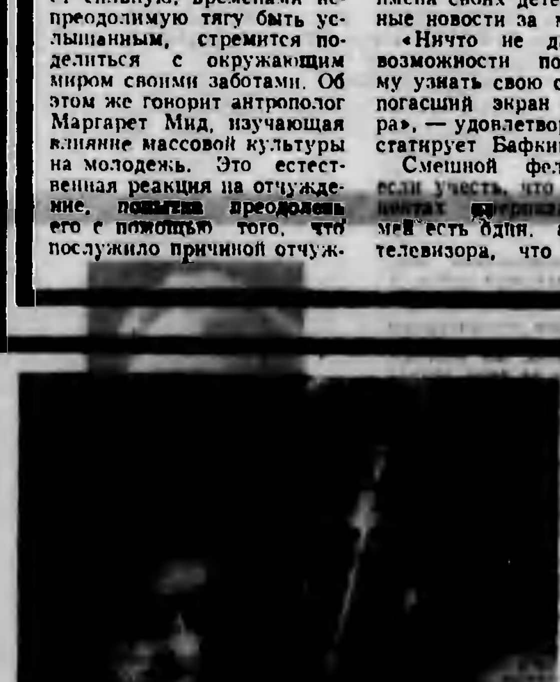
Пять минут тишины

Урок вокала

Вступление...

Поет хор «Жаворонок»

Фото Ю. РЫБЧИНСКОГО



ТВ

Майя ТОИДЗЕ

[illegible] ...ских ОСТРОВОВ

КРАХ [illegible] АМЕ[illegible]СКОЙ «Т[illegible]»

НА ЭКРАНЕ — симпатичное семейство. Все жизнерадостны, улыбаются, как и полагается героям телевизионной серии «Американская семья».

Действие происходит в 1973 году в США, в маленьком городке Санта Барбара, штат Южная Каролина.

Действующие лица:

Папа — Уильям Лауд, бизнесмен, владелец небольшой фабрики, жизнерадостный сангвиник, 50 лет.

Мама — Пэт Лауд, домохозяйка с университетским дипломом, элегантная моложавая женщина, 45 лет.

Их дети — пять очаровательных американских ребят в возрасте от 13 до 20 лет.

Режиссер — Крэг Джилберт.

Операторы — Алан и Сьюзан Раймонд.

Автор сценария? Предполагается, что сценаристом будет сама жизнь. Актеры? Сами персонажи. Ведь это не обычная телесерия. Это документальный портрет «[illegible]чной американской семьи».

Режиссеру [illegible] Джилберту [illegible] установить аппаратуру в каком-нибудь американском доме, с тем чтобы камеры наблюдали за жизнью членов семьи в течение продолжительного времени. Все [illegible] должно быть запечатлено на пленке. Все, шаг за шагом. Затем смонтировать материал, и Америка увидит необычайный 12-серийный телеэксперимент.

И вот такая семья найдена. По мнению режиссера, Лауды могут считаться обычной американской семьей, правда, гораздо более зажиточной, чем большинство. Согласие было получено довольно легко. «Как вы могли согласиться на то, чтобы вашу личную жизнь выставили на обозрение миллионов чужих людей?» — этот вопрос много раз зададут Лаудам потом, на пресс-конференции после завершения демонстрации серии и в тысячах писем зрителей. Сочувствующих, любопытствующих, негодующих зрителей. Ведь эксперимент закончился трагично. Во время съемок фильма Пэт развелась с мужем, [illegible] американская семья перестала существовать.

— Я бы [illegible] гласилась, [illegible] ранее, [illegible] ся, — [illegible] Пэт [illegible] все [illegible] ли [illegible] и [illegible] на [illegible].

— А [illegible]

[illegible] ду этого фильма и его героев, часто ставился вопрос о правомерности «использования средств такого обнажения частной, интимной жизни». Французский телевизионный журнал говорит по этому поводу: «Если миллионы семей интересовались историей жизни одной семьи, которую им предложили и которая была бы им подобна, то только потому, что благодаря телевидению они хотели лучше понять себя и других».

Лучше понять себя и других. Об этом стоит поговорить подробнее...

МНОГИЕ американские ученые считают, что в век электронных средств массовых коммуникаций человек испытывает сильную, временами непреодолимую тягу быть услышанным, стремится поделиться с окружающим миром своими заботами. Об этом же говорит антрополог Маргарет Мид, изучающая влияние массовой культуры на молодежь. Это естественная реакция на отчуждение, [illegible] его с помощью того, что послужило причиной отчуждения. Психиатры называют такое явление «эффектом побуждения к признанию». В век массовых коммуникаций, утверждают они, меняется характер отношений не только индивидуума и общества, но и в так называемых малых группах — в семьях.

Воинствующий пророк «mass media» канадец Маклюэн предупреждает: «Информация, которая извергается из окружающей среды на вашу семью, действует сильнее, чем вы предполагаете». «Стены вашей комнаты рушатся, — вторит ему ведущий телепрограммы «Эксперимент на телевидении». — Теперь вытянуть за пределы вашего дома и зафиксировать вашу личную, сокровенно интимную жизнь очень легко. Подглядывание — вот новый способ сбора информации. Наступила эпоха вездесущего телевидения».

Итак, понятие «личная жизнь» устаревает. По мет[illegible]кому [illegible] одного американского исследователя, тел[illegible] мир в «[illegible]» де[illegible] оптимистично, утверждая, что «телевидение является лучшим средством удержать молодежь от ничегонеделания, заставить детей [illegible] дома... и придать прелесть семейному оча[illegible] [illegible]ния» — [illegible]

В [illegible] рядового американ[illegible] гаснет экран телевизора. Что-то случилось на станции. Впервые за много лет у хозяина дома Бафкинса появилась возможность оглядеться вокруг себя, познакомиться с членами своей собственной семьи. «Кто вы такая?» — спрашивает он у жены. «Твоя жена Эдит». «О, — выдохнул Бафкинс, — тогда я полагаю, что ребята, стоящие здесь, — мои дети». «Совершенно верно, — подтвердила миссис Бафкинс. — Если бы ты когда-нибудь вылезал из кресла перед телевизором, ты бы узнал нас всех».

Персонаж фельетона Арта Бухвальда «Погасший экран телевизора» получает редкую возможность пообщаться с родными, узнать имена своих детей и семейные новости за много лет.

«Ничто не дает такой возможности по-настоящему узнать свою семью, как погасший экран телевизора», — удовлетворенно констатирует Бафкинс.

Смешной фельетон! Но если учесть, что в 97 процентах [illegible] семей есть один, а то и два телевизора, что средний американец смотрит телевизор от 4 до 6 часов в день, то ситуация, описанная Артом Бухвальдом, перестает казаться столь уж фантастической.

ЕСЛИ экран отнимает возможность нормальной семейной жизни, то на экране семейные серии прочно заняли ведущее место. И речь не только о перипетиях в доме Лаудов. В комедийной серии «Я люблю Люси!» жизнерадостная и энергичная героиня 22 (!) года подряд успешно решает свои семейные проблемы. Она успела выйти замуж, прожить полную недоразумений и веселых происшествий жизнь с увальнем-мужем, родить и вырастить детей, овдоветь, и теперь, в последних сериях, Люси (ее роль исполняет талантливая комедийная актриса Люси Болл) путешествует по всему миру.

Забавные недоразумения случаются с героями веселой комедии «В кругу семьи». Это самая популярная комедия прошлого года, ее аудитория достигала 22 млн. 490 тыс. американских семей. По прогнозам фирмы «Телком Ассошиэйтед», в 1974 году ее посмотрят 50 процентов всех телезрителей страны.

Эталон стопроцентного оптимизма...

На фотографии — мать и сын, актеры и герои семейной серии «Я люблю Люси!». Экранный «чудо-младенец» появился перед телекамерами вместе с ослепительно улыбавшейся мамой еще двадцать лет назад, через неделю после своего рождения.

Два десятилетия улыбок, два десятилетия розовой иллюзии...

На экране живут и другие, самые разнообразные телесемьи: это бедная, но дружная семья переселенцев 30-х годов — «Уолтоны», молодые пары из серии «Незаурядная девушка», новобрачные из серии «Молодые и нетерпеливые» и многие другие. Героям этих передач пишут письма, входят в моду их платья и рубашки...

Большинство серий сделано профессионально и умело. Защитники этого жанра называют в числе главных его достоинств достоверность. Но эта достоверность мнимая. Роль подобной телепродукции хорошо определил один из исследователей американского телевидения Джон Лэрри: «То, что показывают по телевидению, является единственным способом спастись от невыносимой действительности. Но куда? В несбыточную сказочную страну изобилия, где нет проблем, с которыми нельзя было бы справиться с помощью пары таблеток экседрина, и где не бывает неудачников».

Но жизнь оказывается [illegible] более [illegible] сценаристом, любящим неожиданные повороты. Вернемся к документальной серии «Американская семья». «Хэппи-энда» в ней не получилось. Сначала все шло прекрасно. Роскошная вилла из восьми комнат, бассейн, несколько автомашин. Лауды очень быстро привыкли к камерам и перестали их замечать. Телеоко сопровождало их повсюду — в школе, дома, в магазине, на прогулке, в Лувре, во время семейных сцен. В общем-то, и семейных сцен вначале не было. Два—три резких слова, сказанных Пэт мужу в ресторане после нескольких коктейлей. Неудачные попытки родителей установить контакт с детьми, глухая стена непонимания между отцом и старшим сыном, который ничем не интересуется, не желает ни работать, ни учиться. Отсутствие откровенности между матерью и старшей дочерью. Признание Пэт, неожиданное для этой обеспеченной, вполне благополучной женщины: «Иногда я ощущаю странную неудовлетворенность, я не чувствую себя счастливой».

Катастрофа разразилась, казалось, внезапно. Дела фабрики Лаудов пошли хуже, и муж начал часто уезжать в командировки. Пэт узнала, что он изменяет ей, и подала на развод. В это время выясняется, что старший сын Лаудов — гомосексуалист, связанный с тайным нью-йоркским миром ему подобных. Раскрылась любовная история старшей дочери-школьницы. Семья распалась. Измученная разводом и шумихой вокруг семьи, Пэт живет на своей роскошной вилле с четырьмя детьми. Уильям переехал в другой город.

В чем же причина распада этой семьи, обладавшей как будто всеми материальными атрибутами, которые должны сопутствовать счастью? Почему уже нет этого символа американской мечты о семейной идиллии? На экранах — обнаженное камерами «совместное одиночество», отсутствие общности интересов. Потрясенная Америка узнает в семье Лаудов свои беды. Критики пытаются анализировать. Высказывается мысль, что все дело в некоммуникабельности, что члены семьи Лаудов мало общаются друг с другом. «Нет, — возражает режиссер, — они общаются, но они не обсуждают друг с другом неприятные события, это свойственно нашей стране, и об этом вся серия. Мы никогда не можем признать, что сделали ошибку».

История эта дорого стоила ее участникам. Семья считает себя опозоренной. Старший сын Лаудов Лоус переживает, что вся Америка узнала об интимнейших подробностях его жизни. Тяжело переживает обвинения в необъективности, предвзятости режиссер Крэг Джилберт. «Я просто боюсь выходить без маски. У меня такое чувство, будто дети будут бросать в меня камнями, собаки — кусать меня, а люди — закрывать передо мной двери».

А на американском телеэкране продолжают идти бесконечные «семейные серии», но уже игровые, а не документальные: снимать подлинную жизнь — дело опасное...

Австрийский философ Гюнтер Андерс сказал о западном телевидении, что оно напоминает ему злую фею из сказок Моллукских островов, которая исцеляет слепого, но не тем, что дарит ему зрение, а тем, что постоянно навевает ему сладкие сны.

АКТУАЛЬНЫЕ ИНТЕРВЬЮ

АМЕРИКАНЦЫ И РАЗРЯДКА

Советско-американские отношения продолжают развиваться, опровергая на практике сомнения здешних скептиков.

— Процесс разрядки удовлетворяет нас прежде всего по тому, насколько быстро и насколько далеко он продвинулся вперед, несмотря на все препятствия, — заявил вашему корреспонденту Чарльз ЙОСТ, бывший посол и представитель Соединенных Штатов в ООН. — Нельзя ожидать, чтобы две столь отличающиеся одна от другой общественные системы, как советская и американская, достигли полного взаимопонимания за год или даже за десяток лет: в конце концов мы почти четверть века вели «холодную войну». Уже в силу этого разрядка является постепенным процессом. Но она отвечает жизненно важным интересам и США, и СССР, и всего мира, поскольку враждебное противостояние наших стран поставило бы под угрозу безопасность всех. Путь разрядки нелегок и не может состоять из непрерывной цепи успехов. Но нельзя позволить, чтобы разрядку сорвали: наши дети и наши внуки никогда бы нам этого не простили...

Определенные круги в США, преследуя своекорыстные политические цели, пытаются затормозить нормализацию советско-американских отношений. Мало кто, правда, сейчас выступает против разрядки с открытым забралом, и даже самые ярые противники на всякий случай прибегают к алиби в форме заявлений, начинающихся обычно с оговорки, что они «в принципе за». Так поступает даже сенатор Джексон...

Ваш корреспондент беседовал на эту тему с обозревателем «Вашингтон пост» Виктором ЗОРЗОЙ. В течение многих лет Зорза выступал с антисоветскими статьями в ведущих газетах и журналах по обе стороны Атлантического океана.

— Я—за дальнейшее ограничение стратегических вооружений, — сказал Зорза. — Я полностью поддерживаю предоставление Советскому Союзу режима наибольшего благоприятствования в торговле, и я против вмешательства во внутренние дела вашей страны. Я лишь считаю, что достижение этих целей наталкивается на трудности, потому что оно зависит не только от субъективных желаний, но и от взаимодействия социальных, политических и экономических сил в обеих странах...

Что ж, наивно было бы ожидать, что Зорза удержится и не повторит того, что он говорил на протяжении многих лет. И я возразил ему:

— Не за нами дело. Социальные, политические и экономические силы в нашей стране действуют в направлении единого вектора, определяемого нашей Коммунистической партией, — в сторону мирного сосуществования. Вам кажется, простите, даже мерещится, будто в Советском Союзе есть «круги», могущие выступать против разрядки. Но дело в том, что политика мирного сосуществования, проводимая Советским Союзом со времен Октябрьской революции, — политика принципиальная и последовательная, поддерживаемая партией и народом. Словом — всеми «кругами», если употреблять вашу терминологию. У нас нет и не может быть — в силу природы нашего общества — социальных слоев и групп, заинтересованных в поддержании международной напряженности и продолжении «холодной войны»...

Мне кажется, что нынешние настроения американской общественности выразил профессор Мичиганского университета Анатоль РАПОПОРТ. Я давно знаю его, как специалиста по «теории игр», пытавшегося применить ее к анализу международных отношений, хотя, возможно, гораздо больших успехов ему удалось добиться в области математической биологии. В беседе с вашим корреспондентом А. Рапопорт сказал:

— По моему твердому убеждению, ослабление напряженности в советско-американских отношениях является обязательным условием сохранения мира. Но само по себе такое ослабление не возникнет. Чтобы его достигнуть, потребуются немалые усилия. В сфере конкретно-материальной необходимо сокращение вооружений с участием всех стран, содействие торговле без ограничений и налаживание сотрудничества в решении глобальных экологических проблем. Подобные шаги будут способствовать переменам и в политическом климате. Нам следует отказаться от ошибочного представления, будто мы угрожаем существованию друг друга. Ведь именно такие представления и питали «холодную войну». Я согласен, избавиться от устарелых представлений трудно, особенно если учесть, что на них строилась политика последних двадцати пяти лет. Но и эти препятствия должны быть преодолены. Мы должны согласиться с мыслью, что на планете достаточно места для разных политических философий и разных социальных систем...

Профессор А. Рапопорт решительно отверг попытки связать процесс разрядки с требованием «перемен» в Советском Союзе. А еще один собеседник вашего корреспондента, профессор экономики Колумбийского университета Алекс ЭРЛИХ точно и недвусмысленно расшифровал политическое значение подобных «требований».

— Я назвал бы не иначе, как вредоносными, все разглагольствования «борцов за свободу», — заявил он. — Шумиха вокруг поправки Джексона — лишь предлог, чтобы торпедировать саму разрядку...

На днях ваш корреспондент участвовал в обсуждении перспектив советско-американских отношений в Колумбийском университете. Мнения высказывались самые разные, но не противоположные. У дискуссии был общий знаменатель: разрядка отвечает интересам самих Соединенных Штатов.

Геннадий ГЕРАСИМОВ,
собственный корреспондент АПН и «Литературной газеты»
НЬЮ-ЙОРК. (По телефону)

СЕМЬ ДНЕЙ В МАРТЕ...

ПРИГОВОР ЧИЛИЙСКОЙ ХУНТЕ

ОТ НАШИХ СПЕЦИАЛЬНЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ

На прошлой неделе в Хельсинки проходила первая сессия Международной комиссии по расследованию преступлений чилийской военной хунты. После изучения огромного количества документов и опроса многочисленных свидетелей — жертв фашистского произвола — авторитетные представители мировой общественности вынесли свой вердикт: чилийская хунта виновна в тягчайших преступлениях, в организации при содействии империалистических сил вооруженного мятежа, в убийстве президента Сальвадора Альенде, в ликвидации элементарной законности и самого священного человеческого права — права на жизнь!

Нужны фолианты, чтобы собрать все документы о преступлениях хунты. Но и капля воды отражает океан. Такой каплей в океане человеческого горя и гнева явились свидетельства людей, которым удалось вырваться на свободу.

Жестокая, очень жестокая профессия — журналистика.

Только вчера высокая, тонкая женщина с большими — а от слез огромными — глазами стояла на маленькой трибуне в зале «Диполи» и, превозмогая горе, рассказывала о гибели своего мужа, а сегодня мы снова беседуем с ней о том же. Потому что вчерашнее ее выступление было коротким, она просто не могла сказать больше — не хватило сил.

Но она понимает, что это нужно, нужно большому делу, ради которого она приехала в Хельсинки.

Ее зовут Джоан Тернер. Она вдова замечательного чилийского поэта и певца революции — Виктора Хара. Судьба его стала символом варварского произвола хунты, а его имя — паролем борьбы за восстановление свободы в Чили.

...В то утро одиннадцатого сентября в Техническом университете Сантьяго было намечено открытие выставки под девизом «Не допустить гражданской войны». На открытии собирался присутствовать Сальвадор Альенде, а Виктор Хара должен был петь там свои песни. Услышав первые сообщения о перевороте, Хара все равно решил идти в университет. Поцеловал жену, двух дочек, взял гитару и ушел.

Она думала — муж не доберется до университета, его остановят солдаты. Но он добрался. Она узнала об этом от него самого. Он позвонил ей днем и сказал, что он в университете, но не сможет вернуться домой сегодня: объявлен комендантский час и по улицам ходить воспрещается. Еще он сказал, что любит ее и чтобы она держалась молодцом. Он ничего не сказал ей о том, что университет в то время был окружен и что солдаты стреляли по каждому, кто пытался выйти из здания.

Это был последний разговор с ним.

Утром восемнадцатого сентября к ней пришел человек, имени которого она назвать не может, он работал в муниципальном учреждении, ведавшем регистрацией смертей, и сказал, что труп ее мужа уже три дня лежит в центральном морге Сантьяго. Благодаря этому человеку ее пропустили внутрь. Она попала вначале в помещение приблизительно в сто квадратных метров на первом этаже. Пол был сплошь завален трупами людей. Все — с пулевыми ранами. У многих руки связаны за спиной. Она не нашла тела мужа. Ей разрешили пройти на второй этаж. Она поднялась по лестнице, которая тоже была завалена трупами. На втором этаже трупы лежали в коридорах, валялись в комнатах, где стояли конторские столы с пишущими машинками.

Наконец она нашла его. Лицо его было окровавлено, а через всю щеку шла глубокая ножевая рана. Ноги были связаны. Грудь — изрешечена пулями: в него стреляли из автомата. В правом боку зияла большая рваная рана. А кисти рук были размозжены чем-то тяжелым — либо молотком, либо прикладом. К груди лейкопластырем были приклеены номер и записка, удостоверяющая, что неопознанное тело найдено на улице в районе Рикона.

Она подписала какие-то бумаги, и ей выдали тело...

В четыре часа того же дня она похоронила Виктора Хара на кладбище рядом с моргом. И только вечером сказала детям о смерти отца.

Его пытали. Пытали не для того, чтобы узнать у него какие-нибудь интересующие их сведения. Какими секретными сведениями мог располагать поэт и певец?! Его пытали от злобы, душившей их, от ненависти к его песням, к его стране.

Его убили на стадионе, а затем отвезли в район Рикона и бросили на улице, чтобы потом сказать, что его «убили солдаты, на которых Виктор Хара напал с автоматом».

Так делали со многими из тех, кого убивали на стадиона...

Но один из генералов хунты недавно так объяснил убийство Хара и других поэтов: «Нужно было прекратить их песни. Для этого пришлось убить некоторых из них...»

Простое и немудреное решение вопроса о свободе творчества: не нравится песня — убей певца.

Через месяц после смерти мужа Джоан с дочерьми — 9 и 13 лет — уехала из Чили к себе на родину, в Англию.

И вдруг обнаружила, что там очень мало кто знает и о Викторе Хара, и о его зверском убийстве, и о том, что действительно творится в Чили. А через полтора—два месяца газеты, радио и телевидение вообще перестали сообщать о положении в Чили.

После ее выступления в Хельсинки к ней подошел член комиссии, приехавший из Англии, очень уважаемый человек, квакер Артур Бут. Подошел и сказал, что поражен ее рассказом о гибели чилийского поэта.

— Разве вы не знали раньше? — спросила она.

— Нет, — ответил Артур Бут и развел руками.

Трудно переоценить значение первой сессии Международной комиссии по расследованию преступлений чилийского фашизма, в которой приняли участие люди разных политических взглядов и религиозных убеждений: от председателя Верховного суда ДРВ и генерального секретаря Социалистической партии Чили до испанской герцогини.

Участники заседаний говорили нам, что на Западе люди очень мало информированы о положении в Чили. Мы просмотрели английскую «Таймс» за эти дни. Ни слова о Чили, ни слова о работе Международной комиссии по расследованию преступлений чилийской хунты. Мы просмотрели газету «Интернэшнл геральд трибюн». Ни слова о Международной комиссии в Хельсинки, ни слова о Чили.

А ведь газету «Интернэшнл геральд трибюн» издают «Вашингтон пост» и «Нью-Йорк таймс» — весьма информированные газеты, одна из которых по крайней мере утверждает, что печатает «все новости, достойные того, чтобы их напечатать».

Мы не видели в зале «Диполи» корреспондентов этих газет. Никто не видел здесь, кстати сказать, и корреспондента агентства Синьхуа, хотя ему не требовалось приезжать сюда из Пекина, так как Синьхуа имеет постоянного представителя в Хельсинки.

* *

...Коренастый, бронзоволицый, с иссиня-черными волосами индеец племени мапуче Хувентино Веласкес обвиняет хунту от имени самой бесправной части населения Чили. При всех правительствах жизнь мапуче была невыносимой. Расистский закон объявил их «неполноценными». Обширный район, где живут мапуче, — самый экономически отсталый, там самая высокая смертность. Правительство Альенде решило положить конец многовековой драме мужественного и свободолюбивого народа. Мапуче стали равноправными гражданами республики. Для них был построен один из лучших колледжей страны. Многие чилийцы — врачи, учителя, агрономы — пришли на помощь своим индейским братьям.

Сам Веласкес, сын бедного арендатора, вступил в социалистическую партию и стал одним из руководителей крестьянского движения, главной целью которого являлось осуществление аграрной реформы.

Фашистский путч перечеркнул мечту мапуче о счастье. Школы по ликвидации неграмотности были объявлены «партизанскими центрами», земля снова стала собственностью помещиков, а ее законных владельцев — крестьян объявили «ворами». Крестьяне, защищая свою землю, свои очаги, оборонялись палками против танков и артиллерии. Узников из мапуче пытали — вырывали им ногти, жгли огнем, кастрировали. Многих убивали — расстреливали, сжигали, сбрасывали с вертолетов. На глазах Хувентино Веласкеса группу крестьян-мапуче погрузили в лодку и утопили в реке. «Хунта осуществляет в отношении моего народа политику настоящего геноцида, — сказал Хувентино Веласкес. — Я обвиняю хунту не только в попрании элементарной законности, но и в ликвидации социальных завоеваний правительства Сальвадора Альенде. Это — двойное преступление против Чили и ее народа».

Вместе с крестьянами были убиты и люди, помогавшие им строить новую жизнь, — социалисты, коммунисты, радикалы. Над ветераном радикальной партии, депутатом парламента и представителем правительства в провинции Каутин Гастоном Лобос Барьентосом совершили такое надругательство: ему обрили голову, раздели донага, накинули на шею веревку и в таком виде несколько раз водили по улицам. После пыток он был убит... Врачей убивали за то, что они лечили крестьян, учителей — за то, что они учили их детей. «Скажите, — спросил Хувентино Веласкес, — как может в последней четверти XX века царить такое пещерное варварство? Но это варварство является неопровержимым фактом, и моральный долг всех честных людей земли — заклеймить фашизм, бороться за восстановление демократии в Чили».

* *

В истории порой бывает так, что народная трагедия вдруг обнажает истину, которая становится очевидной для всех. Подобное произошло в Чили после путча военщины и свержения правительства Народного единства. Трагедия чилийского народа разоблачила, как никогда наглядно и убедительно, ложь о «коммунистической угрозе» демократии и правам человека.

Правительство Народного единства, основу которого составил блок социалистов и коммунистов, обладало реальной политической властью. И все три года своего правления эта народная власть безукоризненно соблюдала букву и дух конституции. 11 сентября и в последовавшие за тем страшным днем месяцы буржуазно-помещичья олигархия и империализм на деле показали, кто в действительности попирает волю народа, конституцию, демократические права, элементарную законность, само право на жизнь. Буржуазия еще раз доказала, что она готова идти на любые преступления, готова растоптать ею же самой сформулированные законы.

Призыв индейца племени мапуче бороться за восстановление в Чили элементарных норм цивилизованного общества как бы символизирует программу деятельности Международной комиссии по расследованию преступлений чилийской военной хунты. Ее первая сессия завершила свою работу, наглядно продемонстрировав, что люди разных политических взглядов и религиозных убеждений — социал-демократ и буддист, католик и коммунист — могут найти общую платформу для совместной борьбы против фашизма. О сходстве нынешнего режима в Чили с гитлеровским фашизмом говорил с трибуны Международной комиссии известный американский юрист Стэнли Фолкнер. Эту же мысль продолжил в беседе с вашими корреспондентами прославленный герой французского Сопротивления, водрузивший трехцветное знамя над освобожденным от нацизма Парижем, полковник Роль Танги. «Мы собрались здесь, — сказал Роль Танги, — не только для того, чтобы помочь чилийским патриотам в их борьбе, но и для того, чтобы предупредить народы всего мира: будьте бдительны, угроза фашизма не исчезла».

В дни, когда в Хельсинки работала Международная комиссия, телеграф принес известие о том, что хунтой арестована жена Генерального секретаря Компартии Чили — Лили Корвалан. Как зарвавшийся преступник, которого преследует мысль о неотвратимом возмездии, идет на новые преступления, так и хунта, пытаясь запугать чилийский народ, совершает все новые злодеяния.

Но возмездие придет. Ни один член хунты, начальник тюрьмы, комендант концлагеря, ни один палач — большой или малый — не уйдет от расплаты.

Эмблема Международной комиссии, завершившей свою работу в зале «Диполи»: изображение земного шара, там, где граница Чили, — профиль женщины, словно захлебнувшейся в крике. Так пусть же ее голос войдет в сердце каждого человека нашей планеты!

Генрих БОРОВИК,
Карен ХАЧАТУРОВ,
специальные корреспонденты АПН и «Литературной газеты»
ХЕЛЬСИНКИ. (По телеграфу)

Нападение на президентский дворец...

Боль в очах чилийского народа...

При Пиночете, как при Гитлере: сжигают книги...

ВРЕМЕНИ ВОПРЕКИ

«ЭКСПРЕСС» СХОДИТ С РЕЛЬСОВ

Владелец парижской газеты «Комба», миллионер-аферист Анри Смаджа недавно признался: «Хоть я и живу сегодня, принадлежу я не этой эпохе». Видимо, и этим обстоятельством, а не только сверхъестественной скупостью Смаджи объясняются бегство журналистов из «Комба» и теперь уже реальная угроза закрытия газеты, которую некогда прославил своими статьями Альбер Камю...

Еженедельнику «Экспресс» такое, судя по всему, пока не грозит. В отличие от «Комба» он издается в хорошей типографии, на хорошей бумаге. У него хороший тираж. Его журналистам хорошо платят. Но номер от номера «Экспресс» все больше отстает от эпохи, в которую он издается.

Один пример. «Экспресс» командирует сразу двух специальных корреспондентов на берег Черного моря, где проходит советско-французская встреча на высшем уровне. «Тандем» Мишель Котта — Мишель Гордэ видит и слышит в Пицунде то, что видят и слышат десятки и десятки их коллег из разных стран. И делают выводы, прямо противоположные не только официальным результатам переговоров, но и мнению большинства комментаторов и спецкоров французских газет.

Схема их корреспонденции, которую с таким же «блеском» можно было бы сочинить, не покидая редакцию на улице де Берри, предельно упрощена: переговоры якобы ничего не дали и дать не могли.

Авторы репортажа, смонтированного из предвзятых идей и тривиальных инсинуаций, пытаются убедить читателя, в частности, в том, что от обсуждения положения на Ближнем Востоке толку не было и что сближение взглядов двух держав по этому вопросу — «слабое утешение». Разоблачение советской стороной тезиса о «сговоре сверхдержав», по мнению спецкоров «Экспресса», тоже «малоутешительно», и Франция, бдительно предостерегают они, не должна «предаваться иллюзиям»...

Полностью игнорируя совпадение во многом позиций СССР и Франции по проблеме европейской безопасности, их стремление к скорейшему конструктивному завершению совещания в Женеве, Котта—Гордэ договариваются до полного абсурда. Так, они утверждают, что Советский Союз выступал-де «в роли «просителя» в этом вопросе, который является «коньком» советской дипломатии вот уже около десяти лет». Однако, глубокомысленно заявляют они, «непримиримые позиции всячески тормозят «апофеоз» русско-европейского братства». Какая «осведомленность»! Какой жаргон! Иными средствами и нельзя было, наверное, выполнить задание: не рассказать, упаси бог, об истинном смысле и подлинном значении нового этапа в развитии плодотворного политического сотрудничества СССР и Франции. И вдобавок попытаться доказать, что этого сотрудничества нет и, главное, не должно быть.

Такова идея-фикс определенных кругов во Франции. И ее уже не первый год пропагандирует «Экспресс». В этом состоит кредо основателя журнала, лидера правых радикалов Ж.-Ж. Серван-Шрейбера. Характерно: к репортажу «36 часов в Пицунде» непосредственно примыкает пространное интервью известного французского политолога Раймона Арона, озаглавленное «Франция между США и СССР». Р. Арон прямо взывает к временам Бидо и Маршалла, иными словами, к возврату самого тяжкого и мрачного периода «холодной войны» и рабской зависимости Франции от США и от НАТО. И уж так он сокрушается, констатируя, что самостоятельность сегодняшней Франции зависит от доброго сотрудничества с Советским Союзом!

Как видим, «Экспресс» явно «сходит с рельсов» (что в переводе с французского значит еще и «свихнуться»). Но столь же явно и другое: ни у него, ни у его единомышленников нет никаких шансов столкнуть советско-французские отношения с избранного верного пути. Время не то.

Виктор ЦОППИ

ЗА КУЛИСАМИ СОБЫТИЙ

«МАЛАЯ ВОЙНА» НА ГОЛАНСКИХ ВЫСОТАХ

Более двух недель над опаленными солнцем и порохом Голанскими высотами гремит канонада. То в одном, то в другом секторе израильские войска пытаются «улучшить свои позиции», и только мощный заградительный огонь сирийской артиллерии и танков заставляет их откатываться на прежние рубежи. Войска по обе стороны установленной в октябре прошлого года линии прекращения огня находятся в полной боевой готовности.

Кому выгодна эта напряженность?

Здесь не может быть двух мнений. Достаточно вспомнить, что само формирование нового кабинета Голды Меир — Моше Даяна стало возможным после многонедельного правительственного кризиса лишь благодаря «внезапному возникновению» так называемой «сирийской угрозы». Израильский генерал Шарон, неплохо разбирающийся в тайнах тель-авивского двора, попросту высмеял весь тот фарс, которым сопровождалось согласие Даяна на участие в кабинете Меир под предлогом «секретной информации о подготовке сирийского нападения». Он заявил, что эта «секретная информация с фронта скорее всего является информацией воображения».

Но если вначале напряженность на линии прекращения огня понадобилась группе Меир — Даяна в силу внутриполитических соображений, то в настоящее время эта напряженность используется уже для того, чтобы воспрепятствовать дальнейшему прогрессу на пути ближневосточного урегулирования. Приведем несколько высказываний, характерных для умонастроений израильских лидеров.

«Никакая обещанная нам гарантия с точки зрения обеспечения безопасности Израиля не может сравниться с тем важным значением, какое имеет для нас наше пребывание на Голанских высотах» (Голда Меир, 12 марта).

«Мира нельзя будет достичь, если мы не будем находиться на Голанских высотах» (министр иностранных дел Эбан, 15 марта).

«Израильские поселения на Голанских высотах — это неотъемлемая часть оборонительной системы Израиля, и их нельзя отдавать» (генерал Хофи, 17 марта).

И вот уже тель-авивская газета «Маарив» сообщает, что Израиль, возможно, откажется от переговоров с Сирией о разъединении войск, «если в сирийской позиции не произойдет изменений». Знакомая тактика: использовать специально спровоцированную напряженность для отсрочки, а, если возможно, то и срыва новых шагов по урегулированию проблемы в целом.

Анатолий КУРОВ

СКОЛЬКО ЖИТЬ ПОЧИНУ

1. Почин можно квалифицировать как новаторство в области организации труда. Исходя из этого определения, я позволю себе высказать следующую мысль: в том, что некоторые начинания живут недолго, ничего трагического нет. Они умирают «естественной смертью»; и вовсе не потому, что были надуманными или дутыми, а по той причине, что в условиях нашего развивающегося производства предложенный принцип организации труда может быстро оказаться пройденной ступенью. Поясню свою мысль примером.

В прошлом году мы, как и многие предприятия нашей отрасли, подхватили и даже расширили почин москвички Арефьевой, обязавшейся каждую неделю один час работать на сэкономленных материалах. Не утомляя излишней цифирью, скажу, что в итоге весь коллектив завода десять дней работал только на сэкономленном сырье. Конечно, не нужно понимать меня так, что прежде мы чуть ли не разгильдяйствовали, составляя заявки на материально-техническое снабжение с большим «припуском» и набрали массу излишков. Я знаю, кое-где бывало и так. Но не у нас.

Мы не просто «удвоили бдительность», следя за потерями, мы подключили к делу всех наших специалистов, всех новаторов, и им пришлось изрядно поломать голову, выискивая возможности экономии. В этом году — казалось бы, вопреки всему — мы ставим перед собою уже меньшую задачу: не десять, а шесть дней работать на сэкономленном сырье. А дальше, по моему мнению, и вовсе дело сойдет на нет: этот вид резервов будет исчерпан, и с ними исчерпает себя и широко распространенный сейчас почин.

Однако есть начинания более длительного срока действия: например, предложение коллектива Московского завода «Динамо» работать по индивидуальным расчетным планам-заданиям. Это новшество интересное, сулящее немало выгод и предприятию, и работникам, и между тем подхватывают его не сразу. Дело в том, что экономическая сущность почина довольно сложна, требует определенного анализа, расчетов, в к такому кропотливому методу работы у нас готовы не все и не везде. Отсюда сам собой напрашивается вывод: почин может успешно распространяться только при условии высокой квалификации и профессиональной зрелости людей, ответственных за его судьбу...

2. В прошлом году мы провели у себя на заводе интересный эксперимент с целью выяснить соотношение между обязательствами истинными и формальными. И вот, рассмотрев около ста пятидесяти индивидуальных обязательств, принятых нашими работниками, мы, к своему стыду, нашли едва ли десяток таких, которые действительно были в полной мере истинными — то есть что-то около шести с половиной процентов!

Скажем, обещает работница — хорошая работница! — выполнить годовое задание к 6 ноября. Дата знаменательная — канун праздника. Но почему именно к 6-му? Смотрим — она постоянно выполняет норму на 132 процента, большой мастер своего дела, значит, если даже будет работать по-прежнему, ничуть не напрягаясь, ничего не изменив, — все равно закончит свой «год» значительно раньше.

Или противоположный пример: работница с ежедневной производительностью труда 103 процента берется завершить год 25 октября. Реально? Нет. Фантазия. Явное завышение своих возможностей.

Увидев столь печальную картину, решили мы ввести в практику официальную защиту коллективами целей своих обязательств перед авторитетной комиссией. В нее входят и руководители завода, и представители смежных цехов. Весь процесс напоминает защиту диссертации, и оппоненты, как правило, спуску не дают. И тут выявляются любопытные детали: встает, скажем, представитель второго цеха: «Обязуемся выдать сверх плана 180 тысяч корпусов конденсаторов для первого цеха!..» Но первый цех вдруг возражает: «А что мы с ними будем делать?» У первого цеха — свои обязательства, предусматривающие снижение брака, и в связи с этим корпусов им нужно даже меньше, чем в прошлом году...

4. Заработки на нашем заводе, прямо скажем, неплохие — в среднем 180 рублей, — и у нас довольно трудно найти человеке недовольного. Условия труда, внутрипроизводственная культура — на высоком уровне, в этом направлении мы сделали многое. И тем не менее и от нас уходят люди, и мы страдаем от текучести кадров. В чем же дело? Причину можно определить одним неуклюжим словом: социультбыт. Уходят туда, где надеются скорее получить квартиру, где лучше столовая, сеть детских учреждений.

Казалось бы, что может быть проще? Какой простор для стимулирования открывается в связи с этим естественным стремлением людей жить лучше и удобнее!

Но в последнее время, когда говорят о стимулах, обычно подразумевают различные виды прямого материального поощрения. Кто же отрицает его важность! Но я убежден, что сейчас куда более действенным, чем очередная прибавка к зарплате, было бы, например, улучшение жилищных условий. Мне кажется бесспорным, что пора дать возможность предприятиям развивать прежде всего общественные фонды. Нам в сто раз важнее построить еще несколько квартир, открыть новый детский сад, чем раздать на руки «лишнюю» сумму денег. Я подчеркиваю: именно построить, открыть, а не просто получить средства на это. Мы вносим деньги, но жилье строит горисполком, а на сегодняшний день он уже задолжал нам около 4,5 тысячи квадратных метров. И то, что мы — передовое предприятие, причем стабильно передовое, не дает нам никаких преимуществ...

Совершенно очевидно, что сложившаяся практика себя не оправдывает, что нужны экономически более обоснованные фондообразующие показатели. Мы, например, в текущей пятилетке увеличили выпуск продукции более чем в полтора раза, производительность труда — еще больше, а общественные фонды остались на прежнем уровне.

3. За три минувших года мы первенствовали среди предприятий своего министерства в течение 11 кварталов. Примерно так же обстояли у нас дела и в предыдущей пятилетке. Так что по части подведения итогов соревнования мы никогда не чувствовали себя «обиженными». Но вот что показательно. В прошлой пятилетке «вал» рос у нас более высокими темпами, чем производительность труда, — мы расширяли производство, принимали новых рабочих. За последние три года произошло обратное: фактически весь прирост мы даем за счет повышения производительности труда. При этом мы даже смогли сократить число рабочих на 200 человек, высвободив для Сибири столь нужные ей руки.

Такого «переворота» мы добились в значительной степени в результате деятельности наших новаторов, которым мы стараемся создать наилучшие условия для творчества. Однако нему не известна, что эти условия зависят в первую очередь от возможности осваивать и внедрять новую технику — иными словами, от ресурсов.

Конечно, мы будем стараться и в дальнейшем не уступить почетного места, но ведь с каждым годом «лидировать» становится все труднее, соперники буквально «наступают на пятки»...

Е. ДЕРЯБИНЫЙ,
директор Новосибирского завода радиодеталей

Выступая на торжестве, посвященном двадцатилетию освоения целины, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев подчеркнул необходимость «всегда помнить о том, что завтрашние трудовые подвиги вырастают из сегодняшних трудовых будней, как фундамент грядущих успехов закладывается сегодня. А сегодня нет более важной, более ответственной задачи, чем выполнение и перевыполнение плана 1974 года». За успешное решение этой задачи по призыву партии с самого начала года соревнуются десятки и десятки миллионов тружеников. Этому массовому движению посвящена и «Анкета «ЛГ», на которую мы попросили ответить прежде всего передовиков производства, победителей социалистического соревнования. Думается, это вполне естественно. Опыт, накопленный передовиками, представляет особый интерес: большой вес имеют выношенные в передовых коллективах предложения о том, как усилить действенность соревнования, как поднять его уровень в соответствии с ответственными задачами четвертого, определяющего года пятилетки. Им видней и те или другие изъяны, недостатки в организации дела.

Сегодня мы публикуем ответы на анкету хозяйственных руководителей. Представляем выступающих: К. ЕРМАКОВ — директор Московского завода автоматических линий имени 50-летия СССР, одного из предприятий, возглавивших движение за принятие встречных планов; Е. ДЕРЯБИНЫЙ — директор Новосибирского завода радиодеталей, победившего в своей отрасли в соревновании прошлого года.

СОРЕВНОВАНИЕ: ПЯТЬ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ

АНКЕТА «ЛГ»

1. Быть НОВАТОРОМ, передовиком — высокая честь. Но тому, кто впереди, всегда и труднее — это тоже хорошо известно. В чем же, на Ваш взгляд, состоят те трудности, с которыми чаще всего сталкиваются новаторы, передовые коллективы? Как устранить эти трудности?

2. Новый трудовой ПОЧИН... Что необходимо, по Вашему мнению, чтобы он получил широкое распространение? Почему иные начинания быстро забываются?

3. В соревновании всегда принимаются повышенные ОБЯЗАТЕЛЬСТВА. Как они должны согласовываться с планами материально-технического снабжения, кооперированных поставок, реализации и т. д.?

4. Вопрос о СТИМУЛАХ: скажите, чем и как Вы были отмечены, победив в соревновании? Удовлетворены ли? Что предложите для дальнейшего совершенствования морального и материального стимулирования?

5. Как подводились ИТОГИ соревнования, в котором Вы участвовали? Каких итогов Вы лично добились? Могли бы Вы работать еще лучше и что для этого требуется?

1. Когда я думаю о новаторе или передовике, мне неизменно представляется человек, бегущий впереди локомотива.

Под локомотивом я имею в виду хорошо известный каждому производственнику метод планирования от «базы», от достигнутого в прошлом году уровня. Ну, а бегущим может быть и одиночка, и целое предприятие.

Известно: любое сравнение хромает. Однако настойчивость, с которой плановики «догоняют» вырвавшегося вперед, рождает именно эту аналогию.

Что же происходит?

В начале года все заводы работают вроде бы в одинаковом темпе. Но вот некоторые постепенно теряют скорость, и когда разрыв становится очевидным, случается необъяснимое: отстающих освобождают от части заданий и передают их тем, кто укладывается в свой график или даже опережает его. Этот мудрый вывод называется «корректировкой». Отказаться от производства «перераспределенной» продукции предосудительно: не захотел, скажут, помочь товарищу, заводу своей отрасли, своего министерства, нет у тебя чувства локтя.

А то, что это «чувство локтя» влетает народному хозяйству в копеечку, во внимание принимается крайне редко. Вот, например, наш завод специализирован на выпуске комплексных автоматических линий определенного профиля, то есть у нас соответственно подготовлены кадры рабочих и ИТР, оборудование, техническая оснастка. Можем ли мы сделать несколько станков другого класса, снятых с плана соседнего завода? Несомненно! При необходимости мы сможем, думаю, «выдать» и синхрофазотрон. Но во что обойдется продукция, изготовленная вопреки специализации заводов? В итоге «товарищеской помощи» на нашу шею ярмом ложатся дополнительные затраты, как правило, ухудшаются показатели производительности труда, повышается себестоимость.

Спрашивается, почему передовые предприятия должны расплачиваться за просчеты в планировании? Ведь заранее известно, какому заводу какое задание «по плечу», так не проще и не действеннее ли помочь ответящему еще не стадии определения задания?

И потом, мне кажется, помощь — не в том, чтобы облегчить слабому ношу, а в том, чтобы путем технических, организационных и экономических мер сделать из него сильный, справляющийся с указанным объемом производстве организм.

В итоге корректировок картинка на практика получается совершенно идиллическая: в конце года в отрасли не оказывается тревожащих предприятий, все одинаково сильны, идут почти голова в голову и равно готовы к очередному забегу. Если же вдруг случится непредвиденное и тянущий двойной груз завод-лидер не выдержит, сбавит темп, «локомотив» облюбует себе нового: благо, когда все — передовые, долго искать его не придется.

2. Повышенные обязательства или встречный план требуют дополнительных средств, потому что изготовить оборудование и продукцию из воздуха невозможно: материалы, комплектующие изделия, энергоресурсы, инструменты и многое другое — только бережливостью всего этого не добудешь. Следовательно, нужно правильно распределить ресурсы внутри всей отрасли, учесть все имеющиеся запасы и четко ими маневрировать. Одним словом, успех повышенных обязательств завода непосредственно зависит не от него одного. А переговоры на разных ступенях — штука затяжная, сложная и не всегда успешная, поэтому иногда и рассудит хозяйственник: нет встречного плана и повышенных обязательств — нет и лишних неразрешимых задач...

4. Особенно остро ощущаешь значение стимулов в соревновании, когда сидишь в президиуме торжественного собрания и видишь рядом с собой, тоже в качестве «успевающего», директора завода, чью продукцию габе пришлось производить, избавляя его от провала с планом. Впрочем, во всем остальном он тоже мало чем отличается от тебя: и премии у него, и те же средства, отчисляемые в фонд предприятия...

Несправедливо и, я бы сказал, непедагогично оставлять больший и лучший труд коллективе без вознаграждения. И только премий для победителей соревнования явно недостаточно.

Пусть поймут меня правильно: я вовсе не хочу отхватить от государственного пирога кусок побольше. Я просто слышу грохот колес за спиной, а свой спринт мы сможем продолжить лишь в том случае, если уже сегодня начнем планировать будущую работу, считать ресурсы, искать новые резервы. А они — известно — в модернизации производства, в создании лучших условий для труда и отдыха... Конечно, нам было бы куда легче, если бы изменился сам принцип отчислений в фонд предприятия: выполнило оно задание — сумма обычная, взяло на себя встречный план и добровольно увеличило объем производства, скажем, на миллион рублей — увеличились и отчисления.

Мне кажется, если бы в конце года мы смогли сказать рабочим: вы много потрудились, но и завод получил за ваш труд много, — это стало бы действенным стимулом в наших обязательствах на 1975 год.

И, может быть, куда быстрее обнаружились бы тогда на заводе новые, неизвестные нам резервы, которые позволили бы еще больше увеличить объем производства, и, может быть, даже иные директора заводов, с усмешкой наблюдающие, как мы бьемся над выполнением напряженного годового задания, перестали бы чувствовать себя большими умниками и поняли бы наконец, что использовать резервы сегодня куда выгоднее, чем держать их «в заначке» на черный день...

5. Уже в прошлом году по объему производства наш завод достиг контрольных цифр, намеченных на конец пятилетки. По номенклатуре мы рассчитываем закончить ее за 4,5 года. Конечно, могли бы работать и лучше, мешает несколько обстоятельств. Вот, например, одно из них.

Мы за то, чтобы наш завод вместе с рядом других предприятий составил бы одно производственное объединение. Это выгоднее, чем развивать кооперированные поставки, потому что при кооперации цена какой-нибудь гайки засчитывается три-четыре раза, в зависимости от того, сколько заводов-смежников она обойдет. В результате валовой, а рублях, объем производства растет, а количество продукции остается тем же.

В условиях производственного объединения каждый завод получает за то, что он сделал.

И еще. Сегодня мы работаем совместно с Московским специальным конструкторским бюро автоматических линий и специальных станков (МСКБ). Работаем вместе, а денежки — врозь. То есть КБ, находясь на собственном хозрасчете, берет с нас за каждую проектную разработку определенную плату. Ну, а если разработка оказалась некачественной и требует переделок? Это обстоятельство нисколько не тревожит конструкторов материально, поскольку они свое получили. А вот будь мы одним производственным объединением, каждая задержка с внедрением отзывалась бы и на наших друзьях-конструкторах.

Наш завод предложил создать такое объединение еще в 1972 году. Но вопрос до сих пор рассматривается в Министерстве станкостроительной и инструментальной промышленности. Надеемся, что в нынешнем году пятилетки он будет решен определенно и положительно.

К. ЕРМАКОВ,
директор Московского завода автоматических линий имени 50-летия СССР

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ «ЧУВСТВО ЛОКТЯ»?

Г. НАТРОШВИЛИ

ЦЕНА МОРАЛЬНОГО УРОНА

Писатель размышляет о стимулах моральных и материальных

Чуть не каждый, кто пишет о труде, о социалистическом соревновании, касается этого вопроса: как правильно сочетать принципы материального и морального стимулирования, где здесь «золотое сечение», как его найти?.. Иными словами, мне кажется, речь идет о соотношении общественного и личного в сознании человека. И этот вопрос стоит перед нами сейчас, в 70-х годах, так же, как стоял он и в 30-х годах, на заре колхозного строительства, — конечно, в иных формах и масштабах.

Не так давно мне с поэтом Н Гурешидзе довелось побывать на сельском сходе в Натанеби, одном из самых передовых и крепких наших колхозов. В чудесном причерноморском крае Грузии — Гурии села одно краше другого. Натанеби же выделяется из всех. Не стану описывать его — для этого нужна кисть вдохновенного художника.

Одно здесь странно: статистика показывает, что на приусадебных участках, находящихся в личном пользовании колхозников, урожайность, как правило, выше, чем в общественном хозяйстве.

Секрет, как говорится, лежит на поверхности. Гиви Цитлидзе, председатель Натанебского колхоза, невесело пошутил: селекционеры еще не придумали таких сортов, которые без ухода давали бы высокий урожай. Так вот, за своим участком — уход образцовый, тут оберегают, скажем, мандариновые деревья от дуновения ветерка, трудятся в поте лица и на рассвете, и после захода солнца. А общую, «чужую» землю промотыжат — и дело с концом...

И так — не с одной культурой. Чай на приусадебных участках, например, приносит доход 6688 рублей с гектара. На колхозных плантациях — 5815 рублей.

Если бы речь шла о каком-нибудь отстающем колхозе, вопрос был бы ясен. Там, где у колхозников нет веры в свой труд, в то, что они получат за него достаточную компенсацию, — там, конечно, не помогут ни уговоры, ни понукания. Там человек не станет вкладывать душу в общественный труд, а будет работать лишь столько, сколько требуется, чтобы не лишиться своего участка. Но я сознательно привел в пример колхоз, который широко известен высокой культурой работы, организованностью, зажиточностью. Оплата трудодня здесь высока: колхозница Медея Соселия и ее семья, например, заработали столько, что побывавший у них в гостях посол одной скандинавской страны воскликнул: «Если это дает колхоз, то запишите в него и меня!»

Я спросил здешних руководителей: может ли каждый трудоспособный колхозник зарабатывать столько же, сколько эта семья? Может, ответили мне, если будет трудиться так же добросовестно.

Отсюда первый вывод: объяснять «ножницы» урожайности причинами только материальными, условиями оплаты труда не совсем верно. Ответ, мне кажется, лежит глубже, в области сознания человека. Это с одной стороны. Однако с другой... Ведь наносимый ущерб выражается отнюдь не в абстрактных категориях морали, а в конкретных цифрах. В том же Натанеби подсчитали, что если урожайность повысить в среднем хотя бы на одну тонну с гектара, то доход колхоза возрастет на 300 тысяч рублей. Если отстающие бригады доведут сбор чайного листа до среднеколхозного уровня, то государство получит дополнительно 116 тонн чая. Между участками отстающих бригад и передовых, между колхозными плантациями и приусадебными участками буквально несколько шагов. Так что объективных различий здесь нет.

Так было всего два года назад. Сейчас соотношение этих показателей выравнивается, и можно надеяться, что в ближайшее время основной доход колхознику будут приносить трудодни, а приусадебный участок, как ему и полагается, займет скромное место подсобного. Опять — перемена назревает не только экономическая, но и психологическая.

Еще случай — из другой области нашей жизни. Известно, какой вред наносит промышленным предприятиям текучка. Точно подсчитано, во что обходится переход каждого квалифицированного рабочего со своего предприятия на другое. Тяжелое положение с кадрами складывалось одно время, например, на многих заводах Рустави. Значение этого молодого промышленного центра для Грузии общеизвестно. Не осталось, кажется, ни одного грузинского поэта, кто не посвятил бы ему стихотворения или поэмы. Но вот понемногу, незаметно этот романтический ореол поблек. «Нет больше интереса», — сказал тогда по телевидению один из лучших рустависких сталеваров.

Только в течение 1972 года с металлургического завода ушло около 2000 человек. Куда они ушли? Поменяли тяжелую работу на легкую? Низкооплачиваемую — на доходную? Менее престижную — на более почетную? Опять-таки дело обстоит сложнее.

Вспоминается наша встреча с рабочими и инженерами Тбилисского электровозоремонтного завода. До начала торжественного вечера мы долго беседовали с рабочими и руководителями завода о соревновании, условиях труда в коллективе. В частности, я задал директору А. Мосхарашвили вопрос как у вас с текучестью рабочей силы? У нас, сказал он, такой проблемы нет. Причина? Прежде всего, объяснил директор, конечно, улучшение экономических и бытовых условий. Но есть и другие факторы, на которые хотелось бы обратить внимание именно писателей. С тех пор, как мы особое внимание уделяем славным революционным традициям нашего предприятия: воздвигли обелиск в честь героев-большевиков, отыскали и сделали всеобщим достоянием реликвии боев за свободу, напомнили каждому рабочему о чести предприятия; с тех пор, как очистили от налета формализма, оживили ход социалистического соревнования, — положение изменилось коренным образом, и к нам даже вернулись те, кто уволился раньше.

Здесь, пожалуй, необходимо разъяснение. Электровозоремонтный завод — наследник Тифлисских главных железнодорожных мастерских, колыбели грузинского пролетариата и рабочего движения, где впервые было поднято красное знамя революции. На этом заводе средняя заработная плата — 150 рублей в месяц, а передовики зарабатывают по 250—300 рублей. Но, оказывается, для нашего сегодняшнего токаря или слесаря интерес не только в рублях. «Профессиональный патриотизм» тоже дает эффект — реальный, практический, который предприятие может измерять и рублях и планировать в процентах.

Возвращаясь к Рустависому заводу, надо сказать, что и он сумел выйти из числа отстающих. Здесь перестроили и сделали действенной систему морального и материального стимулирования; результаты не замедлили сказаться, и одним из них стало резкое — в несколько раз — сокращение текучести.

Я понимаю значение материальной заинтересованности. Но мы видим, что моральный эффект оборачивается и эффектом материальным, а моральный урон — материальным уроном. Мой знакомый, передовик производства, высококвалифицированный мастер, так объяснил мне неожиданную причину своего ухода с завода, на котором проработал много лет: у меня, говорит, недавно скончался отец, но никто из руководства не пришел в этот трудный час ко мне со словом поддержки и утешения.

Для контраста расскажу о человеке, которого знает, пожалуй, вся Грузия. Много лет возглавляет Земо-Мачхаанский колхоз Нино Мамаиашвили. Ко всем сельчанам он относится, как к членам своей семьи. Может и побеседовать по душам, и прикрикнуть, и воззвать к совести. Если колхозник женится, а невеста из другого села, выделит на свадьбу лучшие машины — знай наших! Не оставляет вниманием ни тех, кто идет в армию, ни тех, кто собирается в вуз, ни тех, кто уже ушел на покой. Могут сказать, что этот образ старомодный, патриархальный. Но зато посмотрите на колхоз!..

В докладе о 50-летии СССР Л. И. Брежнев говорил: «Самые хорошие планы не будут выполнены, если те, кто трудится у станков или в поле, на животноводческой ферме, в научно-исследовательском институте или в сфере услуг, не вложат в дело частицу своего сердца, своей души». Эта частица должна быть целиком приплюсована к усилиям ума и рук нашего народа, создающего коммунизм. Возросшее благосостояние не может и не должно пробудить в нас червячка сытости и эгоизма, исключающего горение, энтузиазм, которые творили чудеса в годы первых пятилеток, в годы Великой Отечественной войны, в годы послевоенного восстановления и мирного строительства.

ТБИЛИСИ

Широкое применение электроники в народном хозяйстве — характерная черта нынешней пятилетки. Будь у современной ЭВМ трудовая книжка, для графы «профессия» потребовалась бы не строка, а целый том. Сними, публикуемые на этом развороте, представляют лишь три специальности компьютера — производственник, педагог, исследователь.

В вычислительном центре комбината «Вркутауголь».

В [illegible] клубе «ЛГ» [illegible] были напечатаны две статьи проф. А. Китайгородского, в которых автор выдвигал на обсуждение [illegible] проблемы, связанные с процедурой [illegible] труда и повышением [illegible] [illegible] проектов и т. п.

Сегодня мы публикуем часть полученных откликов.

Б. ТАРУСОВ,

доктор [illegible] наук, профессор, заведующий кафедрой биофизики биологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

НЕ СНЯТЬ ЛИ ЛИШНИЙ ГРУЗ С ТАЛАНТА?

ЕСЛИ [illegible] образовался нарыв, есть несколько способов избавиться от него. Во-первых, можно нарыв припудрить, и может показаться, что его на самом деле нет. Довольно распространенный способ. Во-вторых, можно отрубить руку. Тогда уж нарыва точно не будет, но избавление от него такой ценой, наверное, устроит немногих. Причем, как ни странно на первый взгляд, эти оба способа очень близки: если нарыв только припудрить, то он может так разрастись, что придется рубить руку. Есть и третий способ, не столь быстрый, как первые два, но, как нам кажется, наиболее разумный — разобраться, в чем причина болезни, и вылечить человека.

Этот экскурс в область медицины вызван размышлениями о диссертационных делах, разговор о которых, возобновляемый время от времени, был недавно снова поднят профессором А. Китайгородским. К сожалению, большинство предлагаемых им рецептов есть гибрид первого и второго способов исцеления от нарыва.

Большинство защит проходит серо и вяло, присутствующие томятся, а сама диссертация неизвестно кому нужна, говорит он. Поэтому предлагается навести косметический глянец и убрать всю эту серятину подальше от глаз общественности в закрытые комиссии. Тем самым отсекается возможность достаточно объективного обсуждения. Какая уж может быть объективность, когда диссертанту даже не позволят слово сказать в защиту своей работы!

Итак, предлагаемое лекарство оказывается хуже болезни. А в чем же состоит сама болезнь? Один из ее симптомов назван А. Китайгородским. Процентов десять кандидатов и докторов наук получают свои степени зря, утверждает он. Десять так десять, не будем спорить о цифрах. Далее, для многих научных работников получение степени оказывается важнее самой науки, ученый часто не заинтересован в изменении темы работы, в приближении ее к сегодняшним запросам жизни.

В переводе на язык эффективности науки все это означает, что достаточно часто шаги вперед, пусть и медленные, заменяются бурным бегом на месте. Задача же состоит в том, чтобы повысить эффективность науки, отдачу ученого. В этом главная цель, а не в том, чтобы с наименьшей потерей времени и сил раздать «всем сестрам по серьгам», то есть соискателям по степеням. Получения степени должно быть рычагом развития науки. И если рычаг работает не лучшим образом, то нужно его совершенствовать или менять, а не думать о том, как отлакировать его ручку. Если существующая система присуждения ученых степеней не обеспечивает высокой эффективности науки, значит, плохи система, а не процедурные ее формы. Посмотрим же, в чем ее недостатки.

КАК СКЛАДЫВАЕТСЯ биография ученого? Он заканчивает вуз и начинает научную работу. Рано или поздно — это зависит от способностей, от выбора темы и еще от многих обстоятельств — он выполняет исследование небольшого, частного вопроса, пишет диссертацию, защищает ее и становится кандидатом наук. Он сдал вступительный экзамен в науку, впереди его ждут большие и серьезные научные проблемы. С этого момента он ученый! Но ученый... второго сорта. Поскольку есть еще первый сорт — доктора наук. А чтобы «пробиться в первый сорт», надо снова писать и защищать диссертацию.

Причем на сей раз дело гораздо сложней. Докторская работа — это уже обобщение ряда частных случаев. Если, к примеру, возможна кандидатская диссертация «Влияние размера шрифта на скорость чтения газеты», то название докторской должно быть чем-то вроде: «Влияние полиграфических характеристик газеты на ее восприятие читателем». Здесь уже [illegible] и т. д.

[illegible] интерес наибольшей производительности, возраст, когда ученый делает свои лучшие работы.

— Вот и прекрасно! — воскликнут многие. — Докторская диссертация должна быть крупным вкладом в науку. И очень хорошо, что большинство ученых посвящает ей лучшие годы.

Но это только на первый взгляд прекрасно. На самом деле лучшие годы можно было бы использовать с большей пользой для науки. Дело в том, что создание докторской диссертации и актуальная научная деятельность — далеко не во всем и не всегда одно и то же.

Чтобы не приводить новых примеров, возьму пример из второй статьи А. Китайгородского, когда «Николай Сергеевич» категорически отказывается переменить тему научной работы. А менять ее надо не только потому, что у «шефа» появились новые идеи. Менять ее приходится в силу логики развития науки.

Сегодняшняя наука должна быть очень мобильной. В ней все время возникают новые направления, а то и целые науки. Соответственно ставятся и новые проблемы. Готовых специалистов для их решения нет. Готовить их некогда — время не ждет. Поэтому часто возникают необходимости быстро и не на очень продолжительный срок сосредоточить на нужном направлении значительные силы из более или менее близких областей науки. Это, естественно, требует, чтобы ученый имел достаточно широкий кругозор, не замыкался в узких рамках специализации.

Работа над диссертацией, особенно докторской, предъявляет прямо противоположные требования и практически лишает ученого какой-либо мобильности. Чем более ученый будет отрешен от всего, непосредственно с его темой не связанного, там скорее он ее закончит и получит желанную степень. Поэтому какая-то перестройка для него крайне нежелательна, а серьезное изменение темы порой равносильно отказу от диссертации. Коллеги и начальство это прекрасно понимают — сами были или будут в аналогичных ситуациях — и без большой настойчивости побуждают ученого заняться новым делом.

А диссертация нужна. «Николая Сергеевича» можно понять. Наверное, он тоже хочет стать доктором, полноправным человеком в науке. Чем он хуже посредственного и неуживчивого «Юрченко»? Какой ему резон бросать накопленный за годы работы материал? Из-за любви к науке? Пожалуй. Но это лишнее подтверждение того, что любовь к науке и необходимость защиты докторской диссертации противоречат друг другу. «Николай Сергеевич» рано или поздно напишет и защитит докторскую диссертацию, а кому, кроме него, она будет нужна?

Я не хочу сказать, что докторские диссертации плохи или оторваны от интересов науки. Вовсе нет. — они обычно обстоятельны, фундаментальны. Что же до интересов науки... На войне есть передовые части, идущие на прорыв, и есть части, наступающие за ними вслед и закрепляющие за собой взятую территорию. Так вот, докторские диссертации чаще всего — части второго эшелона.

Почему? Во-первых, как мы уже говорили, делаются они лет по десять. За это время обстановка в науке обычно меняется — смещаются научные интересы, появляются новые теории, изменяются запросы общества. Инерционной диссертации за всем этим не поспеть. Складывается ситуация, как если бы, к примеру, на Новой Земле нашли нефть, и срочно потребовалась ее подробная карта, а соответствующий институт тем временем не мог бы оторваться от изучения «белых пятен», скажем, в районе Алтая: ценно, важно для науки, пригодится в будущем, но сегодня остро нужно не это.

Во-вторых, актуальную тему для диссертации рискованно брать по многим соображениям. Интерес к ней может пропасть, как и возник, — лучше подождать, пока проблема «устоится». Не ясно, сколько времени и сил потребует работа, к каким результатам она приведет: чаще всего отрицательный результат для диссертации — не результат.

Потом, даже если все будет хорошо, передовую работу трудно защитить — в прогрессивных областях науки докторов мало и оппонентов найти трудно. Когда ты их нашел и защитил диссертацию, та же история повторится в ВАКе. Теперь уже там не найдется экспертов, работа не будет подходить под профили соответствующих комиссий. В результате отдельные докторские диссертации рассматриваются по нескольку лет. И страдают прежде всего передовые работы, сделанные в актуальных научных направлениях.

Учитывая все это, здравомыслящий диссертант вовсе не рвется «на передовую» науки. Не важно, что во втором эшелоне высших наград не завоюешь. Да и стоят ли награды риска? Во всяком случае, докторская степень дает ее обладателю больше прав и благ, чем Государственная или даже Ленинская премия, а получить докторскую степень значительно легче.

Исследования научной деятельности выявили, что значительно лучшие результаты по таким первейшим для каждого исследователя показателям, как «продуктивность» и «вклад в науку», имеют не «однолюбы», а ученые, владеющие двумя-тремя специализациями, ведущие две-три темы одновременно, занимающиеся разнохарактерной работой, — не только исследованием, но и преподаванием, внедрением и даже административной деятельностью. И это вовсе не потому, что такой стиль работы обычно свойствен опытным ученым. Насколько можно судить, эксперимент был поставлен чисто, и подобные возражения сняты. По-видимому, дело в том, что, общаясь с большим кругом проблем, идей, коллег, ученый получает большой силы «интеллектуальный импульс» для своей работы, лучше понимает ее место и значение, меньше «привыкает» к ней.

НО, СПРОСИТ читатель, почему речь идет именно о докторских диссертациях? Разве нельзя перечисленные претензии предъявить и к кандидатским?

Можно, но в меньшей степени. Кандидатская диссертация должна остаться вступительным экзаменом. Стоило бы даже снизить требования к ней, чтобы не сидели над ней «Клавы» по десятку-полтора лет. Кандидатская диссертация должна делаться в период ученичества в большой науке, чтобы по ее выполнении можно было быстро загружать молодых ученых действительно нужной работой. Сейчас же каждый порядочный научный руководитель всегда будет оберегать своего ученика от возможных изменений темы, поскольку пока в науке нет иного пути повышения своего положения и зарплаты, кроме защиты диссертаций.

Конечно, не надо ориентироваться на «усидчивых» ученых, защищающих кандидатскую на пятом десятке. Совершенно очевидно, что ничего мало-мальски значительного они не совершили и не совершат, а полученная степень просто поможет им «легализоваться» в науке. Не надо ориентироваться и на сверхталантливых ученых, которым никакие препятствия не помеха. Думать надо об основной массе способных исследователей, дающих основную часть научной продукции. Вот для их-то производительности и является помехой докторская степень. Когда они ее получат годам к сорока пяти, станут полноправными людьми в науке, уже начинается естественный творческий спад, да и вообще не так уж много времени остается для плодотворной работы.

Поэтому многие ученые, стремящиеся достичь не положения, а результата, всячески тянут с защитой докторских диссертаций. Они стараются взять от исследуемой темы все, что она может дать, взять как можно быстрее. Когда же тема изживет себя и потребуется крупная перестройка, вот тогда на досуге можно будет подумать и о докторской.

Я могу привести в пример двух моих учеников. Обоим уже солидно за сорок, оба пользуются уважением и признанием в мировой науке. Одного недавно пригласил известный зарубежный университет прочесть курс лекций. Другого не так давно избрали заведующим кафедрой нашего университета, признав тем самым одним из крупнейших специалистов в своей области. Но признание признанием, а оба они... кандидаты наук. Чтобы стать докторами, им надо года на два снизить активность научную и повысить бумажно-оформительскую. За это время их позиции в науке поослабнут, а они им, видимо, дороже звания, которое, впрочем, от них не уйдет. Обидно только, что пока менее талантливые и меньше давшие науке люди пользуются в ней большими правами.

НА МОЙ ВЗГЛЯД, сложная двухступенчатая система ученых степеней сегодня тормозит развитие науки. Докторская степень мыслилась как квалифицированный экзамен высшего ранга, как высокий стимул научной деятельности. Но что толку от полезного экзамена, если при подготовке к его сдаче крадутся годы у настоящей работы? Часто возражают, что докторская работа не просто экзамен, а крупный научный вклад. Такие возражения совершенно курьезны. Экзамен на крупного ученого? Подобную оценку может дать практика или научная общественность всей отрасли науки, а не ученый совет какого-то института. Да и вообще сама двухступенчатая система предполагает неумение оценить повседневный труд ученого, заменяет рассмотрение его деятельности присвоением чина по представлении одной, пусть даже и хорошей работы. А это нередко ведет к карьеризму, к отступлению от интересов науки.

Но, может быть, не стоит так уж волноваться по этому поводу? В конце концов все перипетии с докторскими диссертациями касаются всего только каких-то пяти — десяти процентов наиболее талантливых ученых в каждой отрасли. Нет, именно поэтому и стоит волноваться. Ведь эти пять — десять процентов во многом и определяют лицо науки, они делают в нее самый весомый вклад, повышение эффективности их труда может дать максимальный результат. Двигатель автомобиля тоже, наверное, не превышает десятой части общего веса машины, но как раз его надо совершенствовать в первую очередь, если вы хотите увеличить скорость. Мы же навесили на двигатель тяжелый груз и судим об эффективности мотора не по тому, как он вращает колеса, а по тому, как он справляется с грузом.

Мерилом достоинств ученого, критерием его заслуг перед наукой должна быть только его работа. Иначе неизбежен разрыв между интересами науки и научного работника. Сейчас иногда, в редчайших, единичных случаях, докторская степень может быть защищена по совокупности работ. Такой путь при некотором изменении должен стать единственно возможным. Необходимое изменение, на мой взгляд, состоит в отмене самой защиты. Иначе мы просто вольем новое вино в старые мехи. Если процедура защиты, то есть любого рода экзамен с заранее определенными требованиями, сохранится, то даже при замене докторской диссертации совокупностью работ мало что изменится. Просто те же ученые, что сегодня уползают в «диссертационные ниши», завтра начнут подбирать работы, «тянущие на доктора».

Эффективная и демократичная система квалификации в науке представляется мне одноступенчатой. Защитил диссертацию — ты ученый. Неважно, как эта диссертация будет называться. Она только не должна быть слишком сложной и громоздкой. Но и платить за нее всю жизнь не надо. Вся дальнейшая судьба ученого после защиты — и почет, и зарплата — должна однозначно определяться результатами его работы. Наверное, возможно создать систему оплаты, учитывающую и занимаемую должность (а это будет зависеть от квалификации), и результаты труда.

А что касается высокого стимула, им может по-прежнему служить докторская степень. Нужно только сделать ее почетной, выборной. Пусть, к примеру, всесоюзные собрания ученых каждой отрасли выбирают ученых за высокие заслуги докторами наук или своими действительными членами, как выбирают сегодня в Академию наук. Конечно, не все специалисты сегодня имеют свои научные общества, конечно, нужно продумать еще порядок и процедуру таких выборов. Но дело не в технических вопросах.

Я, разумеется, не думаю, что все вопросы эффективности науки будут решены отменой защиты докторской диссертации. Но в повышении отдачи наших самых талантливых ученых заключен громадный резерв повышения производительности науки. Ничто не дает большей пользы, чем разумно используемый талант. Так пусть же он и работает на благо науки, сняв с себя карьерное грузило. И судьей его работы пусть будут наша наука и ее интересы.

ТРЕБУЮТСЯ ПРОГРАММИСТЫ...

ЭВМ Тульского политехнического института

Программисты Саратовского научно-исследовательского института геологии и геофизики

Фото А. ХРУПОВА

ТАКИЕ ПЕРЕМЕНЫ НЕ НУЖНЫ

«ОПЯТЬ заговорили о защите диссертаций», — удивится иной читатель. Да, о защите говорили и будут говорить, поскольку, если посмотреть в корень, речь идет не столько о защите, сколько о подготовке ученых, об уровне научной работы. Диссертационные дела в силу своей публичности делают зримым обычно невидимый внутренний механизм науки.

Поэтому каждое новое предложение по усовершенствованию системы защиты диссертации вызывает большой интерес.

К сожалению, предложения профессора А. Китайгородского, будь они приняты, не принесли бы науке ничего хорошего. Всесоюзные специализированные комиссии по присуждению ученых степеней, которыми автор предлагает заменить ученые советы, оказались бы заваленными работой, что привело бы в конце концов к снижению требований к диссертациям. Такие комиссии страдали бы узостью взгляда и при этом не устранили бы указанных автором недостатков. Что же касается контроля над качеством диссертации, то и сейчас существуют экспертные комиссии ВАК, анонимно разбирающие каждую работу.

Оценка диссертаций узкими специалистами существует и сейчас в виде предварительных защит на кафедрах. Так что слабая работа просто не попадает на широкое обсуждение. При закрытом же обсуждении только узкими специалистами лишились бы слова ученые смежных направлений. По крайней мере геология, в области которой я работаю, только проиграла бы от такого сужения круга ученых, участвующих в решении судьбы диссертанта.

Очень логичным, на первый взгляд, кажется предложение об отмене надбавки к зарплате обладателей ученых степеней. Но при более внимательном рассмотрении оно не выдерживает критики. Перестав «платить за степени», мы лишим ученого материального стимула его научного роста, а у государства отнимем один из экономических рычагов, которым оно воздействует на развитие науки. Всегда и везде были и будут какого-то рода «цеховые экзамены», всегда и везде работник более высокой квалификации оценивался выше. Не вижу, почему наука должна стать первым исключением из правила.

От таких предложений один шаг до «демократичной» идеи полной отмены всех степеней и званий. Такая система позволила бы проникать на сколь угодно высокие посты в науке людям совершенно случайным, не имеющим даже среднего образования. Ведь все равны! Последствия не трудно себе представить. Нет, все равны по своим возможностям, в правах, но не в использовании возможностей и прав. Талантливый работник не равен бездарному лентяю.

Радикальные перемены хороши только тогда, когда они сулят большие выгоды. Рекомендуемая же система только расшатала бы существующую процедуру, облегчив проникновение в науку людей недостойных.

П. КРОПОТКИН,
член-корреспондент АН СССР,
зав. лабораторией Геологического института АН СССР

СВОБОДНАЯ ДИСКУССИЯ, А НЕ «ЭКЗАМЕН НА ЧИН»

ПОСЛЕ работы, уставший и не успевший как следует поесть, вы едете на концерт. Казалось бы, зачем? Ведь есть радио, телевизор, магнитофон. Однако вы все же «теряете время» и поздно возвращаетесь домой, получив гораздо больше, чем если бы вы «рационально» прослушали радиоконцерт.

Зачем собираются ученые на конференции? Ведь доклады все равно издаются, а списаться друг с другом можно было бы и по почте. Тоже вроде бы «потеря времени». Однако, если бы кому-нибудь вздумалось навести здесь экономию, он просто обокрал бы науку.

Абсолютно то же самое можно сказать и о защитах диссертаций. Это, если хотите, отчетный «конкурсный концерт» ученого, даваемый широкой публике после долгой работы и многочисленных прослушиваний у себя в лаборатории, на кафедре, в ведущей организации.

Конечно, бывает, что в науку пролезают случайные люди. Но что изменит отмена публичности защит? Выигрышей не видно, проигрыши очевидны. Защита перестанет быть творческим праздником и для соискателя, и для коллектива, где он работает. И, что самое главное, предлагаемые меры заменяют свободную научную дискуссию ведомственными «экзаменами на чин». Они ударили бы прежде всего по новаторским работам. Ведь может оказаться, что прав автор работы, а не облеченные полномочиями синклит судей. Поэтому нельзя лишать соискателя права лично переубедить своих оппонентов.

Что же касается исправления сегодняшних недостатков, то ведь в гипотетические комиссии специалистов просто пересядут те же члены ученых советов. И если сегодня профессор А звонит профессору Б с просьбой оппонировать (читай: поддержать) его аспиранта, то непонятно, что может завтра помешать аналогичному звонку профессора А члену комиссии Б.

Ни для кого, конечно, не секрет, что диссертации защищаются для повышения своего статуса и улучшения материального положения. Но это не только не отрицает их полезности для науки, а лишь подчеркивает ее. Именно так сочетаются личные и общественные интересы: общество дает ученому, ученый своей работой — обществу. Можно ли улучшить этот процесс? Конечно, улучшения возможны в любой системе. На мой взгляд, материальное стимулирование научной деятельности только улучшилось бы, если бы оплата труда ученого имела три составляющие: зависела от квалификации, занимаемой должности и результатов работы. Тем самым ученая степень перестала бы быть чеком на получение пожизненной ренты, оставаясь высоким престижным стимулом. Конкретные формы воплощения этой идеи могут быть разными. Но очевидно, что такого рода изменения были бы полезны и самой науке, к народному хозяйству.

В. ОСИКО,
доктор физико-математических наук, зав. сектором Физического института имени П. Н. Лебедева АН СССР

МОЛОДОСТЬ НАУКИ

Научная судьба Владимира Платонова в чем-то вписывается, как и у многих его сверстников. Увлечение математикой в сельской школе, потом университет, первые научные работы... Только вот даты этой биографии несколько необычны. Год рождения — 1939-й. Год избрания в действительные члены Академии наук Белорусской ССР — 1969-й. Сегодня математику Платонову 34 года, его работами в области теории алгебраических групп интересуются виднейшие специалисты у нас в стране и за рубежом.

С учениками

Кто сказал, что математик — «сухарь»?

«Что же тут непонятного?»

Фото Я. [redacted]

ИЗ МИЛИЦЕЙСКОГО ЖУРНАЛА

Просматривая журналы дежурств в отделении милиции, я обратил внимание на однотипные записи:

«19 февраля. Задержан гр. Иванов. Продавал сальники по 2 рубля при государственной цене 55 копеек».

«21 февраля. Задержан гр. Наседкин. Набрал на заводе бракованные сальники на 102 р. Продавал по 2 р. штука».

«23 февраля. Задержан гр. Щербаков. Скупал сальники у завода «Каучук» и продавал у магазина «Москвич».

— Что такое «сальник»? — спрашиваю.

— Да вон он! — отвечает дежурный. — Только что спекулянта задержали.

На столе лежало колечко. Маленькое резиновое колечко с металлической арматурой внутри и техническим номером снаружи.

Конечно, для читателей, не знакомых с устройством автомобиля, колечко это следовало бы описать более подробно, но в том-то и дело, что, как его ни верти, ровным счетом ничего существенного не обнаружишь. Вот только желобок с одной стороны — для пружинки, как объяснил дежурный. Но пружинку вставить так и не пришлось: в этом «недоукомплектованном» состоянии сальник был вынесен с завода, доставлен к магазину «Москвич» и здесь продавался за 2 рубля при государственной цене 55 копеек.

Да, если бы меня в тот момент спросили, бывает ли что-нибудь, совсем не похожее на дефицитный товар, я ответил бы: «Вон он, лежит на столе дежурного».

Ибо как ни расширяется под напором жизненного опыта круг наших представлений, а все же при слове «дефицит» мы мыслим себе нечто, как бы сказать, именно «дефицитное» — что-нибудь такое, чего либо рыба не родит, либо промышленность освоить не успевает. Но что, скажите, может быть «дефицитного» в этом маленьком, совершенно невзрачном колечке?

В чем же дело? Резины для него нет?

— Почему же, — ответил на мой вопрос главный инженер завода «Каучук». — На сальники у нас резина есть.

— Так, может, арматуры?

— И арматура есть. С запасом.

— Тогда, — использую я третью попытку, — значит, прессов недостает?

— Нет, оборудование простаивает: рабочих не можем найти.

Все ясно, скажет читатель. Знаем. Читали. Если бы эти сальники весили побольше да стоили подороже, завод делал бы их по потребности. А так — ни производить, ни рассылать такую мелочь по сотням адресов предприятию невыгодно.

— Вообще-то да, — соглашается главный инженер. — Но только в данном случае по интересующим вас сальникам мы план выполнили.

МАГИЯ АРИФМЕТИКИ

Теперь отметим вторую особенность этого «дефицита».

Теоретически известно: при неполном удовлетворении спроса на то или иное изделие специалисты обязаны, как они выражаются, «предусмотреть функциональную альтернативу», — например, при нехватке личных автомобилей развивается общественный транспорт, а при отставании швейной промышленности от моды — наоборот, индивидуальный пошив.

На фоне этой теории удивительной особенностью нашего сальника оказывается то, что нигде, кроме как на «Каучуке», его вам не сделают. И хотя с порченым сальником ездить, в общем, можно, ежегодный технический осмотр такие вольности категорически запрещает (масляные пятна на асфальте). И вот автомобиль, который стоит сами знаете сколько, простаивает из-за сальника, который стоит 55 копеек.

Мыслимое ли дело?

Разговор об этом я начал в магазине «Москвич».

— Посмотрите, что делается! — отвечают. — Двери не успеваем чинить — у нас их сносят!

— Да почему же так туго с сальниками?

— Потому что нет поступлений к нам в магазин. Маленькие фонды. Вот этого вашего сальника мы просили 50 000, а нам дали 700 штук.

— А если бы дали 50 000 — хватило бы?

— Может, и хватило бы... По крайней мере в течение недели сальник можно было бы купить. А так их нет круглый год. Они расходятся, как порох.

— Да как же вы рассчитывали эту свою потребность?

— В прошлом году получили, скажем, пять тысяч — в этом просим в десять раз больше. Вообще-то полагается умножать нормы износа детали на количество автомобилей в Москве. Но практически это ничего не дает, потому что товар дефицитный и каждый стремится набрать побольше, просто для того, чтобы лежало.

— Последний вопрос: кто вам срезал заявку?

— Мы посылаем ее на базу Роскультторга. Обратитесь туда.

...И началась «охота» с диктофоном.

На базе даже обиделись, когда я заподозрил, что заявку срезали здесь.

— Ничего мы не срезаем. Мы суммируем. Заявку магазина «Москвич» с заявками других таких же магазинов. Эту сводную заявку посылаем в Росавтотехобслуживание. По сальнику мы заявили им 160.000 штук, а нам дали 7530.

— Так это они срезали заявку?

— ...Нет, мы не срезаем, — сказали в Росавтотехобслуживании, — мы суммируем. Заявку торговли — с заявками ремонтных мастерских. По всем сальникам мы запросили ровно столько, сколько заявили с мест. А нам срезали две трети заявки.

— Кто?

— Союзглававтосельмаш. Головная организация.

...Тут, читатель, надо остановиться. Мы двигались чересчур быстро. За каких-нибудь пять абзацев мы взобрались на вершину громадной организационной структуры, благодаря которой в деле производства и распределения автозапчастей царит не хаос, а относительный порядок. Осмотритесь.

Все ли хорошо понимают технику планирования? Все ли знают, почему заявка магазина направилась сюда, в Союзглававтосельмаш, а не на завод, где делают сальники?

Дело в том, читатель, что отсюда в магазин будет «спущено» то, без чего в наших условиях не может быть никаких сальников, — годовой «фонд», та, условно говоря, денежная сумма, под которую завод впоследствии отгрузит (если не подведет) и сами сальники.

Этот фонд формируется здесь — свыше миллиарда рублей на все автозапчасти механической обработки, а затем начинает делиться, делиться... Так что, когда дело дойдет до магазина, будет уже что-нибудь конец марта (за самый сезон перед техосмотром, январь—февраль, открыт для спекулянтов»), но не в этом суть. А в том, что когда все будет наконец поделено, то в торговом плане напротив имени нашего сальника окажется цифра, которая не будет иметь с заявкой ничего общего.

Потому что ведь и в магазине, как мы видели, не очень точно знали, сколько сальников избранного нами номера требуется покупателям. Там считали заявку на 50 000 штук явно заниженной. Но по мере отдаления от покупателя этот взгляд на моих глазах кардинально менялся: уже в Росавтотехобслуживании я услыхал, что заявка торговли, «наоборот, завышена» («просят потому, что дефицит»), а в Союзглававтосельмаше обнаружилось, что «этим заявкам верить вообще нельзя».

И поскольку ни один даже самый маленький сальничек не может появиться на свет, если его мизерная цена не будет растворена в этом самом миллиарде рублей, мы должны очень ясно понять, как он видится отсюда, из головной организации, соразмеряющей свою деятельность с потребностями одной шестой части суши в целом.

— Есть научно разработанные нормы износа каждой автомобильной детали (на сто машин, например, таких сальников нужно 30 штук в год) — это раз. И нам известен парк автомобилей, по данным ЦСУ, — это два. Мы берем норму, умножаем на парк и получаем цифру. И заказываем Министерству автомобильной промышленности.

— А заявки?

— Заявки мы тоже учитываем, но в основном в пределах норматива.

— Но почему же тогда нет сальников?

— Строго говоря, они есть. Их делается даже больше, чем нужно. Нам удалось, например, договориться с промышленностью о сверхнормативном заказе на 37 тысяч штук.

— Но а магазине?..

— Про магазин сказать ничего не можем. Мы снабжаем фондами только республики. Что происходит дальше, по точкам, знают только они.

— А в вашем нормативе не может быть ошибки?

— Никак не может. Эти нормы научно обоснованы. Они разрабатываются в научно-исследовательском институте. Они утверждены Госпланом. И ежегодно уточняются.

...Вся эта логика обладает мощным потенциалом убедительности, и я сейчас меньше всего хотел бы подвергать ее сомнению. Здесь, в Союзглававтосельмаше, работают квалифицированные специалисты, и если они считают, что планирование «по заявкам» приведет к затовариванию, — возможно, так оно и есть.

Но поскольку я начал с магазина, а кончил тут, то сейчас невольно сравнивал крайние звенья пройденной цепи.

С точки зрения покупателя, отсутствие в продаже сальников казалось почти фатальным. Здесь же считали, что их делается, наоборот, «больше, чем нужно».

Причина такого несовпадения заключалась, видимо, в том, что под словом «нужно» тут понимали чисто техническую потребность. Покупатель же хотел просто знать, что в случае нужды он пойдет и купит себе сальник. А такой уверенности у него, сами понимаете, не было. И потому «арифметическая логика» определения потребности «по норме» очень расходилась с реальными потребностями в сальниках.

Леонид НЕВЛЕР

РЕЗИНОВОЕ КОЛЕЧКО

Откуда берется дефицит? Очевидно, не хватает сырья, материалов, производственных мощностей. А бывает ли дефицит, когда... все это есть? Автор статьи — журналист и социолог — утверждает: да, иной раз бывает...

ОТКУДА ЧТО БЕРЕТСЯ

Однако пора сказать о третьей удивительной особенности нашего случая, уже окончательно разрушающей привычные представления о дефиците.

Ибо что есть «дефицит»? Не та ли это печальная экономическая ситуация, когда товаре, как показывает само латинское название, «не хватает, недостает»?

Теоретически та, но практически сколько я ни спрашивал, сколько ни интересовался у самых компетентных товарищей, а случая, чтобы автомобиль стоял (или был остановлен техосмотром) из-за сальника, никто вспомнить не мог.

Дефицит дефицитом, но все машины ездят, и в каждой, если покопаться, можно найти деталь интересующего нас номера. Вот только очень непросто иной раз выяснить, как она туда попала и сколько стоила.

Поскольку наше контрольное колечко было, как помнит читатель, вынесено с завода «Каучук» («Вы это точно знаете?» — спрашиваю в милиции. «Оно без пружинки, — объясняет дежурный. — Пружинку вставляют на другом заводе»), я пошел по этому следу и вскоре погрузился в проблематику мира, во всем противоположного тому, который открывался с высоты головной планирующей организации.

— Конечно, с заводов мало кто сам продает, — рассказывает мне заместитель начальника ОБХСС Советского района (где находится магазин «Москвич») В. Киселев. — В основном через перекупщиков. Это сильно осложняет нашу работу. Барыга не скажет ведь, что сальник ворованный, говорит: «Купил, а теперь продаю». Тут уличить очень трудно.

— Разумеется, если суммировать все, что продается у магазина, — добавляет заместитель начальника ОБХСС Ленинского района (где находится завод «Каучук») А. Шор, — получится весьма солидная сумма и довольно крупное хищение. Но ведь оно складывается из мелких! А борьба с мелкими хищениями целиком поручена заводской охране, которая, к сожалению, не совсем совершенна. Я не хочу сказать, что сотрудники охраны плохо работают, но вы поймите: эти сальники такие маленькие, положить их в карман ничего не стоит... А работающих так много... Ну и, кроме того, это ведь не завод бриллиантовых изделий, где достаточно серьезная система контроля!

Снова Киселев:

— Заводы нам чаще всего не помогают. [illegible] жить спекулянта [illegible] выгораживают. [illegible] «Сальник [illegible] свалили», — [illegible] привлекать [illegible] сти... [illegible] нать.

...Здесь, [illegible] мы доходим к [illegible] месту [illegible] ния. Ту[illegible] ти остр[illegible] свои д[illegible] во всеми сторонами [illegible].

Когда [illegible] заводе «Каучук» мне [illegible]: «Пожалуйста, [illegible]доточи[illegible]тесь на [illegible] хищениях в общем [illegible] это так [illegible] [illegible] «Нет, [illegible] было по[illegible] [illegible]ерской [illegible] пертизы, [illegible] [illegible] — и вдруг [illegible] ло [illegible], что не с [illegible] надо на[illegible].

Хочу [illegible]: борьбу [illegible] мелкими хищениями [illegible] нать надо, очевидно, [illegible] проходной завода. Т[illegible] в лучшем случае [illegible] [illegible]...

Прежде же [illegible] смотрим на мал[illegible] ния и спекуляцию [illegible] му воспитания [illegible] хологической» [illegible] в сальниках, [illegible] жалению, не [illegible] при планирова[illegible] мер. Форму [illegible] противостоя[illegible] — вопа су[illegible].

Мы [illegible] сальников [illegible] «по плану». На самом [illegible] деле они есть! Однако то, что сделано не «по плану», в магазин попасть не может. То, что сделано не «по плану», попасть может только на «черный рынок».

А значит: «Каучук», хочет он того или нет, вынужден систематически покрывать утечку и еще выпускать столько, чтобы выполнить план.

Вот, очевидно, самая суть проблемы.

ИСКУССТВЕННЫЙ ДЕФИЦИТ

Итак, подведем итоги.

Конечно, мысль, что кто-либо из специалистов, способных найти выход из создавшегося положения, этого почему-либо не делает, — такая мысль может показаться нелепой. И все же, приглядевшись внимательнее, мы обнаруживаем, что именно в нынешнем виде положение не то чтобы «всех устраивает», но както никого особенно не волнует. Нет сальников, но и проблемы как будто бы нет, потому что каждый, кому нужен сальник, его в конце концов достанет, а уж каким способом — об этом не принято говорить.

За время работы над статьей я видел разных специалистов и слышал разные мнения. Одни предлагали организационные меры («Нужен один хозяин — Минавтопром»), другие — экономические («Повысьте цену — не будут набирать лишнего»), но вот чего мне не встретилось, так это эле[illegible] сальников развелись воровство, [illegible] фиктивные [illegible] ки» и [illegible].

Пря[illegible] за на [illegible] как явно [redacted] [illegible] случае не сравнимые [illegible] масштабными государственными задачами, которые [illegible] своем месте) является, [illegible]мо, следствием [illegible] социологиче[redacted] [illegible]сти — не[illegible] [redacted]мания той [illegible] [redacted] играют [redacted] [redacted] жизни общ[redacted] [redacted]м деле.

[redacted]ом же деле, — [redacted]а-то Платон, — [redacted] законов причи[redacted]но тот вред, что, мало-помалу внедряясь, потихоньку проникает в нра[illegible] и навыки, а оттуда, уже в более крупных размерах, распространяется на деловые взаимоотношения граждан...»

Если мы [illegible] на дело с этой [illegible]ально-психологической [illegible] зрения, то без т[illegible] что искусств[illegible] все не [illegible] кажется [illegible].

Саль[illegible] их нет, [illegible] [illegible] [illegible].

[illegible] [redacted], а все эти «нравы и навыки» [illegible] еще... задержатся — [illegible].

«ЕСЛИ БЫ ДИРЕКТОРОМ БЫЛ Я»

Редакция нередко получает письма читателей, ставящие ее сотрудников в тупик. Эти письма полны соблазнительных и увлекательных идей, которые, однако, чуть-чуть опережают время, а иногда и возможности общества. Всегда очень трудно решить, как с такими письмами поступить.

Опубликовать! Но есть вопросы насущнее, гораздо более важные и неотложные. Отослать «по принадлежности» кому-нибудь ведомству! Но и там обеспокоены делами сегодняшними, завтрашними...

И в то же время рука не поднимается просто отвергнуть предложения «рационализаторов-максималистов» — пусть даже спорные, но продиктованные заботой об общих интересах.

Высказывая свое предложение, один читатель начал письмо так: «Если бы директором был я, то немедленно сделал бы вот что». Первую половину этой фразы мы делаем новой рубрикой.

Редакция решила отвести на своих страницах место и для таких писем. Если читатели поддержат выдвинутые идеи, сочтут их достаточно реальными и злободневными, редакция обратится с запросом к тем официальным органам, от которых зависит воплощение этих идей в жизнь.

Итак, сегодня мы публикуем первые два письма и ожидаем мнения о них читателей: присоединяются ли они к предложению! Или отвергают! И по каким мотивам...

ВЕЧЕРНИЙ ТЕЛЕФОН?

Первый факт. У меня нет телефона. И, по заверению телефонного узла, в ближайшие года три не предвидится. Как коренной москвич, я не представляю себе нормальной жизни без него, но что поделаешь, если вот уже больше года, как я переехал в новый район — в Теплый Стан. И по этой причине уже начал забывать звук телефонного звонка. Моя судьба — отнюдь не исключение. На телефонных узлах скопились, наверно, не одна тысяча заявлений.

А [illegible] другой факт: больш[illegible] служебных телефонов [illegible]ит по окончании [illegible]я, часов с 18— [illegible] утра.

[illegible] эти два факта [illegible]думаем: а нельзя [illegible] ключив с вечера [illegible] служебные номера [illegible] в квартирах, [illegible] — вечерний телефон?

Лучше это или хуже, чем отдельный номер телефона? Ясное дело, хуже. А хуже это или лучше, чем совсем без телефона? Конечно же, лучше, неизмеримо лучше. Тем более что из дому и наоборот звонят преимущественно по вечерам — днем все на работе.

Не думаю, чтобы реализация этого предложения, выражаясь казенным слогом, вызвала серьезные технические затруднения. Зато преимущества налицо: на одних и тех же АТС можно будет значительно увеличить число абонентов, получить дополнительную прибыль (ну, понятно, за вечерний телефон брать плату поменьше), а главное — быстрее удовлетворить жаждущих.

И если мое предложение будет принято, то прошу считать меня первым в очереди на вечерний телефон.

М. ХАСИН

[illegible]ТОРОЙ ОТПУСК?

Тот, кто много и активно работает, должен как следует отдыхать — это аксиома. Все чаще медики и немедики поговаривают о том, что было бы хорошо, если бы мы [illegible] отдыхать не один, [illegible] раза в год. Но как [illegible] отпуск [illegible] Страна [illegible] [illegible] [illegible] 15 [illegible] ся [redacted], то [redacted] [illegible] 15—20 [illegible] последнюю [illegible] [illegible]яца, то [illegible] накопить 11 «отгулов» для второго отпуска. Первый же, положенный трудовой отпуск использовать для лечения в санаториях, поездок в дальние края и других видов длительного отдыха.

Нам кажется, к тому же, что работа в последнюю субботу каждого месяца будет полезна государству, так как окажет помощь в выполнении месячных планов. Трудящимся же есть смысл проработать 11 дней в году как бы авансом, чтобы потом отдохнуть во второй раз.

Утай ДЕГУН,
старший экономист
ЦСУ УзССР

ТАШКЕНТ

[illegible]ОСКОВСКИЙ ДОМ КНИГИ
ИМЕЕТ В ПРОДАЖЕ
[illegible] наложенным платежом альбомы и монографии [illegible] деятелей советского искусства:
[illegible]ПРЕЯНОВ ([illegible]). Литературно-художественное [illegible] более 200 репродукций (рисунок, акварель, гравюра, [illegible] книжная графика). «Искусство». 1973. Ц. 9 р. 48 к.
[illegible] (1880—1960). Автор И. С. Кравченко. Более [illegible] (живопись, акварель, рисунок). «Советский [illegible] 1973. Ц. 7 р. 78 к.
[illegible]ДЕВА (1892—1967). 163 репродукции (скульптура, [illegible] Текст на русском и английском яз. «Советский художник». 1973. Ц. 7 р. 40 к.
[illegible]ТРОВ-ВОДКИН (1878—1939). 24 репродукции с [illegible] (живопись). «Советский художник». 1971. Ц. 2 р. 00 к.
[illegible] ИСКУССТВО. 1917—1940. Произведения В. Кустодиева, [illegible] [redacted] [illegible], М. Сарьяна, И. Бродского, [redacted], М. Ал[redacted], В. Мухиной и др. 43 репродукции с аннотациями (живопись, графика, скульптура). «Изобразительное искусство». 1973. Ц. 1 р. 64 к.
Заказы направляйте по адресу: 121019, Москва Г-19, просп. Калинина, 26. П/я 42.

С МАМОЙ И С ПАПОЙ...

Фото А. МОЧАЛИНА, В. ЛИОВСОНА

Уважаемая редакция!

В последнее время в печати появилось много статей о семье, об отношениях между мужем и женой, о разводах. Называли разные причины распада семей: и пьянство, и измены, и «не сошлись характерами», а главную, на мой взгляд, все-таки позабыли. Я имею в виду — как вы теперь выражаетесь — «планирование семьи». Раньше женщина знала: ее дело — дети (вспомните Наташу Ростову — плохо ли?). На мужчине лежала ответственность за то, чтобы их прокормить, а значит, и вырастить. Бросить большую семью было трудно, нынешнюю — легко. Вы подумайте только, что происходит: у нас в Азербайджане, куда модные веяния доходят позже, чем в РСФСР, на Украину и в Прибалтику, женщины из сел начали ездить в город к врачам за советом: «Не хочу больше детей...»

Что же получается? Основная цель семьи — деторождение — как бы отделяется от интимной жизни супругов? Может быть, это и есть «сексуальная революция», о которой теперь тоже стало модно говорить вслух? Правда, происходит она на Западе, но мне кажется, что подобное словосочетание вообще нельзя употреблять. Недавно прочел в журнале «Вопросы философии» статью о демографической революции и насколько понял — это тоже как-то связано со снижением рождаемости.

Как относиться ко всему происходящему? Что такое демографическая революция? Почему это называется революцией?

На вопросы, поставленные в письме, редакция попросила ответить одного из видных советских демографов А. Г. Вишневского.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ДОБРО ИЛИ ЗЛО?!

А. ВИШНЕВСКИЙ,
кандидат экономических наук

ДОЛЬШЕ ЖИЗНЬ, МЕНЬШЕ ЖИЗНЕЙ

Дети... Рожать их или не рожать, сколько родить и когда? Прежде таких вопросов для супругов не существовало. Сколько бог пошлет — столько и хорошо. А умрут: бог дал — бог взял. Религия, мораль, общественное мнение требовали предоставлять все естественному ходу вещей. И это было объективно оправдано. Почему?

В течение тысячелетий люди не умели противостоять смерти. Большинство умирало от внешних причин. Например, от инфекционных болезней. Частые вспышки голода и эпидемии «косили» всех подряд, не считаясь с возрастом. Смерть поражала человека задолго до того, как исчерпывалась его естественная жизнеспособность. Если бы этого не было, каждая тысяча родившихся могла бы прожить, грубо говоря, 80—85 тысяч человеко-лет. Фактически же использовалось в лучшем случае 35—40 процентов отпущенного природой лимита. Высокая смертность делала необходимой высокую рождаемость — иначе нельзя было бы обеспечить непрерывность человеческого рода.

Этот так называемый примитивный тип воспроизводства населения вплоть до относительно недавнего времени господствовал во всем мире. Демографическая революция кладет ему конец.

Первый признак демографической революции — это резко возрастающий контроль над смертностью: общество становится много богаче: наука, а в упрощенном виде — и каждый человек начинают понимать причины смерти, методы борьбы с ними. Банальнейшая заповедь «мойте руки перед едой!» стала банальной не так уж давно. В начале прошлого века руки не мыли даже хирурги, шедшие на операцию. Теперь основные причины ранних смертей оказались под контролем, и в наше время каждая тысяча родившихся использует примерно 70 из потенциально возможных 80—85 тысяч человеко-лет жизни, то есть свыше 80 процентов.

Второй: меняется характер социального контроля над демографическим поведением семьи. Поскольку необходимость в прежней высокой рождаемости отпала, возникла объективная основа для того, чтобы семья получила определенную свободу выбора — смогла сама решать вопрос о числе детей и планировать время их появления. В большинстве случаев она отреагировала на новую ситуацию тем, что снизила число рождений. Но, вопреки широко распространенному представлению, это в известном смысле вовсе не означает, что в среднем ей приходится воспитывать и растить много меньше дочерей и сыновей и темпы роста населения резко падают. Вовсе нет. В новых условиях рождение двух-трех детей, с точки зрения воспроизводства населения, равнозначно 5—7 рождениям до начала демографической революции. Если еще в начале века каждые сто женщин в России, чтобы обеспечить себе простую замену в следующем поколении, должны были произвести на свет в среднем 430 детей, то сейчас для получения того же результата достаточно иметь 220. Воспроизводство населения становится, если можно так сказать, несравненно более рациональным, экономичным, чем когда-либо в прошлом.

Таким образом, демографическая революция заключается в замене одного исторического типа воспроизводства населения другим. Где бы ни начался этот процесс, он занимает многие десятилетия, а в мировом масштабе и столетия. Но на фоне тех тысяч лет, на протяжении которых тип воспроизводства населения оставался неизменным, демографическая революция представляет собой стремительный переворот. Например, средняя продолжительность жизни, которая за всю предыдущую историю человечества выросла самое большое на 10—15 лет, буквально на наших глазах увеличилась не менее чем на 35 лет.

У КОЛЫБЕЛИ

Возможность самому решать вопрос о числе детей впервые у человека появилась в конце XVIII века. А еще через столетие уменьшение количества смертей и рождений стало видно почти «невооруженным глазом». Впереди других стран шла Франция. Лишь много позже снижение рождаемости охватило Англию, скандинавские страны, другие государства Западной Европы.

А Россия? И здесь в начале века было зафиксировано снижение смертности, а в пяти губерниях на северо-западе страны и коэффициент рождаемости опустился ниже 30. Но в целом по стране на тысячу жителей в 1913 году появлялось на свет 47 человек, умирало свыше 30.

По-настоящему демографическая революция развернулась у нас только при Советской власти. Она была теснейшим образом связана с превращением страны из аграрной в индустриальную, с изменением экономической и социальной структуры общества, развитием здравоохранения, а также с той революцией «в области брака и половых отношений... созвучной пролетарской революции», о которой говорил Ленин.

Новый тип воспроизводства населения распространялся по территории страны неравномерно. И это понятно. Разные народы в царской России находились на различных этапах экономического и культурного развития. Постепенно районы начали «подравниваться», и сейчас можно сказать, что первая фаза демографической революции, связанная с установлением контроля над смертностью, ее быстрым снижением, пройдена в нашей стране повсеместно.

Иначе обстоит дело со второй фазой — с переходом семьи к регулированию числа детей. В республиках Средней Азии, в Азербайджане, в Казахстане (у казахского населения), в некоторых национальных автономиях РСФСР уровень рождаемости, особенно у сельского населения, все еще высок. Это связано с известной устойчивостью некоторых традиционных форм жизни и быта. Однако путь развития один, и несомненно, что все республики пройдут его в течение ближайших десятилетий.

Как же следует относиться к демографической революции? Однозначно: это прогрессивный переворот, и его историческая оценка может быть только положительной. Однако у читателей, следящих за публикациями на демографические темы, столь категорическое заявление может вызвать недоумение. В печати часто звучит беспокойство по поводу снижения рождаемости, а оно неразрывно связано с демографической революцией, которая оценивается положительно. Не противоречит ли одно другому?

Нет! В начале века у нас рождалось в среднем 45 и более детей на тысячу жителей, в начале 70-х годов — менее 18. Большая часть этого огромного снижения объективно оправдана. Никто не стремится к тому, чтобы женщины, как в старину, имели по 5—7 и более детей. Беспокойство вызывает лишь последний участок падения, когда число детей в большинстве семей опустилось ниже трех.

Однако этот низкий уровень рождаемости не есть непосредственное следствие демографической революции. Она не требует какого-то определенного уровня рождаемости, и ее завершение не означает, что этот уровень должен стать минимальным. Завершение демографической революции предполагает только, что основная масса семей переходит к свободному регулированию числа своих детей. Размер семьи сообразуется теперь не с традициями, обычаями или требованиями религии, а с интересами жены, мужа, детей, общества в целом. Наконец, с жизненными обстоятельствами. В одних конкретных условиях свобода выбора может привести к очень низкой рождаемости, в других — к более высокой. Но прямого отношения к демографической революции это уже не имеет.

ВЗРЫВ

В особом положении, как известно, находятся развивающиеся страны. Большинство из них вступило в первую фазу демографической революции и добилось известных успехов в снижении смертности. Уже сейчас, по словам известного французского демографа А. Сови, «цейлонский младенец находит в своей весьма скромной колыбели среднюю ожидаемую продолжительность жизни большую, чем та, которая ждала в свое время генерала де Голля и даже Брижитт Бардо». Тем не менее смертность в «третьем мире» остается высокой. В то время как в экономически развитых странах средняя продолжительность жизни составляет 70 и более лет, у населения Индии, Индонезии, Бирмы она существенно ниже пятидесяти, во многих же районах Африки не достигла еще сорока лет.

Что же касается второй фазы демографической революции, то она здесь только-только начинается, и к тому же далеко не во всех странах. Внутрисемейное регулирование рождаемости еще не получило широкого распространения. Уровень рождаемости остается очень высоким. Со временем ситуация изменится, демографическая революция в «третьем мире» произойдет полностью, но темпы ее развития во многом зависят от того, насколько быстро и успешно будут совершаться здесь социально-экономические преобразования.

Замедленное развитие демографической революции в «третьем мире» — главная причина мирового «демографического взрыва». Этот «взрыв» — явление не новое и в известном смысле закономерное. Однако многие все-таки плохо представляют себе его суть.

Замена старого типа воспроизводства новым не может произойти сразу. Какой-то период — он бывает порой довольно длительным — контроль над смертностью устанавливается, а уровень рождаемости остается прежним. Иначе говоря, умирает людей мало, а рождается еще много — в результате резко ускоряется рост населения. Это и есть «демографический взрыв». Длительность периода, отделяющего снижение рождаемости от снижения смертности, может быть различной, она зависит от ряда конкретных исторических факторов. Поэтому и мощность «демографического взрыва» в разных странах и в разные периоды не одинакова.

Например, во Франции рождаемость начала снижаться тогда же, когда и смертность, поэтому Франция не знала [illegible] «демографического взрыва». В Англии была другая ситуация. То, что необходимо мыть руки перед едой, здесь поняли на сто лет раньше, чем установили контроль над рождаемостью. Это различие привело к тому, что население Франции увеличилось за прошлое столетие немногим более чем на 40 процентов, тогда как в Англии — почти в [illegible] раза. Европейский «демографический взрыв» начался в середине прошлого века и привел к тому, что население зарубежной Европы за [illegible] на 300 миллионов человек, то есть вдвое. И это несмотря на две мировые войны, стоившие населению Европы десятков миллионов человеческих жизней, и на эмиграцию за океан не менее 50—60 миллионов человек.

Европейский «демографический взрыв» прекратился в первой половине XX века — в результате резкого и очень быстрого падения рождаемости. Но вторая половина нашего столетия принесла миру новый «взрыв», и притом гораздо большей мощности. В зарубежной Европе в 1850 году проживало всего 15—20 процентов населения мира, современный же «демографический взрыв» охватил примерно 70 процентов человечества. Не удивительно, что население земного шара, составлявшее в 1900 году 1,6 миллиарда человек, к 1970 году увеличилось на 2 миллиарда.

ВЫИГРЫШ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

С небывалым ростом населения в немалой степени связаны те экономические, социальные, экологические проблемы, с которыми сталкивается во второй половине XX века все человечество, в особенности же страны «третьего мира». Ведь именно в них в первую очередь происходит рост населения. С другой же стороны, как раз они меньше всего к нему подготовлены. Вот почему многие ученые считают желательным скорейшее прекращение «демографического взрыва». Но последствия демографической революции ни в коем случае не следует сводить только к нему. Они гораздо шире, многообразнее, универсальнее.

Вспомним классическую литературу прошлого. Безутешный вдовец, чья жена умерла родами; несчастная мать, у которой болезни унесли всех ее детей; молодая вдова; ребенок, оставшийся без родителей, девушка, умирающая от чахотки, — таковы ее типичные персонажи. В скольких романах внезапная смерть расстраивала планы героев или, наоборот, выручала их, разрывая узы тягостного брака либо принося неожиданное наследство! В скольких трагедиях служила она роковым финалом, несла возмездие злодеям или вечный покой страдальцам!

Иной раз и теперь писатели пытаются прибегнуть к испытанному приему, но не тут-то было. Жизнь, к счастью, не дает необходимого материала. Как найти теперь, в мирное время, круглого сироту, чтобы писать с него Оливера Твиста или Тома Сойера, как кончить историю бедной Лизы или Базарова, как освободить от первой жены высоконравственного князя Андрея?

Пожалуй, писателям стало труднее после того, как они лишились возможности повсюду использовать вмешательство смерти для кардинального решения сюжетных коллизий.

По замечанию одного французского историка, в прежние времена подобно тому, как кладбище находилось в центре селения, смерть находилась в центре жизни. Теперь смерть потеряла свое центральное место в жизни людей. Этот переворот имел громадное значение. Человек-работник — главный элемент производства. Снижение смертности резко повысило «прочность» этого элемента, его долговечность, надежность, эффективность. Победа над преждевременной смертью стала одним из истоков формирования активности современного человека, преодолевшего свойственную средневековью психологию пассивности и покорности, дух мистицизма, [illegible] неотвязные memento mori прошлых эпох.

А женщина? Вся ее жизнь проходила в беременностях и родах, в кормлении грудью и нянченье детей — но как часто смерть сводила на нет все труды! «Нас было девять человек детей, — повествует герой «Капитанской дочки». — Все мои братья и сестры умерли во младенчестве».

Теперь же смерть ребенка — редкость, более 90 процентов всех родившихся доживают до 20-летнего возраста, так что женщина, родив двух-трех детей, почти наверняка вырастит их всех. Сколько времени, сил, духовной энергии высвобождается у нее, сколько новых возможностей перед ней открывается — и отнюдь не в ущерб материнству!

Конечно же, демографические процессы имеют ярко выраженную социальную окраску. Они не одинаково протекают в социалистических и капиталистических странах, развитых и развивающихся. На решение проблем народонаселения влияют условия труда, способ общественного производства, уровень жизни, культуры, традиции. Например, нигде в мире смертность не отступала так быстро, как в нашей стране, в условиях социализма. В свою очередь раскрепощение женщины, привлечение ее к активной политической и экономической жизни также сыграло роль в изменении демографической ситуации. Не может быть внеклассового подхода в такой области науки, как демография, которая теснее многих других связана с жизнью людей.

Мы часто говорим: наша сегодняшняя жизнь была бы немыслима без электричества, без автомобиля. Задумаемся на мгновение: а была бы она мыслима, если бы сохранился старый тип воспроизводства населения? Могли бы, скажем, существовать современные большие города, если бы люди не научились бороться с эпидемиями и инфекционными болезнями? Возможна ли была бы современная система образования, если бы огромная часть людей умирала, даже не доучившись или вскоре после того, как окончено 10—15-летнее учение? Возможно ли было бы равноправие мужчины и женщины, если бы женщина большую часть жизни была привязана к колыбели? А если нет, то возможно ли было бы современное общество?

Демографическая революция совершается бесшумно и может долгое время оставаться незамеченной или неосознанной. Но от этого ее историческое значение не становится меньшим. Воспроизводство населения — важнейшая сторона жизни общества. Демографическая революция приводит характер этого воспроизводства в соответствие с новыми техническими, экономическими и социальными условиями, которые оказались столь же несовместимы с примитивным типом воспроизводства населения, как, скажем, с системой натурального хозяйства. В этом и состоит смысл демографической революции, ее главный положительный результат, тот бесспорный выигрыш, который она несет человечеству.

КОММЕНТАРИЙ К СТАТИСТИКЕ

НОВОРОЖДЕННЫХ СТАЛО БОЛЬШЕ

В. ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ,
кандидат экономических наук

СКАЖУ откровенно: демографы радовались, когда их прогнозы начали оправдываться — в 1970 года число рождений в СССР стало снова увеличиваться. Динамика рождаемости была такой:

	Число рождений	Коэффициент рождаемости (рождений на 1000 чел.)
1960 год	5341 тыс.	[illegible]
1965 »	[illegible] »	18,4
1969 »	[illegible] »	[illegible]
1970 »	[illegible] »	17,4
1971 »	4372 »	[illegible]
1972 »	4404 »	[illegible]

Небольшой, но рост! Объясняется он структурой населения СССР: велика доля тех, кто родился в пятидесятые годы. Сейчас женщины рождения начала пятидесятых годов становятся невестами, выходят замуж, обзаводятся первыми младенцами. А в войну детей рождалось мало. Сегодня дети военных лет перешагивают свой тридцатилетний рубеж, на который рождаемость у женщин уже сравнительно низка.

Однако неожиданность все-таки встретилась. Коэффициент рождаемости в 1972 году остался таким же, как в предшествующем, в то время как он, казалось, непременно должен был повыситься. В последней трети 1972 года и число рождений было значительно меньше, чем в те же месяцы 1971 года, в то время как в первые месяцы года — много больше. Последние сведения за 1973 год еще не опубликованы, однако можно ручаться, что детей родилось не больше, чем в 1972-м. Об этом можно судить по некоторым косвенным данным: по времени достижения страной 250-миллионного рубежа, количеству браков и т. п. В 1972 году свадеб было на 126 тысяч меньше, чем в 1971 году. Особенно в конце года — с октября по декабрь 1972 года браков было заключено на 76 тысяч меньше, чем за те же месяцы предыдущего года.

В стране есть обширные районы — целые республики, из них две — самые крупные, где малышей стало гораздо больше! Коэффициент рождаемости в 1972 году был выше, чем в 1971-м, в РСФСР, на Украине и в Молдавии. Но ниже — во всех остальных республиках. Особенно заметно снизился он во всех среднеазиатских и двух закавказских республиках, то есть как раз там, где прежде рождаемость была особенно высока.

Коэффициент рождаемости	1971 г.	1972 г.
Узбекистан	34,8	33,2
Киргизия	31,6	30,5
Таджикистан	36,8	35,3
Туркмения	34,7	33,9
Азербайджан	27,7	25,0
Грузия	19,6	18,0

Хотя население этих республик сравнительно невелико, большое снижение здесь коэффициента рождаемости уравновесило повышение его с 15,1 до 15,3 — в РСФСР, с 15,4 до 15,5 — на Украине.

Впрочем, в некоторых районах Российской Федерации рождаемость тоже снизилась — в автономных республиках с традиционно высокой рождаемостью. В Дагестане — с 28,4 — до 27,2, в Чечено-Ингушетии — с 21,3 до 20,1, в Кабардино-Балкарии — с 19,8 до 18,2.

По единодушному мнению демографов, это означает быстрый переход к принципиально иному типу воспроизводства населения, переход, который раньше всего обнаружился в Азербайджане и начался теперь в республиках Средней Азии. Таким образом, районы низкой рождаемости и районы высокой идут навстречу, к среднему показателю.

В конечном счете численность населения в стране будет зависеть в ближайшие годы от демографического поведения тех, кому сейчас от 12 до 26 лет, то есть тех, кто родился в 1947—1961 годах.

Посмотрим, что говорит статистика о рождаемости в старших возрастах этой группы.

Коэффициент рождаемости в возрастных группах от 20 до 25 лет и от 25 до 30 лет в последние годы несколько увеличился. Однако наивысшие показатели — в возрастах от 23 лет до 26-ти. В 1972 году 26 лет исполнилось тем, кто родился в 1946 году, 25 — родившимся в 1947 году, когда рождаемость резко повысилась.

Родившиеся в послевоенные годы пока что обзаводятся преимущественно первым ребенком, значительно реже — вторым. Однако одного ребенка имеют почти все женщины, двух детей — тоже многие, но уже не все. Статистика станет яснее, когда родившимся после войны придет время обзаводиться третьим ребенком. Пока что среди всех новорожденных увеличивается доля и первых, и вторых детей, в то время как доля третьих и последующих падает. Если в середине 1960-х годов третьи и последующие дети составляли тридцать восемь процентов всех родившихся, то в 1972 году — только двадцать девять. Может быть, сказывается молодость наиболее многочисленного поколения матерей.

Интересно, что в 1972 году уменьшились, по сравнению с предыдущим годом, число и доля третьих — седьмых детей, но увеличилась доля восьмых — десятых. Это означает, что в некоторых местах, особенно в селах Средней Азии, среди женщин в возрасте за тридцать лет еще мало было распространено внутрисемейное регулирование.

Какие другие новости сообщает статистика?

Меньше всего рождений в Латвии, больше всего — в Таджикистане.

Матери стали моложе. Если в предвоенные годы 46 процентов детей рождалось у матерей, которым было больше 30 лет, то в 1971—1972 годах — только 30 процентов. Для экономии места и большей наглядности составим еще одну таблицу.

Родилось детей на 1000 женщин

Возраст матери	1960—1961 гг.	1971—1972 гг.	1971—1972 гг. в % к 1960—1961
до 20 лет	35,2	32,4	92
20—24	164,8	173,9	106
25—29	160,7	137,1	85
30—34	110,0	84,3	77
35—39	60,7	49,4	81
40—44	23,5	14,6	62
45—49	4,8	2,0	42

Очевидно, что все большая доля женщин удовлетворяется двумя и даже одним ребенком.

Уменьшение числа детей в семье будет, вероятно, продолжаться. Особенно из-за перехода Закавказья и Средней Азии к новому для них типу рождаемости, подобному тому, который сложился в России, на Украине и в Прибалтике.

По переписи 1970 года, у нас оказалось гораздо больше неженатых мужчин в возрасте от 25 до 50 лет, чем по переписи 1959 года. Только половина разводящихся мужчин (по 650 тысяч разводов в последние годы) создает вторую семью.

Направление демографического развития в самое последнее время еще более настоятельно требует усиления поощрительных мер в области рождаемости. От этого в значительной мере будет зависеть, останется ли период 1972—1973 годов лишь «зигзагом» на пути долговременного повышения числа рождений и коэффициента рождаемости. Экономические успехи определяющего года пятилетки увеличат возможности целенаправленного воздействия нашего общества на демографические процессы.

ПЕРИСКОП «ЛГ»

США... ФРГ... Англия...

Около пяти миллионов американцев — безработные. В их числе — квалифицированные рабочие, бывшие военнослужащие, ученые, инженеры...

В очереди за пособием по безработице в Сан-Хосе (штат Калифорния) немало людей с высшим образованием.

АДН—ТАСС

Представители различных кругов западногерманской общественности решительно осуждают дискриминацию граждан страны за политические убеждения. Они требуют отменить реакционное постановление премьер-министров земель ФРГ, запрещающее прием на государственную службу коммунистов и других демократов.

ТАСС

Английские студенты требуют увеличения расходов на нужды просвещения. Бывшее правительство тори резко сократило эту статью бюджета.

«Морнинг стар»

Моника ВАРНЕНСКА, польская писательница

УЛИЦА КАМ ТХИЕН

ХАНОЙСКИЙ РЕПОРТАЖ

Не так давно я побывала на берегах Ладожского озера: шла по следам героических событий обороны Ленинграда. С волнением вглядывалась в водную гладь озера, по которому проходила известная всему миру «Дорога жизни». А вскоре после этого снова прилетела в Ханой.

В последний раз я была здесь в конце 1972 года. Помню, вышла на знакомом аэродроме Зялам среди разрушенных зданий, на кое-как «заштопанной» взлетно-посадочной полосе. Вокруг аэродрома простирался большой жилой район, и дым стоял над страшными руинами. Среди них сновали люди, пытавшиеся спасти хотя бы малую часть своего имущества. Над вьетнамской столицей царила странная, беспокойная тишина. Она была зловещей, как затишье перед бурей, как перерыв между двумя ударами грома...

И действительно: на следующий день, еще перед рассветом, снова завыли сирены тревоги. А поздним вечером во время одного из сильнейших воздушных налетов оказалась полностью разрушенной улица Кам Тхиен. Название ее облетело весь мир, став еще одним символом вьетнамской трагедии.

И вот я снова на этой улице. Да, это она, Кам Тхиен. В последние дни 1972 года я часто бывала на ней. Тогда здесь откапывали людей, погибших под развалинами домов. Тогда здесь зловеще грохотали разрывы бомб и доносился пронзительный, разрывающий сердце плач детей...

Сегодня трудно поверить, что с тех пор прошло немногим более года. Оживленное движение. Играют и бегают ребятишки. Торговки сувенирами, фруктами и цветами громко зазывают покупателей. Уцелевшие фасады старых зданий покрыты надписями с пожеланиями счастья и благополучия дому, на котором они укреплены.

На том месте, где спасательные бригады откапывали из-под развалин заживо погребенных людей, воздвигнут памятник, напоминающий о страшной трагедии улицы Кам Тхиен. Бессменную вахту при нем несет старик с реденькой седой бородкой — ветеран двух вьетнамских войн. Вскоре после подписания Парижских соглашений на этом самом месте был поставлен временный деревянный обелиск. В дни празднования «Тет» — Нового года по вьетнамскому лунному календарю — люди приносили сюда цветы и зажигали ритуальные ароматические тростинки. Теперь здесь высится каменный памятник с бронзовой кадильницей, сплошь обрамленной живыми венками. В моей памяти оживает памятник на «Дороге жизни» около Ленинграда.

Первый этаж ближайшего кинотеатра стал местом постоянной выставки, открытой по случаю годовщины трагедии Кам Тхиен. Я осматриваю ее экспонаты: окровавленная одежда и полуобгорелые детские игрушки, остатки инструментов ремесленников и личные документы людей, которых уже нет в живых. Укладываясь спать в ту ночь, они не могли знать, что никогда не проснутся...

Брожу по переулкам, примыкающим к Кам Тхиен. Сегодня еще кое-где видны остатки разрушений. Еще не все женщины сняли с головы белые повязки (белый цвет — знак траура во Вьетнаме. — Ред.). Но всюду уже видны новые дома, новые стены и бамбуковые стропила, на которые укладывают красную черепицу.

На ханойских озерах появились лодки, в прибрежных чайных домиках опять полно людей, из дверей кинотеатра высыпала толпа зрителей... С большой нагрузкой работают все пять столичных театров. Уличные индивидуальные убежища — бетонные колодцы с металлическими крышками — ликвидированы. И только едва заметный круг на краю тротуара напоминает о том, что когда-то здесь прятались люди.

Поблизости от Ким Лиен — места, хорошо известного советским людям, посещающим Ханой (в отеле «Ким Лиен» живут специалисты из СССР, приехавшие для оказания помощи ДРВ), раскинулся новый район — Чунг Ту. Год назад здесь расстилалась болотистая равнина, вспаханная бомбами. Сейчас я увидела обширный жилой район: уже возведено пять пятиэтажных корпусов, построенных из сборных конструкций, а вскоре будут сданы еще пять таких же. К середине 1976 года тут будут жить 17 тысяч ханойцев. Кроме жилья, возводятся школа, детсад, амбулатория, магазины. Все дома и общественные здания приспособлены к местным условиям, потребностям и привычкам населения. Проектировали их вьетнамские архитекторы, консультировали — советские специалисты. Подъемные краны, машины и оборудование для нужд строительства поставлены Советским Союзом и Польшей.

Тот, кто сейчас впервые видит Ханой, залитый [illegible] солнечным светом, [illegible] полный оживленного [illegible] гомона, не может представить себе, что совсем недавно [illegible] и война угрожала ей полным уничтожением. Но она выстояла и победила.

Утро в Ханое, [illegible] Малыши из детсада вместе с молодой воспитательницей выполняют нехитрые гимнастические упражнения.

Вечер в Ханое. По восстановленному мосту Лонг Биен, соединяющему берега Красной реки, тянется вереница автомашин. У подъездов домов вспыхивают яркие фонари. Несколько пожилых людей уселись вокруг низенького стола в уличном ресторанчике и о чем-то оживленно беседуют, смеются...

На пороге одного из домов стоит красивая девушка. Я гляжу на нее, но она не замечает меня: вся поглощена чтением только что полученного письма. Нет надобности спрашивать, от кого оно...

Трудный, очень трудный мир. Мир, который требует напряженнейшей работы. Мир, с которым людям после стольких лет тяжкой вооруженной борьбы непросто освоиться. Но непривычное для этой исстрадавшейся страны слово «мир» прочно входит в жизнь, чтобы уже никогда не покинуть ее.

ХАНОЙ, март

КИТАЙ СЕГОДНЯ

КАК МАОИСТЫ ДОБИВАЮТСЯ «БОЛЬШОГО ПОРЯДКА»

Мы перепечатываем с некоторыми сокращениями из болгарского еженедельника «Антени» статью Димо Илиева, рассказывающую о сегодняшнем положении в Китае.

КОНЕЦ ПЕРЕДЫШКИ

«Громкие «ура!» культурной революции, лозунги, мессианский пыл, публичное унижение еретиков — все это осталось позади. Ничто не производит в Пекине такого сильного впечатления на посетителя, как возврат к нормальной жизни, практицизм и чувство расслабленности, если это можно себе вообразить в такой стране. В самом деле, может показаться, что никогда не было устрашающих потрясений 1966—1969 годов, преследовавших цель «изменить души» людей».

Так писал о Китае канадский журналист Марк Гейн в американском журнале «Форин афферс» в начале 1973 года. Подобную точку зрения высказывали и другие обозреватели, расписывавшие на все лады «великий ветер исправления», «великое умиротворение», самокритику Китая. Они утверждали: объективная необходимость заставляет Пекин возвращаться к методам и формам, которые существовали до «культурной революции», даже если для этого требуется отойти от некоторых маоистских постулатов. Но прошло менее года — и вот снова знакомые звуки гонгов и барабанов, массовые сборища и «собрания критики», воинственные дацзыбао времен хунвэйбинов. Кое-где, например в Шанхае, несколько дней не прекращались манифестации, были прерваны занятия в учебных заведениях, застывал транспорт на главных магистралях.

Примечательно, что в самом Пекине, где немало иностранцев, митинги и собрания проходят тайно — за стенами учреждений и закрытыми воротами стадионов. Иное дело — периферия, куда запрещен доступ чужакам; здесь борьба иногда выплескивается наружу. В ряде мест она приобретала характер вооруженных столкновений, например в Ухани, где конфликт, возникший в связи с перетасовкой командующих военными округами в канун Нового года, завершился перестрелкой.

После некоторого перерыва вновь последовали нападки на культурное наследие прошлого, ожесточенные наскоки на Бетховена, Шуберта, Моцарта. А ведь сравнительно недавно в Китае их произведения исполняли симфонические оркестры Лондона, Вены и Филадельфии. Снова порицают знаменитый роман «Сон в красном тереме», хотя сам Мао, по свидетельству Го Мо-жо, прочитал его пять раз.

Года два-три назад в прессе проскальзывали мысли о том, что успехи в учебе и производственный стаж не менее важны, чем одна только абсолютная преданность «идеям Мао». Сегодня на первое место вновь безусловно ставится «политическая благонадежность» и лишь потом — знания и практический опыт.

Многие специалисты-синологи склонны интерпретировать происходящие в стране события как очередной раунд «культурной революции», предвестник новых крупных потрясений и перемен в высших сферах партийно-государственного аппарата Китая. Печать с упорным постоянством повторяет слова Мао Цзэ-дуна о том, что «культурная революция» «совершенно необходима» и «чрезвычайно своевременна». В обиходе забытые было маоистские тезисы: «бунт — дело правое», «без разрушения нет созидания», «не бояться большого беспорядка, так как без него нельзя установить большого порядка». Помнится, с таких же примерно призывов начинался душным летом 1966-го разгром партии, комсомола, профсоюзов, всех массовых организаций.

По аналогии с прошлым, необразованным юнцам рекомендуют обличать «деспотизм» преподавателей и хулить родителей. Соответствующие ругательные дацзыбао кое-где заполонили стены школьных классов и коридоров.

Дух «культурной революции» мало-помалу просачивается и в деревню. Газеты обрушиваются на тех работников, которые недостаточно активно внедряют в сельской местности «образцовые спектакли», допуская вместо этого постановку «старых» народных зрелищ; в печати усиленно даются рекомендации по развертыванию кампании «критики Линь Бяо» в коммунах. Расхваливаются «плоды культурной революции» на селе, практика насильственного выдворения миллионов горожан в отдаленные районы, укрепление и развитие «школ 7 мая», института «босоногих врачей». Осуждается стремление поощрять рост производительности труда с помощью материального стимулирования, раздаются требования проводить в деревне жесткую линию на ликвидацию материальной заинтересованности, как «вредного поветрия экономизма».

Замысел Пекина — поддержать миф о маоизме как единственно правильном для Китая пути. Навязывание стране очередного гигантского общественного потрясения обусловливается неустойчивостью нынешнего режима. Маоисты отдают себе отчет в том, что без перманентных политических чисток, без перетрясок и прочесывания всего общества им не удастся остановить рост оппозиционных настроений среди широких слоев, заглушить недовольство населения зигзагами политических экспериментов бюрократической верхушки, одолеть нежелание тружеников примириться с уготованной им участью послушных роботов и «винтиков».

Официальная пропаганда оправдывает новые чистки необходимостью подготовки к войне и голоду, криками о «грозящей опасности с Севера», заклиная добровольно пойти на лишения и на смерть. Идя по стопам китайских богдыханов, считавших, что существование внешнего врага способствует сплочению ханьской нации и что если такого врага нет, его надо выдумать, маоисты постоянно внушают населению мысль о «советской угрозе». В стране нагнетается массовый антисоветский психоз, изобретаются все новые импульсы для антисоветизма.

Широкой политической борьбе, ведущейся сейчас в Китае под видом «критики Линь Бяо и Конфуция», центральная печать уделяет такое внимание, как никакой другой теме за последние несколько лет. «Жэньминь жибао» ежедневно отводит две полосы из шести для критики этих двух «архизлодеев». Соответствующие комментарии пекинского радио и телевидения настолько пространны, что вытесняют все иные программы.

КТО ЖЕ «ЖИВЫЕ МИШЕНИ»!

Один из излюбленных терминов китайской пропаганды — это выражение «живые мишени». Так называют разоблаченных или разоблачаемых «внутренних врагов».

Кто же попадает в разряд «живых мишеней»?

Как считает иностранная пресса, объектом новых репрессий являются работники, занимающие ответственные посты и оказывающие, по мнению маоистов, сопротивление проводящемуся в стране курсу. Первые поиски «козлов отпущения» уже налицо: недавно в Пекине сообщили об освобождении от занимаемых должностей ответственных работников управления радио и телевидения КНР за то, что они якобы недостаточно активно участвовали в кампании «критики Линь Бяо и Конфуция».

В целом же по стране под дымовой завесой борьбы с «ревизионизмом», который на данном этапе считается главной опасностью, происходит очередное завинчивание гаек и затягивание поясов. Народ посадили на маоистскую диету. Лозунги дня — «Больше есть, выполняя какую-либо работу, и меньше есть, находясь дома», «Экономить и накапливать зерно даже в тех районах, где на душу населения его приходится мало». Отвергаются требования повышения жизненного уровня, как «абсурд в духе Линь Бяо». «Надо думать исключительно о будущем прогрессе Китая, а не о собственных нуждах», — так оправдывает «Жэньминь жибао» политику принесения в жертву интересов трудящихся.

Жизнь в Китае строго регламентирована. Нельзя выбирать себе специальность или факультет — за тебя решают. Нельзя поехать в другой уезд или провинцию без позволения властей. Труженики фактически лишены отпусков. Накануне самого популярного в стране праздника Весны власти рекомендовали населению отказываться от свадебных торжеств, приглашений гостей, подарков молодоженам.

Интеллигенция снова — одна из первых жертв травли и преследований. «Среди профессорско-преподавательского состава политехнического института Цинхуа и Пекинского университета, — читаем мы в журнале «Хунци», — те, кто успешно освоил марксистскую теорию и твердо стоит на пролетарских позициях, все еще составляют меньшинство. Мировоззрение у большинства преподавателей буржуазное, хотя они желают служить народу». Как тут не вспомнить канун первой «культурной революции», когда маоисты заявляли, будто шея и туловище у большинства китайских интеллигентов — при социализме, в то время как голова — при капитализме!

Фундамент для расправ с инакомыслящими заложен в виде так называемого городского ополчения. Вопреки утверждениям китайской прессы, будто главная функция ополчения — подготовка к отражению внезапного нападения извне, его предназначение в другом. Ополчению отводится роль инструмента для подавления всякой оппозиции, для сохранения и упрочения власти. По словам иностранных корреспондентов, наиболее преданные режиму формирования ополченцев участвуют в организации и проведении митингов. Кроме того, они прочесывают в городах улицы и переулки, заглядывают в подвалы и на чердаки в поисках юношей и девушек, бежавших из деревни. Беглецов под конвоем отправляют в исправительно-трудовые лагеря в наиболее глухие районы. Ополченцы выполняют и миссию надсмотрщиков. Некоторые их подразделения под названием «отряды по пропаганде идей Мао Цзэ-дуна» расквартированы на заводах, фабриках, в коммунах и даже общежитиях. Там они следят, как люди работают, проводят свой досуг, как изучают наставления Мао.

«Последние сообщения из Китая со всей очевидностью подтверждают, — пишет издающаяся в Куала-Лумпуре газета «Сэнди мэйл», — что кое-кто в Пекине решил покончить со всеми проблемами повторением культурной революции». О простом повторении «великого эксперимента» 1966—1969 годов, однако, не может быть речи. Судя по всему, события будут разворачиваться по несколько видоизмененному сценарию, с более тщательной подготовкой, с тем, чтобы свести к минимуму роль стихийного элемента. Отсюда целая серия предупредительных, профилактических авральных акций. Среди них — массовые перестановки в высшем командовании Народно-освободительной армии Китая. Понятен смысл и другой акции — реабилитации некоторых прежде ошельмованных партийных, комсомольских и профсоюзных руководителей (например, бывшего генерального секретаря ЦК КПК Дэн Сяо-пина): нельзя исключать того, что в подходящий момент маоистам будет удобнее показать, что «культурную революцию» якобы поддерживают все массовые организации. Следует также отметить интенсивность, с которой партийный и государственный аппарат разбавляется молодыми маоистами.

Чтобы обеспечить выгодный им баланс сил и застраховать себя от возможных поражений в будущем, маоисты включили в документы X съезда КПК пункт о необходимости «идти против течения». Тезис этот, прямо скажем, не нов. Мао Цзэ-дун прибегал к нему фактически всякий раз, выступая против большинства в партии. Вот и сейчас маоисты широко популяризируют записанное в Уставе КПК требование, чтобы каждый член партии в случае угрозы для «линии Мао» вставал на ее защиту, не боясь исключения из партии и преследований. Таким образом, бесцеремонно попирается формально записанный в уставе принцип демократического централизма.

Впрочем, это общее положение сейчас, кажется, находит свое конкретное воплощение в жизнь. Наиболее осведомленные и проницательные наблюдатели приходят к выводу, что маоисты создают какую-то тайную организацию — в рядах партии, но независимую от партии, — состоящую из особо доверенных людей. В случае, если маоистам придется туго, они смогут опираться на фанатично преданные режиму организации и лица.

ПО ЗАКОНАМ ЦИКЛИЧНОСТИ

Если исходить из маоистского положения, выдвинутого на X съезде в докладе об уставе партии Ван Хун-вэнем, «культурные революции», как нормы политической жизни, абсолютно необходимы Китаю примерно через каждые семь-восемь лет. Интервал этот, судя по всему, взят маоистами из их же собственной практики. Во всяком случае, приблизительно такой «отдых» был предоставлен китайскому народу после провала печально известных трех «красных знамен» — «генеральной линии», «большого скачка» и «народных коммун».

От чего, собственно, вести отсчет ныне? Если от «исторической» встречи Мао Цзэ-дуна с хунвэйбинами на площади Тяньаньмынь 18 августа 1966-го, то время «разоблачения всякой нечисти» как раз подошло. Но не исключено, что внутренние или внешнеполитические соображения могут вынудить Пекин пересмотреть график.

В искусственно накаляемой атмосфере «классовой борьбы», тотальных чисток партийных, государственных, военных кадров, раздувания военного психоза, антисоветизма видит во дворце Чжуннаньхай выход из существующих трудностей. «Если управлять людьми как порочными, то всегда утверждается образцовый порядок», — говорил один из влиятельных мракобесов древнего Китая Шан Ян. Отталкиваясь от этого «теоретического» обоснования, пекинские идеологи неизменно высказываются в пользу «перманентной революции» и уничтожения недовольных — слой за слоем, поколение за поколением.

Суть дела не в том, когда в Китае начнется очередная «охота за ведьмами». Главное: маоисты ясно сознают, что их антинародная, авантюристическая деятельность может обернуться для них скверно. Поэтому любое проявление сомнения, любая попытка размышлять воспринимаются ими как акт национального предательства. Репрессиями, политической клоунадой маоисты рассчитывают обеспечить само свое существование.

ТУПИКИ МАОИЗМА

Чтобы внушить массам веру в необходимость подобных пертурбаций, маоисты развернули в стране широкую сеть «школ», кружков и курсов. Некоторое представление о масштабах воздействия на население дает такой факт, 5700 пропагандистских отрядов были направлены в большие бригады и на предприятия в Аньхое. Это только в одном из районов провинции. А сколько маоистов следит за ходом кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» в масштабах всей страны!

Какие конкретные задачи ставятся перед этой системой идеологической обработки? Их много. На бесконечных собраниях (а проводятся они не реже раза в неделю) вменяется в обязанность выявлять «классовых врагов». Разумеется, «врагов» находят. Беспрерывно работают «ночные школы» уличных комитетов, где после изнурительных дневных трудов насаждаются «идеи Мао Цзэ-дуна».

Особый акцент по-прежнему делается на физическое изнурение, на труд неблагодарный, непроизводительный, а зачастую и бесцельный. Вот картина, которую можно увидеть, подъезжая к Великой китайской стене. Людской муравейник усеял склоны гор. В руках у каждого — кирка. Старые и молодые крушат ими пласты горных пород, сваливают огромными кусками вниз. Для чего? Ведь куски пород так и останутся неиспользованными. Это «далянь», что в переводе могло бы означать «тянь и закаляйся». На жаргоне маоистов это называется «физической закалкой» тех, кто нуждается в промывании мозгов. После такого перевоспитания не до размышлений!

Как можно судить по некоторым — пусть даже процеженным — сообщениям китайской прессы, усилия маоистов не всегда достигают цели.

«Слишком долго занимаемся борьбой, критикой, преобразованиями. Скорее надо завершить все это и спокойно взяться за строительство». Так заявляли, как утверждала «Аньхой жибао», некие неназванные «отщепенцы». Подобные настроения все чаще высказываются и теперь. «Некоторые, — по словам той же газеты, — говорят: семь или восемь лет назад мы занимались культурной революцией. Уже в течение двух лет мы ведем кампанию «критики Линь Бяо и упорядочения стиля». На наш взгляд, нет смысла заниматься этим вновь». О чем свидетельствуют такие высказывания? Пожалуй, об одном: сытые по горло многолетним безжалостным политическим нажимом и настойчивым, непрекращающимся «перевоспитанием», люди саботируют навязываемую сверху «культурную революцию». Недаром же столь сурово одергивают тех, кто полагает, что принудительное вовлечение «тружеников в массовые политические кампании скажется на производстве».

Трения между руководством и массами проявляются в той или иной степени повседневно. Тут и негативное отношение к «нарождающимся новым явлениям» вроде принудительной отправки на вечное поселение в деревню или на перековку в «школы 7 мая», и недостаточно активное участие в движении «критики Линь Бяо и Конфуция». Еще одна форма протеста — вынужденное бегство в Гонконг.

Характер оппозиционных настроений четко вырисовывается в передовице «Жэньминь жибао» от 8 марта. В ней говорится о существовании в Китае «идейного течения, отрицающего великую пролетарскую культурную революцию», а «антипартийной группировке Линь Бяо» приписываются такие преступления, как отрицание «основной теории и основной практики» Мао Цзэ-дуна, попытки возродить все «ревизионистское». При этом следует учесть, что в сегодняшнем Китае слова «участник антипартийной группировки Линь Бяо» могут быть адресованы любому активному или пассивному противнику маоистских политических экзекуций.

Словом, неповиновение не исчезает. Оно находит свое проявление и в падении трудовой дисциплины. Косвенными свидетельствами озабоченности режиме служат настойчивые напоминания печати и радио о том, что «политика и практика председателя Мао — единственно правильная».

Но историю не обмануть! К каким бы политическим и идеологическим маневрам ни прибегали маоисты, как бы ни хлестали они собственный народ бичами «культурных революций», историческая правда рано или поздно восторжествует.

«ПОЭЗИЯ — ЭТО ЗАРЯ...»

К 100-летию со дня рождения Роберта Фроста

Почтовая марка, выпущенная в США к юбилею Роберта Фроста.

Когда незадолго до смерти один из крупнейших поэтов Америки — Роберт Фрост приехал в Москву, он сказал: «Ваша эмблема — серп и молот, моя — коса и топор. Мои любимые занятия: косить, рубить дрова и писать пером. Я знаю вас лучше, чем госдепартамент: я изучал Россию по русской поэзии и приехал проверить все, что она мне сказала. Поэзия — это мечта, создающая великое будущее. Поэзия — это заря, озарение. Поэтам полезно ездить друг к другу с поэтической миссией, но хорошо, когда это помогает политике. Встречи поэтов полезнее, чем встречи дипломатов, ибо сближают родственные души».

Среди первых произведений Фроста, переведенных на русский язык, было стихотворение «Починка стены» из раннего поэтического сборника «К северу от Бостона», названного им самим «книгой о народе». В диалоге с соседом по поводу разделяющего их забора поэт противопоставляет миру частнособственнической жадности идеи братства людей, когда стены не будут отгораживать человека от человека:

> **«Сосед хорош, когда забор хороший».**
> **Весна меня подбила заронить**
> **Ему в мозги понятие другое:**
> **«Но почему забор? Он нужен там,**
> **Где есть коровы!**
> **Здесь же нет коров!»**

Глазами своего народа смотрит на мир каждый истинный поэт. «О, эти огоньки в глазах! — писал Эдуардас Межелайтис, побывавший в доме у Фроста в Америке. — Как много в глазах людей погасших очагов, засыпанных и выстланных деньгами. Как часто, глядя в эти неживые глаза, я вижу там, на дне их пустоты, зеленое долларовое пламя. А у поэта просто есть глаза, есть старые бесценные глаза, которых в банке не заложить и в сейф не спрятать. Да, если так считать, то Роберт Фрост — крупнейший капиталист на этом континенте. А я считать иначе не научен: душа поэта — золотой запас, который не меняют на бумажки».

Знакомство советского читателя с замечательным американским поэтом началось в 1936 году, когда были напечатаны первые переводы стихов Роберта Фроста, сделанные М. Зенкевичем. Позднее Фроста переводили также И. Кашкин и А. Сергеев.

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей отрывок из статьи поэта «Движение стиха» (полностью она будет напечатана в сборнике «Писатели США о литературе», готовящемся в издательстве «Прогресс»). В ней выражена одна из глубинных идей демократической эстетики Фроста: поэтическая звучность стиха должна быть подчинена смысловой, значимой стороне поэзии. В этом Роберт Фрост видел жизненность и неисчерпаемые возможности поэзии.

Роберт ФРОСТ

ДВИЖЕНИЕ СТИХА

АБСТРАКЦИЯ — вещь, хорошо знакомая философам, но в руках художников нашего времени абстракция напоминает только что подаренную игрушку. Почему мы не умеем выбирать в поэзии какое-то одно ее качество и отделять его от других? Мысленно мы этому научились. Тем прискорбнее, что мы научились практически.

Бесспорно, одних лишь ученых-гуманитариев может всерьез занимать вопрос, как прозвучит для читателей такое-то стихотворение, если в нем, кроме звучности, ничего нет. Тяжко наблюдать, как люди, захваченные одними только ритмами, судорожно стараются избавиться от монотонности, прибегая чуть ли не к тому, чтобы укоротить стопу на один такт. Возможности обогащения мелодии драматическими тонами смысла, ломающими железные рамки скупого метра, безграничны. Вот мы и вернулись к пониманию поэзии как просто одного из видов искусства, в котором художнику нужно иметь, что сказать, нужды нет — прозвучит им сказанное здраво или безумно. Наверное, лучше, чтобы здраво, потому что тогда сказанное и глубже, и предполагает более широкий опыт жизни...

Если первая загадка поэзии — это: каким образом в стихотворении, загнанном в жесткие рамки размера, появляется мелодия, то вторая ее загадка — это: каким образом сочетаются в стихотворении неуправляемость мотивов и в то же время присутствие темы, которую необходимо воплотить.

Дать ответ, как это удается, должно само наслаждение, которое приносят стихи. Движение стиха. У начала его стоит восторг, а в конце его ждет мудрость. Движение такое же, как — чувства любви. Никто ведь не станет утверждать, что страсть должна быть статичной и пребывать в неподвижности все на одном и том же месте. В начале стихотворению сопутствует восторг, на середине пути оно становится все более импульсивным, его движение обретает направленность, как только явилась на свет первая строка. Двигаясь дальше, оно узнает на один миг удачу и завершается объяснением жизни — не обязательно великим открытием еще законов, создающим религии и общественные течения, но мгновением истины и гармонии на фоне хаоса. У него есть развязка. У него есть разрешение, которое, хотя и оставалось невидимым, было предопределено, едва настроение, в нем выразившееся, навеяло первый образ, — нет, даже с той минуты, когда пришло само это настроение. Стихи, в которых лучшие строки были записаны сразу же и просто приберегались для концовки, — это вообще не стихи. Настоящее стихотворение открывает само себя по мере того, как оно складывается, и узнает, что самое лучшее ждет его впереди, на последнем отрезке, когда мудрость сольется с печалью, как слиты ноты счастья и тоски в застольных песнях.

Если писавший стихотворение не пролил над ним слез, их не прольет и читатель. Если писавший не поражался внезапности строк, они не удивят и читателя. У меня чувство восторга, необходимое, чтобы началось стихотворение, появляется от внезапного изумления, когда мне в голову приходит что-то такое, о чем я раньше не подозревал. Тогда я чувствую, что я на месте, что это мой час — словно я парил где-то вместе с облаком и вдруг обрел плоть, словно вырос из земли. Приходит радость нового переживания, явно утраченного, и все остальное следует само собой. С каждым шагом все явственнее чудо оставшихся мне неведомыми запасов, и они все растут. Впечатления, которые всего нужнее мне для моих задач, всегда оказываются теми, в которых я не отдавал себе отчета и которых не фиксировал, когда они приходили. Подобно гигантам, мы всегда катим перед собой камни нашего опыта, чтобы замостить ими будущее...

Когда ученые и художники обмениваются мыслями друг с другом, их часто раздражает невозможность уловить, в чем же они расходятся: и те, и другие опираются в работе на знания, но думаю, всего глубже они расходятся как раз в том, каким образом приобретаются эти знания. Ученые приумножают свои познания планомерным трудом, подчиненным законам логики; поэты же делают то же самое, не заботясь о планомерности и совсем не обязательно прибегая к книгам. Они не стремятся удержать что-то в памяти, но если что-то удерживается, как колючки, прилипшие к одежде, покуда человек гулял в поле, — они не против.

Такое знание достигается гораздо скорее иными, произвольными путями — остротой ума и склонностью к искусству. Школьником можно назвать всякого, кто способен рассказать вам все, что знает, в том порядке, в каком эти знания были получены. Художник же тем больше художник, чем выше в нем способность изымать нечто из прежнего временного и пространственного ряда и переносить в иной ряд...

Подобно куску льда на горячей плите, стихотворение должно бурлить тем сильнее, чем стремительнее идет таяние. Стихотворение можно переделать, пока оно живет, но его нельзя заставить жить силой. Самым драгоценным в нем останется то, что оно сумело сложиться до конца и целиком увлечь за собой поэта. Перечитайте его в сотый раз — оно навсегда сохранит свежесть, как сохраняет свой состав металл. Оно не может утратить свое право на жизнь, ибо в нем запечатленное движение смысла, когда-то неожиданно раскрывшегося, пока стихотворение слагалось.

Перевел с английского А. ЗВЕРЕВ

Зоя БОГУСЛАВСКАЯ

БРИЖИТТ БАРДО — ПОСЛЕДНЯЯ СУПЕРСТАР?

В ОБЪЕКТИВАХ МАССМЕДИА И СОБСТВЕННЫМИ ГЛАЗАМИ

В «массовой культуре» современного капиталистического мира первенство, бесспорно, держит кино. Западные социологи и публицисты, философы и критики без устали повторяют, что «массовый кинематограф» представляет собой всего лишь безобидное средство развлечения и начисто лишен идеологии. Но в лавине фильмов, обрушивающихся на зрителей, трудно найти ленту, которая прямо или косвенно не навязывала бы мысль о незыблемости буржуазного образа жизни.

С особой наглядностью идеологическая и социальная сущность буржуазного кино проявляется в культе «звезд». С помощью «звезд» — будь то Мэрилин Монро или Ракэл Уэлч, Брижитт Бардо или Ален Делон — «массовая культура» стремится утвердить в жизни созданные ею мифы. Безудержная реклама делает из «кинозвезды» образец для подражания.

Исследование процесса рождения «звезды» и ее социальной роли — важная и сложная задача критики буржуазной «массовой культуры». «Литературная газета» уже помещала на своих страницах портреты Мэрилин Монро, Ракэл Уэлч, Софии Лорен и других «звезд» Запада.

Сегодня мы публикуем один из очерков писательницы Зои Богуславской о Франции, посвященный Брижитт Бардо. В связи с переводом книги «Семьсот рублей новыми» в издательстве «Галлимар» писательница была приглашена во Францию, где встречалась с литераторами, художниками, переводчиками, студентами.

В ТОТ ДЕНЬ из окна новой квартиры Брижитт Бардо на бульваре Лавн были видны темный ноябрьский лес и свежеполитая дождем ярко-зеленая поляна. Квартира на последнем этаже словно продолжает пейзаж за окном. Комнаты выходят на обширные балконы, как в сад или парк: не видишь асфальта, автомобилей, никаких примет индустриального Парижа.

— Я хочу, чтобы вокруг была только природа, вообще то, что я люблю, — говорит она, дымя сигаретой. — Потоки машин, толпа, ужасно! В новой квартире я все устроила по своему вкусу. Вам нравится?

Она поднимается, чтобы сварить на кухне кофе. За ней вскакивают три собаки: белая, пятнистая Мифи, с угольно-черной маской по глазам и ушам — часто позирует для фото, за ней такая же, пятнистая, побольше, третья — рыжая, пришлая, гостит у нее до понедельника. В вихре собачьего счастья Брижитт идет к двери — ритмической, танцующей походкой.

У двери она оборачивается:

— В следующий раз угощу вас обедом. Очень люблю готовить сама.

Пока ее нет, рассматриваю гостиную, просторную, как класс для танцев. Слева от серого пушистого дивана и кресел со столиком, где мы сидим, — стеллаж. Лаковые корешки книг, фигурки из дерева, проигрыватель. У стены сзади вазы, сосуды — подарки из Бразилии, Соединенных Штатов. Тщетно ищу вокруг хоть какое-нибудь «алиби» «звезды». Ни одной фотографии Брижитт, афиши, журнала, пластинки — ничего о ней: как будто она сама себе до смерти надоела.

Все кажется малоправдоподобным. Два потока информации движутся в моем сознании навстречу друг другу, не соприкасаясь. Будни ее домашней жизни, четкая, лишенная всякой аффектации речь. Никакого стремления казаться, а только быть.

В то же время память монтирует сенсационные заголовки газет, эффектные позы на обложках журналов, вызывающие высказывания — все, что, слившись с ее экранным существованием, составило механизм рождения «superstar» — «суперзвезды».

Увы, миф, творимый массмедиа, часто кажется неопровержимее самой реальности, как непреложность печатного слова и иллюстрации сильнее сиюминутных эмоций.

Но сначала немного статистики.

«...Несомненно, что Брижитт затмевает Одри Хепберн, Мэрилин Монро и им подобных, — писал Клод Мовс в молодежном еженедельнике «Авангард». — Б. Б. сама по себе является фактом социальным, который начали изучать весьма серьезные философы. Малейший слух о Брижитт стоит 10—20 тысяч франков, некоторые ее фотографии — 100—150 тысяч».

«Брижитт Бардо ежемесячно посвящается десять миллионов слов в печати, — подсчитал писатель Жан Ко в еженедельнике «Экспресс». — Журналисты всех мастей, премудрые философы, психологи, невропатологи, идеологи, историографы самого разного толка создали миф, личность, драму, водевиль, явление, факт, вещь под названием «Бардо».

«Она стала самой известной в мире француженкой!» — воскликнул Робер Лашен в «Юманите-диманш». Б. Б. принесла казне валюты не меньше, чем все проданные на экспорт автомобили Рено.

Но вот наступает катастрофа.

...28 сентября 1960 года в возрасте 26 лет «наиболее высокооплачиваемая звезда», у которой «любящий муж и девятимесячный сын», закончившая съемки в фильме Клузо «Истина», может быть, лучшей своей роли, пытается покончить с собой. В тот осенний ненастный день ее находят во дворе со вскрытыми венами. К тому же она приняла солидную дозу яда. «Она лежала у колодца, — пишет бесстрастный французский хроникер, — без чувств. На хрупких запястьях угрожающе алели тонкие струйки крови. Рядом на траве серебрилось лезвие бритвы».

Трагедия бессилия «звезды» завершается в этой высшей точке. Смерть отступает, чтобы всего через год перед нами предстала другая Брижитт.

19 ноября 1961 года Бардо получает письмо от некоего Ленуара, начальника финансового отдела ОАС, под именем которого, как оказалось, скрывался путчист Андре Орсини, с требованием пожертвовать деньги.

Получив это письмо, Брижитт подает в суд и предает гласности шантаж оасовца.

Мстя Брижитт, через месяц, [illegible] пострадал, Брижитт нет.

А десять лет спустя ее имя, пройдя по параболе сенсации до точки всеобщего культа, приобщается к историческим ценностям нации. Скульптор Аслан создает новый бюст Марианны — символа Франции. «Четвертой моделью послужила самая популярная французская киноактриса Брижитт Бардо», — сообщала пресса.

«Несомненно, — приходит к выводу социолог И. Теплиц в книге «Мир без греха», — «явление Брижитт Бардо» — одно из крупнейших творений общественной мифологии, какое когда-либо создавала европейская культура».

Такова проекция внешней цепи событий на газетную полосу, подобная следу самолета, который уже улетел.

Сейчас я пытаюсь понять, что же при этом происходило с личностью Брижитт, как формировалась или деформировалась ее индивидуальность, что, наконец, творилось в это время с такой «банальностью», как ее душа.

В спальне Брижитт Бардо над широкой постелью висит большой гипсовый барельеф. Обнаженная фигура женщины, на лице — гримаса отчаянья или экстаза. В пластике тела та предельность отчаянья, за которым — срыв.

— Что это? — спрашиваю.

— Портрет возлюбленной моего друга, художника. Талантливо, правда?

Я представляю себе мысленно, как каждый день, вставая утром и ложась вечером, она видит это.

— Вам хорошо в этом доме? Вы независимы? — спрашиваю ее.

— Независимость, — пожимает она плечами, — она ведь не вне нас, а внутри. Если я внутренне от кого-нибудь или чего-нибудь завишу, мне не помогут даже очень благоприятные обстоятельства.

— Если обстоятельства паршивые, тоже мало хорошего... — замечаю я.

Она кивает.

— Порой удивляешься, как много у вас пишут о свободе женщин. Вы тоже за равноправие?

— Для меня это — быть естественной, быть женщиной, — говорит она. — Равноправие — это высшая несвобода для нас, потому что мы по природе своей отличаемся от мужчин. Мужчина должен охранять, защищать женщину. — Она задумывается. — И еще... не убивать. В мире еще так много убивают.

— Политика: вы интересуетесь ею?

— Нет. В том смысле, какой этому придают теперь. Политика — это когда кто-то от кого-то чего-то хочет. Знаете, политика нужна, но только, чтобы люди оставались людьми. И по отношению к животным тоже.

— Да, я слышала, что вы учредили общество защиты зверей. Бездомные собаки теперь благодаря вам могут найти приют.

— Это правда, — кивает она. — Мне всегда очень жаль собак. Остальными проблемами занимаются многие, а животными никто. Они совсем беззащитны перед человеком.

Она встает, чтобы переменить пластинку. Музыка льется со стеллажа не переставая, она окутывает нас, не мешая, не перебивая.

— Какую вы любите музыку? — спрашиваю.

— Разную. Я всегда с музыкой. Ем, читаю, танцую, а вокруг меня музыка. Когда работаю, я люблю серьезную музыку — Брамса, Баха, Моцарта. Вашу русскую музыку страшно люблю.

— А литературу? Вам нужна она? Можете без нее обойтись?

— Могу, — пожимает она плечами. — Когда я работаю или очень поглощена чем-нибудь в жизни, я никогда не читаю. Но если я внутренне не занята, то должна отдаться чтению целиком.

Она улыбается.

Невольно разглядываю ее. Щеки, веки, рот — выпукло-мягкие, чрезмерные для маленькой головы. Прямая, как у балерины, спина, густая копна жестких волос и длинная шея придают пугливую легкость каждому ее движению.

Она листает мою книгу, перечитывает надпись: «Брижитт Бардо, которую знают все и которую никто не знает».

— Вы правы, меня действительно не знают, — говорит она с легким замешательством. — Я совсем не «star» в том смысле, какой в это вкладывают. Ведь я ценю самые что ни на есть простые вещи.

— Да?

— Конечно. Для меня наслаждение уехать, просто копаться в земле, дышать воздухом, не отравленным бензином, смотреть на распускающиеся листья.

Мне не верится (в деревню, в глушь, надолго ли?).

— Да, я слышала, что вы заявили об уходе из кино. Вы уверены, что сделали правильно?

— Я уравновешенна, спокойна. Для меня это счастье.

В чем покой для Брижитт? — думаю я. Ведь желания этой женщины исполнялись с такой быстротой, словно она держала в руках лампу Аладина.

— Казалось, я получила в жизни все, — замечает она, словно проследив за ходом моих мыслей, — но я не могу этим воспользоваться. Не могу жить, как хочу, я лишена простого удовольствия бродить по улицам. Понимаете?

Сейчас я пытаюсь понять. Раздумывая над судьбой многих «идолов» западной публики, перелистав кипы иллюстрированных еженедельников, журналов и газет, я начинаю постигать место Брижитт Бардо в системе символов буржуазной цивилизации, и в первую очередь системе массмедиа.

(Сразу же оговорюсь, что заметки эти вовсе не касаются многих замечательных художников Франции, чья жизнь неразрывно связана с искусством и творчеством, здесь речь лишь о «звезде» как социальном феномене, существующем не только в искусстве и не только для искусства.)

Хронология «звезды» началась с 50-х годов двумя фактами: фильмом Роже Вадима «И бог создал женщину» и браком с Роже Вадимом.

С тех пор все, что касалось ролей в кино, и все, что имело отношение к ее личной жизни, неотделимо перемешивается на страницах газет, создавая одно целое: некий образ-маску, вобравшую в себя массовый идеал и ажиотаж каких-то слоев молодежи конца 50-х — начала 60-х годов, поклонявшейся этому кумиру при жизни, как никому раньше. Не только ее вещи или события ее частной жизни возводились в культ. Ее репликами пользовались для объяснения в любви и уходов из дома. Ее манера сидеть, носить протертые джинсы, облегающие свитеры, сумку через плечо, негодуя кричать в голос, беспечно, независимо улыбаться тотчас же размножалась миллионными тиражами, порождая массовый, незапрограммированный урок жизни. Этого не могли объяснить ни мастерством актрисы, ни красотой женщины, ни фантастической рекламой, сопутствующей ее карьере, ни ее поступками.

Феномен «звезды» заключает в себе, как условие, то непостижимое, что рождается из сплава многих компонентов, разъятие которых ведет к ординарным слагаемым.

Ничем в отдельности этого и нельзя объяснить.

В основе сложного сплава образа Брижитт Бардо было одно неосознанное понятие — «свобода». Свобода от многих условностей общества, свобода поступать по-своему, наконец, свобода любить и бросать нелюбимого.

Каждый вкладывал в нарушение Брижитт Бардо привычного идеала свое представление.

Одни, как французская писательница Симона де Бовуар, видели в этом протест против мещанства и обывательщины. «Молчите, спрячьте эту девушку, — писала она в нашумевшем эссе о Брижитт, — уберите ее с дороги, обрейте ей голову, заткните ей рот! Но что это? Она по-прежнему смеется! Ну, хорошо, вы правы, так будет проще и вернее: сожгите ее».

Другие, подобно американскому режиссеру Альфреду Хичкоку, спрашивали: «Она что — актриса кино или газетная актриса?»

Третьи, как Михаил Ромм, отмечали истинное мастерство Брижитт Бардо.

Но что бы ни восклицали и ни спрашивали, ясно было одно — на смену аристократкам кино тридцатых — сороковых годов пришла на экран девчонка с улицы, с ужасными выходками, презиравшая все нормы воспитания, отбросившая многие условности буржуазной морали.

Усиленные прессой любопытство и жажда сенсации гнали толпы молодежи Америки и Франции посмотреть сцену в ленте «И бог создал женщину», где восемнадцатилетняя Жульетта (Брижитт Бардо) бросала вызов деньгам, карьере, благопристойности.

На яхте промышленника Эрика Каррадайна, волочащегося за Жульеттой, один из его гостей лениво бросает ей:

— Вы слышали о пылесосах Вимье?

— Да.

— Это я. Вы знаете сахар Лефранк?

— Да.

— Это я... Потанцуем?

— С пылесосом — никогда!

Такого зритель еще не видел на экране.

Брижитт Бардо не раз сравнивали с Мэрилин Монро. Да, в формах фанатизма публики было много общего. Последние годы М. М. и Б. Б. совпали. Но небольшой сдвиг во времени сформировал два разных символа, словно в них вместились две разные эпохи.

Мэрилин Монро — возлюбленная всей Америки (all American sweetheart) — была порождением Голливуда в его первоначальном стандарте «фабрики грез». Ее сделали блондинкой, учили хохотать, когда ей было тошно, олицетворяя процветание и успех, ей даже придумали искусственное имя Мэрилин Монро взамен собственного. Когда Галатея была готова, ее искусственно подняли из нищеты приюта на пьедестал всеобщей возлюбленной Америки. В 36 лет это кончилось. Она не выдержала кошмара публичности, одиночества, бессонницы, доводящей ее до нервных расстройств. Она так и не сумела примениться к роли, которую ей предназначали. Ей недостало сил доиграть до конца современный вариант сказки о Золушке, выбившейся в принцессы.

Брижитт Бардо была прежде всего беззастенчиво натуральна. Раскованностью чувств, независимостью поведения, эпатажем выходок и высказываний она отрицала привычные атрибуты «фабрики грез». В ней все было естественное, все свое. Как и Мэрилин Монро, она раздевалась на экране, но, казалось, без всякого желания разжечь публику, а просто потому, что ей так самой захотелось, с такой легкостью, будто нагота была ее костюмом. В ней был тот шик естественного удобства первозданности, который стал повальной модой.

— В чем же, по-вашему, причина вашей фантастической популярности? — спрашиваю ее.

— Ничего таинственного, — смеется она. — Мне кажется, я просто отвечала определенному образу, которого требовало время.

Брижитт Бардо действительно попала в «подходящий момент». В этом — прямая связь между нею и временем. Но символы эпохи, подобные Брижитт Бардо, всегда вступают с действительностью и в обратную связь. В мире, творимом массмедиа, история выворачивается наизнанку. Она начинается фарсом, а кончается трагедией. Существование Брижитт породило поток сознания, вещей, системы представлений, которые сами наложили свой отпечаток на последующее развитие событий.

Увы, миф всегда имеет две ипостаси. Одну — восходящую, когда кумир — это божество, недоступность драгоценного оригинала; другую — нисходящую, когда, размноженную в бесчисленных копиях, его воспринимают как общедоступную репродукцию. В период формирования, наращивания слава кумира — всегда отражение новых норм и понятий. В период массового тиражирования создается клише, отливающее черты «идола» в стандартную маску. Теперь толпа хочет одного: чтобы каждый вздох, каждая подробность жизни кумира принадлежали только ей...

В какой-то момент, когда выпито кофе, и о многом уже говорено, я все же решаюсь на бестактность и задаю вопрос о причинах ее ухода из кино.

— Если не хотите, не говорите, — замечаю я. — но только правду: почему все же?

— Откровенно? Мне надоело сниматься в плохих фильмах. Больше я этого делать не буду.

— Значит, решение не бесповоротно? А если будет интересный сценарий и режиссер?

— Ну, если все это будет, тогда и посмотрим.

Тема явно не интересует ее.

— Разве вы не будете тосковать по процессу съемок, самой работе?

— Нет, — говорит она убежденно. — Кино для меня никогда не было существом жизни.

— Что бы вы хотели изменить в окружающем мире, чтобы быть более счастливой?

— Людей, — выпаливает она не задумываясь. — Характеры людей. Надо жить с людьми, а это невозможно.

— Но почему, — поражаюсь я, — разве люди не доказали вам свою любовь?

— Нет. Известность — это совсем другое. Но и слава моя создана в значительной степени ненавистью.

Действительно, на разных ступенях славы Брижитт, как рефрен, в ее высказываниях возникает мотив враждебности к ней окружающих.

— Это большая радость — говорить с людьми, чувствовать их любовь и дружбу, — замечает она в интервью четырем корреспондентам крупных газет и журналов, данном ею на телевидении год назад. — Но вообще-то первая реакция человека по отношению ко мне — агрессивность.

— Говоря со мной, люди теряют естественность, — жаловалась она раньше, — я подхожу к ним, они уже совсем другие. Подчас я даже думаю, что я — это не я.

За поклонение толпы, за предание гласности каждой подробности личной жизни — расплата, как в «Фаусте», одна — душа. Публичность «звезды» делает ее внутреннюю жизнь такой же собственностью публики, как и ее фотографии.

Осенью, перед поездкой в Париж, я прочитала книгу австрийской писательницы Ингеборг Бахман «Синхронно». Никто для меня, как она, с такой силой в последнее время не передал процесс растворения «я» женщины в конвейере делового мира.

Первое, что мне сообщили в Париже, — о недавней гибели Ингеборг.

Писательница, удостоенная многих литературных премий мира, у себя в квартире в полном одиночестве пыталась погасить огонь вспыхнувшей от сигареты ночной рубашки, вызвать подругу, дозвониться кому-нибудь...

В повести «Три дороги к озеру», в рассказе «Синхронно», давшем название сборнику, она словно заглянула в свою судьбу. «Героиня трех дорог» так и не может спуститься к заветному озеру своего детства и уезжает, чтобы умереть в чужом, далеком городе: синхронная переводчица, мастерски переводя со многих языков на конгрессах, деловых встречах, симпозиумах, бежит после недели отдыха на взморье с возлюбленным в привычный ритм жизни, который будет ее все дальше обезличивать, и отнимет то последнее, что было когда-то ею.

К рассказам Ингеборг Бахман можно было бы предпослать эпиграфом восклицание Брижитт Бардо: «Порой мне кажется, что я не я».

И сейчас, когда я сижу в атмосфере тепла и покоя ее квартиры, слышу шелест осенней листвы за окном, я, может быть, больше всего удивляюсь тому, что, пройдя все стадии непрерывной сенсации, она осталась самой собой, сумев сохранить интерес к себе как личности.

За двадцать лет жизни Брижитт в кино сменились пласты нравственности, ушли в прошлое формы ее эпатажа.

В свое время в емкой, психологически тонкой ленте Отан-Лара «В случае несчастья» с Брижитт и Жаном Габеном в главных ролях сталкивались два понятия морали.

Застав свою девчонку после приема наркотика, седой адвокат (Жан Габен) в бешенстве кричит примерно следующее:

— Зачем ты это делаешь?

— Успокойся, — утешает она его. — Сама я только так, попробовала. Это для продажи.

— Для продажи? — в изумлении отступает покровитель. — Но у тебя же все есть. Зачем тебе деньги?

Иветта исподлобья глядит на него:

— Я хотела с вами расплатиться. Отдать вам за защиту на процессе.

— Но зачем??? — не понимает он. — Ты же знаешь, что мне не нужны деньги. Я тебе дам столько, сколько тебе надо.

— Нет. Нет, — протестует она. — Я должна расплатиться. Иначе... — она поднимает глаза, — я должна быть вам верна. А этого я не могу.

Иветта — Брижитт может торговать наркотиками, но не свободой поступать по-своему.

В «Последнем танго в Париже» с Марлоном Брандо и Марией Шнейдер случай тоже сведет в любви людей двух поколений, но, если чувственность миновала, девчонка сама убьет возлюбленного, заботясь лишь о том, чтобы не попасть в полицию.

Сменилось время, сменились герои.

Но кто же пришел сегодня на смену Брижитт Бардо? — задаюсь я вопросом.

Пришли многие, но никто один. В ранг «суперзвезды» в нынешней системе массмедиа был возведен лишь Христос. Театральный бестселлер «Иисус Христос — суперзвезда» обошел все телеэкраны и магнитофоны мира, но на грешной нашей земле этого титула не удостоился никто.

Случайность? Нет, скорее закономерность. Здесь допустима параллель с социологией.

Известный американский экономист Дж. Гелбрейт в книге «Новое индустриальное общество» отмечает, что современное буржуазное общество может быть понято лишь как «синтез групповой индивидуальности, вполне успешно осуществляемой организацией».

Пик славы Брижитт приходится на 1960—1964 годы. Экранный пунктир его прочерчивается после «И бог создал женщину» по фильмам «Истина», «В случае несчастья», «Частная жизнь», «Вива Мария».

Но что же случилось в 1964 году?

На звездную арену вышли битлзы.

Четверо парней завоевали мир джаза, публику, заполнили вакуум идолопоклонничества. Их было четверо, но идол не может быть коллективом. Ансамбли «звезд» — нечто социально и психологически совсем иное, чем идеал, воплощенный в одном человеке. Вслед за битлзами пришли Роллинг Стоунз и другие группы в той или иной области, но никто один не занял пьедестала вселюбви публики.

Брижитт Бардо, в которой толпа персонифицировала первую героиню буржуазной раскрепощенности, как бы начала новый отсчет времени всеобщего отрицания, дошедшего до сжигания многих ценностей западной цивилизации.

Последняя суперстар Брижитт Бардо стала первой хиппи в кино.

Будут ли новые «звезды», вызывающие подобный фанатизм буржуазной публики «конца века»? И если да, то кто «счастливчик»?

* * *

— До следующей недели, — сказала она, прощаясь. — Как договорились.

— Спасибо. Ваш голос у меня на магнитофоне. На память.

Она кивнула:

— Если вам захочется написать — пожалуйста. Можете писать все. Я ничего не скрываю...

ПАРИЖ — МОСКВА

АДМИНИСТРАЦИЯ «КЛУБА ДС» КАТЕГОРИЧЕСКИ ПРИВЕТСТВУЕТ ВСЕХ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ ЛИЦ В СВЯЗИ И ПО ПОВОДУ НАСТУПАЮЩЕГО ДНЯ СМЕХА — 1 АПРЕЛЯ.

НЕ ПРИКЛАДАЯ РУК

«НЕ ПРИКЛАДАЯ РУК» — новая рубрика в жизни «Клуба ДС». Под этой рубрикой администрация намерена публиковать различные материалы, воспевающие труд лодырей.

ОТКУДА ЛЮДИ?

Я ЧЕЛОВЕК командированный. Пью мало, ем еще меньше, не курю совсем. Одним словом, два шестьдесят в день мне хватает. И претензии у меня не к деньгам, претензии у меня к тем людям, которые наши народные деньги не берегут.

А дело, собственно говоря, вот в чем. В прошлом месяце оказался я по делам службы в одном большом республиканском городе. И вот что меня поразило: время — три часа, разгар рабочего дня, а народу на улице — тьма. Сотни, чтоб не сказать тыщи. Все спешат, все бегут, все толкаются. Кто с портфелем, кто с сумкой, кто просто так. Стал я посреди улицы, головой верчу, понять не могу: откуда люди?

Постоял я так минут двадцать, поглядел, а народу не уменьшается. Даже еще больше стало. И такой меня интерес разобрал, такое любопытство... Дай, думаю, спрошу. Чего стесняться? Все равно я нездешний.

Выбрал я одного гражданина, самого интеллигентного на вид, с самым большим портфелем, и спрашиваю:

— Товарищ, вы меня, конечно, извините, но почему вы не на работе?

Посмотрел он на меня поверх очков и отвечает:

— А я, дорогой друг, на работе. Я в министерство иду.

— В министерство?.. А чего ж вы тогда за апельсинами стоите?

— А стою я потому, — отвечает он мне, — что растут наши потребности, и если мы их сами удовлетворять не будем, то никто за нас это не сделает.

Одним словом, туман начинает напускать. Тогда я его прямо спрашиваю:

— Как же это так? Вы, значит, стоите за апельсинами, а вам в это время зарплата идет!

— Конечно, идет. На что бы я иначе апельсины покупал?

— И не стыдно вам, — говорю, — государство-то обманывать, в расход вводить?

— Ну что вы, голубчик, какой же тут расход? Посудите сами: я беру 5 кг апельсинов, это значит — семь рублей. А получаю я в день всего шесть. Значит, у государства от меня еще целый рубль остается. Понимаете?

— Понимаю, — говорю я, хотя на самом деле ни черта не понимаю. Как он может на семь рублей апельсинов покупать, когда всего шесть получает? Откуда он этот рубль берет? Не пьет, наверное. У таких всегда деньги водятся.

Набрал он себе полный портфель апельсинов, попрощался вежливо я пошел не спеша, будто на прогулке. Нет, думаю, с этим другом не договоришься. Он всегда так дело запутает, столько мудреных слов наговорит, что культурному человеку в них не разобраться. Надо кого попроще выбрать.

Тут как раз выходит из-за угла парень. Грудь нараспашку, щеки красные, чуб по ветру. Ну просто кровь с молоком!

— Слушай, — говорю, — друг! Ты почему не на работе?

— Болен я, — отвечает он. — Грипп у меня вирусный. То ли гонконгский, то ли азиатский, импортный, в общем.

— И в чем же он, этот грипп, выражается?

— А в осложнениях. Видишь, папаша, какую мне морду раздуло?

— Вижу, — говорю, — сынок. Только я думал, она от рождения такая.

— Нет, — отвечает он, — вследствие тяжелой болезни.

— А что ж ты дома не лежишь, если такой больной?

— А чего мне лежать? Врач-то уже приходил.

— Эх ты!.. Тебе бы мешки таскать, а ты больным прикидываешься.

— Какие мешки? Я же говорю, слабость у меня. Такая слабость — стакан пива поднять не могу.

— Симулянт ты! Тебе государство по бюллетеню деньги платит, а ты...

— Ну, вот что, — говорит он, — ты моей болезни не касайся, а то я тебе могу враз бюллетень оформить. Чахну [illegible] с левой [illegible] тебя останется.

Отошел я на всякий случай в сторонку, а сам [illegible] за люди? Ни [illegible] вести — одна [illegible]. Мо[illegible]ет, лучше к женщине подойти? Они все-таки попривета[illegible], да и соображают получше.

Выбрал я одну такую, пухленькую, с кудряшками, и спрашиваю:

— Гражданочка, куда это вы спешите?

— А вы кто такой?

— Я?.. Командированный.

— Нет, нет, — говорит она, — я занята. У меня муж есть.

— Да вы что? Я другим интересуюсь: почему вы не на работе?

Тут она, по-моему, даже немножко огорчилась:

— Я думала, у вас дело какое, а вы с пустяками. В магазин я иду, кримплен там выбросили.

— А что за срочность? Вот кончится работа, тогда и идите.

— Вы что, ненормальный? — спрашивает она. — Когда работа кончится, тогда и кримплен кончится.

— Ясно. Значит, вы гуляете по магазинам, а [illegible] зарплату получаете?

— А вам-то, — говорит она, — какое дело? Вы сами почему не на работе?

— У меня случай особый, я в командировке.

— Ну [illegible] по делам, а вы по улицам шляетесь.

— А [illegible] мне не шляться? Я все дела уже сделал. Послезавтра домой еду.

— А [illegible]?

— Что [illegible] посмотреть? ГУМ, ЦУМ и прочие [illegible].

— М[illegible] государ[illegible] счет. Приезжайте [illegible] в отпуск — и смотрите.

Фыркнула она в мою сторону, тряхнула кудряшками и дальше пошла. А я стою, смотрю ей вслед, успокоиться не могу. Три часа, разгар рабочего дня, а они по улицам расхаживают, народные деньги транжирят. А ведь если подойти по-умному, по-государственному и эти деньги в дело пустить, то нам, командированным, можно в сутки не по два шестьдесят платить, а по целой пятерке. Если не больше!

А. ХАЙТ

ИЗ ЦИКЛА «РАССКАЗИКИ»

А. АНТОНОВ, Вл. ЛАТУШОВ

ПОДКИДЫШ

Писатель Афанасьев вышел на крыльцо и обомлел. Прямо под ногами лежал сюжет.

«Подкидыш», — сразу определил писатель. Но сюжет взял и в дом внес, на батарею положил.

Сюжет отогрелся, отлежался и потребовал внимания. Афанасьев просмотрел его и даже зажмурился. Сколько там накручено! Такие характеры можно сколотить, такой простор для фантазии!

«Эх, если бы не мои сорок лет, — грустно подумал он. — А теперь не осилю».

И с покорной энергией принялся за продолжение своего романа.

Но сюжет не давал покоя. Ночью Афанасьева преследовали кошмары: Лев Толстой грозил ему пальцем и что-то с укором говорил.

Встал Афанасьев с головной болью, мрачный и печальный.

— Выхода нет, — трагически пробормотал он.

Затем аккуратно сложил сюжет в старый портфель, тихо вышел из дома и, заметая веником следы, подкрался к даче соседа, писателя Васенина.

— Пусть Васенин мучается, — сказал Афанасьев, оставляя портфель на крыльце. — А мне работать надо, сроки поджимают.

АККОРДНЫЙ НАРЯД

В обед взяли мы с Петькой бутылку и в старый дом, что должны снести, спрятались — никто не увидит.

Выпили. Хорошо пошла. Петька вдруг заявляет:

— Спорим, кулаком дверь выбью?

Поспорили. Взял и выбил.

— А хочешь, — говорю я, — бревно из стены вытащу?

Поспорили. Взял и вытащил.

— А спорим, — Петька спрашивает, — я все стенки разнесу?

Поспорили. Взял и разнес.

— А хочешь, — говорю я, — железо с крыши сниму зубами?

Поспорили. Взял и снял.

— А спорим, — Петька спрашивает, — чердак на землю свалю?

Поспорили. Взял и свалил.

— А хочешь, — говорю, — фундамент разберу по камешкам?

Поспорили. Взял и разобрал.

Тут прораб подходит.

— Молодцы, — говорит, — ребята. Я вам уже наряд аккордно выписал. Идите в кассу.

А вы говорите — бутылка!

ЧУДАКИ

В. КОЛЕСНИЦКИЙ и О. ПОМОГИЛИН

ПЕРЕД НАЧАЛОМ СЕЗОНА:
— И быть тебе, касатик, в тройке призеров...

И. КОГАН (КИЕВ)

И. СЕМЕНОВ (КИЕВ)

В. ЩЕРБАК (АЛМА-АТА)

ФРАЗЫ

- *У зрителей было численное преимущество.*
- *Очень областная филармония.*
- *Артист так расшевелил зрителей, что они стали быстро расходиться.*
- *— Не толкайтесь, как Эспозито!*
  — От эспозито слышу!
- *Сабо об офсайдах...*
- *Из репортажа о хоккейном матче: «Защитник ударил нападающего клюшкой по голове, но в пределах правил!»*
- *Из обязательства работников магазина: «Не допускать жалоб при любом обслуживании!»*
- *Из характеристики: «Вежлив только в нетрезвом состоянии».*

Георгий ТЕРНИКОВ

Евгений ШАТЬКО

ПРИШЕЛЕЦ-73

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ЧАСТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В №№ 2, 5, 7 и 10.

Пришелец Глоус прилетает на Землю с планеты Рюм и остается жить в колхозе, там [illegible] полюбил простую женщину Дашу. Глоус похож на ее бывшего мужа Ефима Тишкина. С планеты Рюм прилетают за Глоусом два высших бессмертных существа Лур и Марзук. По ошибке они хватают не Глоуса, а Тишкина и увозят его к себе на планету. Оказавшись на планете Рюм, Тишкин поддерживает движение женщин Рюма за возрождение своих прав. Он просит Лура послать на Землю известие о том, что он немного задерживается.

Часть девятая

В субботу вечером Даша и Глоус пришли к бригадиру Семену Грызлову посмотреть фигурное катание по цветному телевизору. Вдруг начались помехи и на экране появился Тишкин. Он тащил через площадь квадратного железного мужика, от которого отваливались гайки.

И тут на площадь выехала длинная машина, похожая на поливальную. За рулем ее сидело черно-синее существо с перекошенным лицом. Из-под передка машины веером расходились снежно-льдистые струи.

— Морозильная установка дистанционного действия! — объяснил Глоус Грызлову и Даше.

...На площадь выскочил разлохмаченный Лур и выкрикнул:

— Тишкин, спасайтесь! Температура в установке минус двести семьдесят четыре градуса!

— ...Это конец! — мрачно проговорил Глоус и закрыл лицо дрожащей ладонью. — Марзук начинает период оледенения Рюма.

Даша сердито воскликнула:

— Нет, ты погляди, как там твои товарищи безобразят!

Грызлов возразил:

— Это же кино...

— Какое кино! — воскликнула Даша. — Вот он с энтой планеты прилетел, пристроился на место Ефима! Драпанул от своих синих.

Грызлов строго спросил:

— А Ефима, значит, туда уволокли?

Даша всхлипнула:

— Подменили мне мужика. Прислали какого-то — на ходу спит, малохольный!

Грызлов сочувственно вздохнул:

— Ты уж крепись, Дешуня, по бабьей линии за ради прогрессу.

...А на экране Тишкин помог роботу Васе подняться, и они встали спина к спине, подпирая друг друга. Лур преградил путь машине:

— Марзук, не охлаждайте Фиму, а то я вас выведу из членов Мозгового Центра!

Но серебристая струя сбила его с ног. Тишкин подбежал и оттащил Лура в сторону, к черному ящику управления планетой. Он откинув крышку ящика и закричал:

— Нагоняй плюсовую температуру, Лур Иваныч, а то понаделают из нас снегурочек!

...Тут же экран подернуло белой пленкой, и все исчезло.

Даша стала вертеть ручку настройки.

— Надо лететь тебе, парень, нечего тут без дела ошиваться, — сказала она, обернувшись к Глоусу, и осеклась...

Глоуса уже не было в комнате...

Наутро Даша пришла на ферму с опухшими, исплаканными глазами. Все село уже знало, что Глоус исчез... Но вечером, придя с работы, Даша увидала, что в закрытой на замок избе пол подметен, печь затоплена. И довязан шерстяной носок. Даша сердито сказала в пространство:

— Проявись, малый, а то хуже будет!

Глоус не отзывался, но постоянно был где-то рядом, вокруг; наверно, превращался по своей дурацкой привычке в табуретку или веник... Даша громко ругалась на весь двор, а Глоус выдал новую штуку. Всю ночь он прокопошился у реки, которая протекала далеко за выгоном, и к утру кое-как завернул ее прямо к Дашиной избе, чтобы ей поближе было ходить полоскать белье. Даша сгорала со стыда перед бабами. А коровы на водопой проходили теперь прямиком через ее двор. Грызлов по колхозной радиосети велел Глоусу перестать валять ваньку и вернуть речку в законное русло, а не то он наставит на Глоуса капканов. Глоус снова всю ночь возился в реке, как водяной, но так и не смог вернуть ее обратно. Грызлов по радиосети заявил Глоусу:

— Дурак ты, самоучка. Месяц без дождей мучаемся, а ты Фантомаса корчишь.

Глоус ответил:

— Ждите осадков.

Он собрался с последними силами и устроил маленькую халтурную грозу, во время которой молния начертала в черном небе синими буквами:

Веточка розы упала
на груды!
Милая Даша, меня
не забуды!

Этот стишок-изреченье он долго сочинял ночами, скрываясь в пустынных полях.

Однако осадки не выпали, а молния даже подожгла стог. Глоус бросился тушить пожар и едва не сгорел, потому что вдруг утратил прежнюю огнеупорность.

Последнюю ночь Глоус мотался вокруг Дашиной избы, грозил кулаком созвездиям. Потом жалобно мяукал и скребся под дверью и наконец в беспамятстве, подражая Тишкину, хрипло запел «Цыганские кибитки»...

А вечером в клубе состоялось собрание. Председательствующий Грызлов взял первое слово:

— Товарищи, мы должны рассмотреть вопрос о недостойном поведении бывшего товарища Тишкина, а как оказалось фактически, пришельца с другой планеты Глоуса, отчество и фамилия отсутствуют...

Из зала крикнули:

— А где сам Глоус-то?

Грызлов удрученно сказал:

— Товарищ Глоус, бывший Тишкин, имеет один яркий недостаток: он может нечисто терять видимость. Но я думаю, что сейчас он присутствует здесь, ежели ему еще дорог наш коллектив!

— Дорог... — вдруг ответил голос откуда-то из пустого угла.

— Слышите, он тут, — сказал Грызлов удовлетворенно. — И хоть мы не наблюдаем его глазами в наших рядах, он обязательно краснеет сейчас! За то, что в последний отрезок времени сильно отпал от работы в бригаде и даже стал совершать вредные чудеса!

— Я краснею, — ответил голос после долгого молчания. — Мучаюсь.

— А почему ты мучаешься? — строго сказал Грызлов, обращаясь в пустой угол. — Потому что оторванный от коллектива и, обратно же, без горячей пищи ты, товарищ Глоус, сильно очумел.

— Где-то вы правы, — сказал Глоус тихо.

— Ну, речку мы обратно сами завернем, как отмолотимся, — продолжал Грызлов. — Исправим ландшафт. А вот ты нам ответь, зачем ты сбег со своей планеты, когда там такая буза идет?

Глоус долго молчал и, наконец, ответил отчаянным голосом:

— Я порвал со своим прошлым.

Грызлов возмущенно воскликнул:

— Тишкин, значит, заместо тебя там надрывается, а ты тут за бабий подол прячешься! Мяукаешь по ночам без толку!

— Я знаю Марзука! — со стоном сказал Глоус. — Он не отступит!

Грызлов усмехнулся:

— Зато Тишкина ты не знаешь. Жалко, разминулись вы маленько. Он там до твоего приезду как раз продержится, а далее вся надежда на тебя. Ты у нас вообще-то тоже мужик всех статей, не хухры-мухры!

И тогда пришелец вдруг проявился и встал перед односельчанами — худой, закопченный, всклокоченный.

— Я полечу, — сказал он отчаянным голосом. — Я из этого Марзука полуфабрикат сделаю!

Собрание охнуло и разноголосо зашумело:

— Ефима-то гони оттуда к Дашке...

— Далеко ли лететь, земляк?

— Может, кого прихватишь в компанию?

— Сядь, посиди, а то не долетишь до места!

Глоус снял обгоревшую кепку и попросил тихим, потерянным голосом:

— Разрешите только... с Дарьей Матвеевной... попрощаться...

(Окончание следует)

Вместо послесловия

ПРОИСШЕСТВИЕ

Итак, вы закончили чтение очередной главы научно-фантастического романа «Пришелец». Теперь вам, читатель, предстоит прочитать заключительную главу. Вернее, предстояло... Дело в том, что автор уже не только написал эту главу, но и нас не в «Клуб ДС» с целью напечатать. Да не донес. Говорит, потерял. Администрация наложила на автора строгую [illegible] и в связи с приближающимся Днем смеха занесла ее в личное дело прозаика. Пусть этот день навсегда запечатлится в его душе. Теперь администрации ничего не остается, как обратиться, грубо говоря, к читателям с просьбой написать заключительную главу «Пришельца» и быстренько, не торопясь, прислать ее в «Клуб ДС». Чтобы оградить буйную фантазию наших читателей, администрация настаивает: размер главы не должен превышать трех страниц машинописного текста. Автора лучшей главы ожидает сюрприз — она будет опубликована.

Ну, давайте!..

УБИЙСТВО ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ

(КРИМИНАЛЬНЫЙ РОМАН)

Глава первая

ПРЕРВАННЫЙ ЗАВТРАК

Инспектор Крюшон собрался завтракать. Но не успел он сделать и глотка черного кофе, как раздался телефонный звонок.

— Придется ехать! — недовольно пробурчал инспектор, надвигая на лоб видавшую виды шляпу.

Глава вторая

НА МЕСТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Когда инспектор Крюшон прибыл на место преступления, там его уже ждали доктор Плиссэ — маленький человечек с лысиной — и помощник комиссара Жак Гоффрэ. Их лица были озабочены.

— Когда приблизительно наступила смерть? — спросил инспектор Крюшон у доктора, недовольно осматриваясь [illegible].

— После полуночи, примерно между одним часом тридцатью пятью минутами и одним часом тридцатью семью минутами, — ответил Плиссэ, складывая свой чемоданчик.

Глава третья

ТАИНСТВЕННАЯ ЛУЖА

— А вы что скажете? — иронически обратился инспектор Крюшон к озабоченному Жаку Гоффрэ.

— Никаких следов, — вздохнул Гоффрэ. — Одно ясно: удар был нанесен чем-то тяжелым. Да еще непонятная лужа воды возле убитого...

Глава четвертая

НАБЕРЕЖНАЯ ОРФЕВР

Инспектор Крюшон медленно шел по набережной Орфевр, надвинув шляпу на глаза и недовольно перешагивая через лужи.

— Никаких следов... — мрачно повторял он про себя.

Вдруг инспектор остановился как вкопанный, с интересом рассматривая крышу соседнего дома. Потом, так же неожиданно, он сорвался с места и побежал, чуть не сбив с ног вышедшую из дома консьержку.

Глава пятая

СТРАННЫЙ ЗВОНОК

В квартире зазвонил телефон. Мадам Крюшон, вытерев руки о передник, сняла трубку.

— Это ты? Обедать придешь? При чем тут холодильник? Да, работает. Ты здоров?..

Но инспектор, видимо, очень торопился, потому что вместо ответа послышались только короткие гудки.

Глава шестая

ПРИЗНАНИЕ

— Ваша взяла, инспектор, — хрипло произнес заросший верзила, известный среди парижских клошаров под кличкой Небритый Роже. — Одного не могу понять: как вам удалось?.. Ведь не осталось никаких следов!..

— Никаких? — усмехнулся инспектор Крюшон. — А лужа? Когда я собрал воду и заморозил, то получилась довольно увесистая сосулька... А на ней... я обнаружил отпечатки пальцев!..

Небритый Роже бессильно опустил голову.

Глава седьмая

ПРЕРВАННЫЙ УЖИН

Инспектор Крюшон собирался ужинать, когда раздался телефонный звонок.

— Не дадут поесть, — недовольно пробурчал инспектор, надевая видавшую виды шляпу.

Авторизованный перевод с французского
сочинил Л. КАМИНСКИЙ
ЛЕНИНГРАД

К ВОПРОСУ О СОСИСКАХ

ЗАЯВЛЕНИЕ АДМИНИСТРАЦИИ «КЛУБА ДС»

В последнее время для любителей колбасных изделий [illegible] выпуск сосисок в целлофановой пленке. Поскольку нет возможности к каждой сосиске приложить инструкцию о том, как поступать с пленкой, то нынешние гурманы склонны варить двояко: предварительно снимая пленку и наоборот. Третьего не дано.

Но и двух истин быть не может. Или — или. За разъяснением гурманы обратились к всезнающей прессе.

И вот справочное бюро «Вечерней Москвы» сделало разъяснение: «Если вы купили сосиски в искусственной оболочке, снимите ее, сосиски положите в кипящую воду и, ослабив нагрев, подержите их на огне 5—10 минут. При соблюдении этих условий, сосиски не теряют своих качеств».

Теперь все ясно, с облегчением вздохнули гурманы. Но тут вышел мартовский номер журнала «Здоровье»: «Сосиски надо класть в кипящую воду, не снимая оболочки, и проварить в течение 3—5 минут. Если же предварительно снять оболочку или наколоть ее, фарш пропитывается водой, становится невкусным и теряет ценные пищевые вещества».

Таким образом, внесена еще одна ясность. Две ясности — много это или мало? По мнению руководящих кругов «Клуба ДС», нужна еще одна ясность. Вот она: «Перед тем как купить сосиски в целлофане, посмотрите, нет ли сарделек. Если нет сарделек, узнайте, когда будут пельмени. Получив исчерпывающий ответ, смело покупайте сосиски. И если вам вздумается их варить, не торопитесь, трижды взвесьте все «за» и «против».

Кстати, снимать пленку с сосисок — дело почти безнадежное. Как до варки, так и после. И кто ее только выдумал? Приятного бы ему аппетита!

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА

РОГА И КОПЫТА

● **ОБЪЯВЛЕНИЕ**

Сдача в эксплуатацию нового жилого дома задерживается вследствие капитального ремонта.

● **АСТРОНОМИЮ — В МАССЫ!**

Узнав, что к Земле приближается крупная комета, Х. Волапюк купил в гастрономе три бутылки портвейна. «Я думаю, — сказал он жене, — что каждый культурный человек должен как-то отметить это событие».

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
Цена 15 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 103654 ГСП, Москва Ц, Цветной бульвар 30 Телефон для справок: 295-00-00 доб. 63

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, В. ГОРЕУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, В. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ.

А—01020 Типография «Литературной газеты»: Москва К-51, Цветной бульвар, 30 Зак. 276 ИНДЕКС 50067